

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Р. Г. ЛЯПУНОВА

Алеуты

Очерки
этнической
истории

К 1089025

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

ВОЛОГОДСКАЯ

В книге показывается современное состояние изучения проблемы древнейшей истории населения Алеутских островов; рассматриваются этнокультурные изменения у алеутов во времена Русской Америки, затем — в американский период их истории; характеризуется этнокультурная ситуация у алеутов США в конце XIX—XX в.; рассказывается об особом этническом пути командорских алеутов.

Книга рассчитана на этнографов, историков и археологов.

Ответственный редактор

Р. В. КИНЖАЛОВ

Рецензенты:

И. С. ВДОВИН, Г. А. МЕНОВЩИКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные алеуты — жители зарубежного и советского Севера. Как и родственный им народ — эскимосы, они прошли длительный исторический путь, заселив и освоив пограничную область между северо-востоком Азии и северо-западом Америки. С древнейших времен алеуты обосновались на Алеутских островах и юго-западной оконечности п-ова Аляска, включая расположенные рядом Шумагинские острова, и создали здесь своеобразную, высокоразвитую культуру северных морских охотников, рыболовов и собирателей.

С середины XVIII в. в этнической истории алеутов наступил новый этап: начались их контакты с западным миром. История Аляски (вместе с Алеутскими островами) с этого времени распадается на два периода. Первый (126 лет) связан с открытием, хозяйственным освоением русскими исследователями, мореходами, купцами и промышленниками Алеутских островов и Аляски и деятельностью организованной здесь в 1799 г. Российско-Американской компании. «Русская Америка» — так именовали тогда владения России в Северо-Западной Америке; а за первым периодом закрепилось название «русский». После продажи в 1867 г. Россией Аляски с Алеутскими островами США для основной части алеутов наступает американский период их истории.

Первый период, отличавшийся, несмотря на негативные стороны процесса первоначального открытия земель, присущим дореволюционной России демократическим характером их освоения, ознаменовался определенным прогрессом в этнокультурном развитии алеутов, подобно тому как это было и в истории народов Сибири. В последовавший за ним период господство в капиталистической Америке политики национальной и социальной дискриминации привело к полному обнищанию, физическому вырождению этого народа и деградации традиционной культуры. Лишь у небольшой группы алеутов, переселенных в 1825 г. Российско-Американской компанией на необитаемые прежде Командорские острова и оставшихся после 1867 г. в пределах России, после победы Октябрьской революции сложилась иная судьба. Командорские алеуты — одна из малых народностей советского Севера, равноправные граждане великой семьи народов СССР.

Ученых с самого начала знакомства с алеутами интересовали их происхождение, этногенетические и культурные связи с народами Азии и Америки в целом, с более близкими соседями. На сегодняшний день многие стороны этой большой проблемы исследованы и получили освещение. Но вопрос о происхождении алеутов, так же как и тесно связанный с ним вопрос о происхождении эскимосов, остается одним из сложнейших. До сих пор дискуссионными являются вопросы о времени и путях заселения алеутами района их обитания, времени и месте отделения от единой эскимосско-алеутской (эскоалеутской) общности, вопросы этногенетических и культурных связей как с древними, так и с более поздними эскимосскими культурами, с приморскими культурами северо-востока Азии и северо-запада Америки. Все еще обсуждается вопрос о причинах антропологических, лингвистических и культурных различий между алеутами восточной и западной частей Алеутского архипелага, о происхождении разнообразных стилей богатого искусства алеутов, мифологических сюжетов, традиции мумифицирования и т. д. Древнейшая история алеутов (специально и в тесном единстве с историей эскимосов) — тема, которой в три последних десятилетия интенсивно занимаются зарубежные ученые, особенно американские и канадские. В разработке проблем этногенеза алеутов активно участвуют и советские исследователи, тесно связывая их с этногенезом народов Северо-Восточной Азии.

Вместе с тем на современном этапе зарубежными учеными и общественностью Аляски проявляется большой интерес к этнической истории алеутов и этнокультурным изменениям со времени начала их контактов с русскими, а затем — американцами и к происходящим сегодня среди алеутов этническим процессам. Все это составляет часть общих проблем, связанных с коренным населением Аляски в целом. Особый интерес к ним обусловлен новым периодом в развитии северных народностей США и Канады, вызванным, с одной стороны, начавшимся в два последних десятилетия промышленным освоением Аляски, а с другой — значительным ростом движения аборигенов (в том числе и алеутов) за свои политические и социально-экономические права, сопровождающимся подъемом этнического самосознания. Советские ученые постоянно уделяли большое внимание истории и этнографии командорских алеутов.

Но в существующей ныне литературе этническая история алеутов со времени их открытия европейцами освещена крайне фрагментарно. В зарубежных работах зачастую тенденциозно трактуется русский период истории Аляски и Алеутских островов: без полного и объективного анализа (на основе документальных материалов) этнокультурных и демографических процессов, без учета прогрессивных явлений, связанных с ролью дореволюционной России в развитии ее окраин, с влиянием передовых и демократических сил того времени.

В настоящих очерках представлена этническая история алеутов с древнейшего периода до современности. Первый рассматривается в главе, отражающей нынешнее состояние изучения проблемы происхождения алеутов и их так называемой предыстории, т. е. истории до открытия европейцами. Основная же часть работы посвящена этнической истории алеутов с начала их контактов с русскими, а затем — американцами. Следует отметить, что данная работа не претендует на раскрытие всех вопросов, связанных с этнической историей алеутов. Главное внимание мы уделяем этническим аспектам социально-экономических и политических процессов, вопросам культурных изменений и поэтому подробно останавливаемся на важной в этом плане проблеме взаимоотношений алеутов с русскими и позже — американцами. Рассматриваем мы и современную этнокультурную ситуацию, этнокультурные процессы у алеутов США.

Особая глава отведена этнической истории командорских алеутов. Сравнение современных этнических судеб американских и командорских алеутов позволяет наглядно продемонстрировать преимущества ленинской национальной политики КПСС и нашего государства, ее отличие от отношения капиталистических правительств к коренным народностям американского Севера.

В работе использованы новейшая советская и зарубежная литература, старые публикации и материалы архивов, этнографических музеев СССР (богато представляющих культуру алеутов русского периода), а также записи исторических текстов, полевые этнографические наблюдения.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АЛЕУТОВ И ИХ РАННЯЯ ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Этногенез и древняя этническая история алеутов на современном этапе вызывают живейший научный интерес. И это не случайно. Положение Алеутских островов — океанической дуги в северной части Тихого океана, соединяющей Старый Свет с Новым, — непосредственно включает их в проблему межконтинентальных связей Евразии и Америки, которая активно изучается и палеогеографией, и биогеографией, и антропологией, и археологией, этнографией. Вопрос о заселении Алеутских островов смыкается вопросом о древних путях миграций человека из Азии в Америку.

Особое внимание исследователей алеуты привлекают еще и тем, что они, так же как эскимосы, освоили для жизни экстремальный со своим природным условиям район — приполярный. Проблема освоения ими Алеутских островов, приспособления их к условиям данного региона, связана с проблемой адаптации и биологии человека в Берингии и во всем северотихоокеанском ареале, создания здесь своеобразного хозяйственно-культурного уклада морских охотников, рыболовов и собирателей как части экологической системы, формирования специфических комплексов культуры и физических особенностей населения.

Цепь Алеутских островов простирается с запада на восток, соединяя крайний северо-восток Азии с северо-западной частью северной Америки и отделяя Берингово море от Тихого океана. Она состоит из 110 крупных и множества мелких островов. В соответствии с историей открытия этих островов с середины XVIII в. русскими исследователями, мореходами и промышленниками, также географическими и природными особенностями выделены четыре их группы. Ближе к Камчатке — Ближние острова (Атту, Гатту и др.); далее к востоку — Крысьи (Кыска, Амчитка, Крыль, Семисоночный и др.); за Крысьими тянется цепь Андреяновских островов (Танага, Атка — в русский период Атха, Адак — дах и др.). Самая большая группа — Лисьи острова; они включают и самые крупные острова цепи (Умнак, Уналашка, Унимак), их объединения (Четырехсоночные, Креницына).

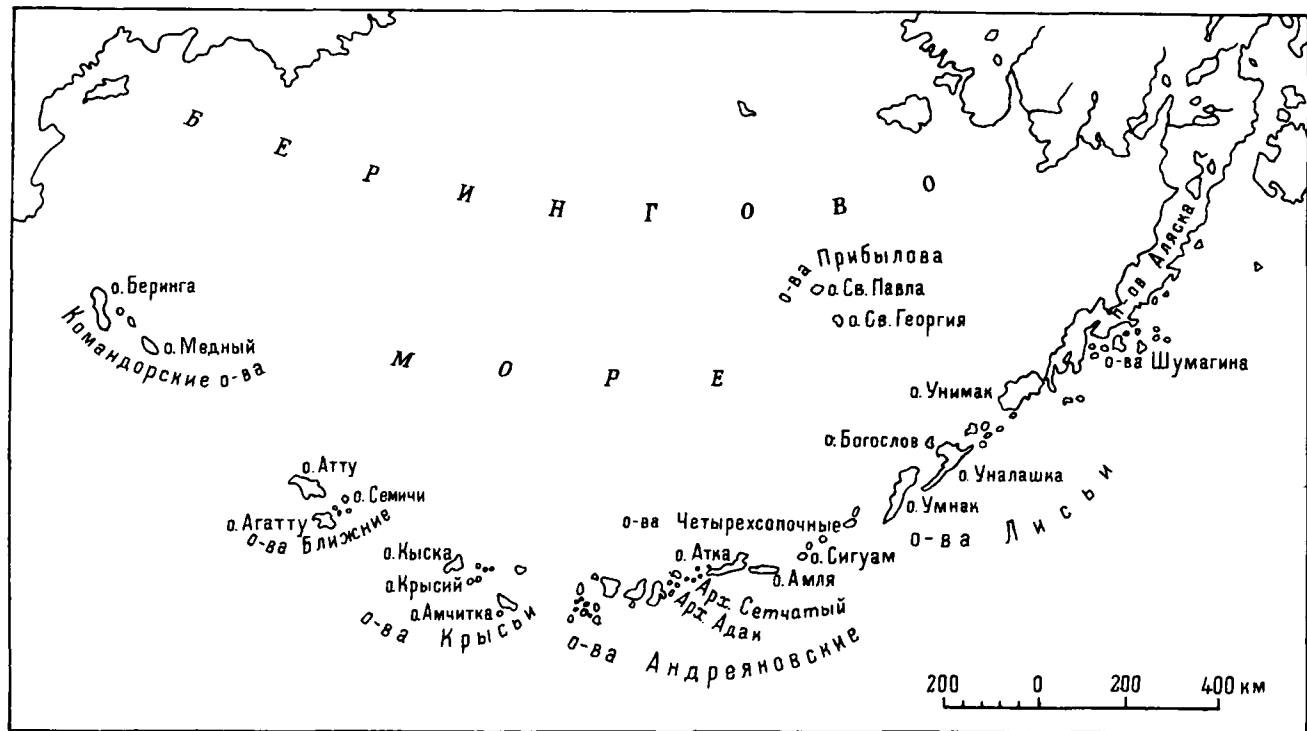
Природные условия заселяемой алеутами территории на всем протяжении единообразны по своему характеру. Острова вулканического происхождения; среди горных пиков около 80 вулканов,

47 из которых были активными в течение 200 последних лет. На многих островах имеются горячие источники. Древесная растительность отсутствует, преобладающий ландшафт — тундровый. Береговая линия островов чаще всего изрезанная, нередко с рифами, многочисленными островками и отдельными возвышающимися в море скалами. Иногда в бухтах и заливах встречаются песчаные (в том числе из черного вулканического песка) или галечные пляжи, а иногда высокие береговые уступы круто обрываются в море. Встречаются острова с находящимися выше уровня моря долинами, речки с которых низвергаются водопадами. Средняя зимняя температура здесь от 0 до +1 °С, средняя летняя от 6.4 до 9.3°. Сильные ветры, частые штормы и постоянные туманы дополняют суровую картину природы этого субарктического, но с незамерзающими прибрежными водами архипелага (только северное побережье п-ова Аляска зимой покрывается льдом). Страной ветров и туманов, колыбелью ветров и штормов часто называют данный пограничный между бассейнами Тихого океана и Берингова моря регион.

Однако эта негостеприимная на вид область имела благоприятные экологические условия для народа с развитым приморским хозяйством. Окружающие ее воды изобиловали рыбой, в том числе лососевыми, заходящими на нерест в речки островов, морскими млекопитающими — китами, сивучами (морскими львами), котиками, тюленями, морскими выдрами (каланами), моржами (только у северного побережья п-ова Аляска). Бесчисленные скалистые острова служили местами птичьих базаров, где гнездились чайки, кайры, бакланы, топорки, ипатки и другие морские птицы. Приливно-отливная зона была богата морскими беспозвоночными (иглокожими и моллюсками), водорослями. Морские течения прибывали к берегам стволы деревьев — плавник. С давних времен алеуты заселяли этот регион, создав здесь к середине XVIII в. высокоразвитую и высокоспециализированную культуру северных морских охотников, рыболовов и собирателей.

По антропологическим, лингвистическим и этнографическим признакам алеуты ко времени прихода русских разделялись на две главные группы: западные населяли Ближние и Крысьи острова; восточные — Лисьи острова и юго-западную оконечность п-ова Аляска. Центральные алеуты, жители Андреяновских островов, составляли переходную группу, по языку выделяемую в подгруппу западного диалекта. Часто их в целом относят к западным алеутам.

Но, кроме того, существовали и мелкие локальные группы, несколько различавшиеся по культурным и языковым признакам. Имели они и свои особые названия. Так, по свидетельству старых русских источников, на Шумагинских островах и п-ове Аляска жили *каган таягунгин* — «люди восточные»; на о-ве Уни-мак — *уймгин*; в северо-восточной части Уналашки и на о-вах Креницына — *кигигун* — «северо-восточные»; прочие уналаш-

Алеутские острова.

кинцы и все умнакцы именовались *каулянгин* (*кагулингин*) — «жители области (или сыновья) морских львов»; обитатели Четырехсопочных островов — *акугун* — «тамошние»; Атхи — *нигугин* (*ниягунгин*); Крысьих островов — *кагун*; Ближних — *сасигнан* (*саскинан*) — «изгнанные с острова». Все вообще жители Андреяновских островов назывались иногда *намигун* — «западные», а также *негбо* — «военнопленные» [Вениаминов, 1840, II, с. 2, 3; Ляпунова, 1975а, с. 122].

Самоназванием алеутов было «унанган», хотя, возможно, первоначально оно относилось только к восточным алеутам. К. Бергсланд переводит его как «прибрежные жители» (Bergsland, 1959, p. 11]. Название «алеуты», ставшее и самоназванием, было дано русскими в середине XVIII в., а происхождение этого слова все еще является объектом научных дискуссий. Уже со второй половины XVIII в. выдвигались самые разные предположения. Последняя и наиболее убедительная из гипотез высказана Г. А. Меновицким [1980]. Согласно ей, термин происходит от слова «аллйтхух» (обозначающего в зависимости от ситуации такие понятия, как община, отряд, войско, команда), которым алеуты называли себя при первых контактах с русскими мореплавателями и промышленниками.

Ко времени прихода русских алеуты достигли довольно высокого уровня общественного развития, находясь на стадии разложения первобытнообщинной формации, переживая эпоху военной демократии, перехода от доклассового общества к классовому. Но, возможно, это относится только к восточным алеутам.

Происхождение алеутов и их ранняя история, интересовавшие ученых с момента знакомства европейцев с этим народом в середине XVIII в., привели исследователей к более широкому кругу вопросов: о заселении человеком Америки вообще, о родстве алеутов с азиатским населением, эскимосами, индейцами. И еще в начале XX в. проблема происхождения алеутов вместе со связанным с ней кругом вопросов в работе известного русского ученого В. И. Йохельсона получила название «алеутская проблема» [Jochelson, 1925].

На современном этапе происхождение и история алеутов до начала их контактов с европейцами, ранняя и поздняя предыстория активно исследуются и обсуждаются зарубежными (главным образом американскими) и советскими учеными. Характерным моментом является то обстоятельство, что продолжают существовать и даже вновь появляются противоречивые мнения и выводы по основным вопросам «алеутской проблемы»: о путях и времени заселения Алеутских островов, об этногенетических и культурных связях с эскимосами, индейцами и северотихоокеанскими азиатскими приморскими культурами.

Первый вопрос, который ставили ученые, — откуда пришли предки алеутов и когда. В ранних работах говорилось преимущественно о миграции их или с северо-восточного побережья Азии,

или из Аляски примерно 3000 лет тому назад либо позже. Исследования последних десятилетий привели к заключению о заселении этого региона в более раннее время и о формировании алеутов со всеми особенностями их физического типа, языка и культуры именно на Алеутских островах. Однако высказываются и иные точки зрения.

Каким путем шло заселение Алеутских островов? Этот вопрос, как правило, связывается с другими — о заселении Америки индейцами и эскимосами. Обсуждению подвергались две теории: о заселении Алеутских островов с запада, через Камчатку и Командорские острова, и с востока, через Аляску. Вместе с тем уже с конца XIX в. возникает предположение о существовании в глубокой древности сухопутного моста между Азией и Америкой, по которому шло заселение Америки. Обоснование движения предков алеутов по береговому краю Берингоморской платформы, построенное на современных геологических данных и подкрепленное материалами раскопок самой древней стоянки человека на Алеутских островах (и одной из ранних на Аляске в целом) — Анангулы, показывающей время, соответствующее существованию этого моста (около 10 000 лет тому назад), определяет одну из предполагаемых максимальных дат заселения Алеутских островов.

Следующий вопрос — были ли алеуты первыми жителями данных островов — вызван антропологическими различиями (долихокrania и брахикrania) населения крайней западной и восточной частей цепи. Существовали теории о двух или даже трех волнах заселения или о единовременном. Высказываются также мнения и об отдельных, более поздних миграциях на архипелаг из Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки.

Важным является вопрос о соотношении эскимосов и алеутов. Здесь тоже имеются разные точки зрения: от признания алеутов южной группой эскимосов и до определения такого отдаленного времени их расхождения, которое говорит в пользу самостоятельного этнического формирования алеутов.

С эскимосами алеутов тесно связывает бесспорная общность происхождения. Особенно надежно она подтверждается данными лингвистики. Эскимосский и алеутский языки образуют единую эскимосско-алеутскую семью языков, хотя и со свидетельствами довольно отдаленного родства. Вывод о разделении единого эскимосско-алеутского языка 2600—1000 лет до н. э. на эскимосский и алеутский был сделан на основе метода глоттохронологии М. Свадешем и Д. Гиршем [Hirsch, 1954, p. 827; Swadesh, 1958, p. 672]. Эта дата была пересмотрена К. Бергсландом в сторону удреждения [Bergsland, 1958, p. 656]. К такому же выводу пришел и Д. Дюмонд, сопоставляя лингвистические данные и археологические свидетельства. Он определил, что наиболее очевидным временем расхождения был период от 6000 до 4000 лет до н. э. [Dumond, 1965, p. 1250, 1251]. Эту оценку считают наиболее вероятной и другие ученые [Файнберг, 1980, с. 231, 232].

Без сомнения, вопрос о месторасхождении носителей названных языков очень сложный. Тем более интересны в этом плане выводы Г. А. Меновщикова о кардинальном различии в лексике алеутского и эскимосского языков, относящейся к названиям морских животных и сопутствующим приморской культуре предметам материальной культуры, которая является общей для всего эскимосского ареала. В то же время терминология, связанная с континентальным образом жизни, сухопутной охотой и рыболовством, совпадает [Меновщиков, 1974, с. 47]. Из сказанного следует, что расхождение алеутов и эскимосов произошло еще до заселения ими приморских территорий. Это подтверждают и этнографические материалы: орудия и техника морской охоты алеутов значительно отличаются от эскимосских [Ляпунова, 1975а]. Важным является и указание Меновщикова о влиянии на алеутский язык палеоазиатских языков [1974].

Согласно одной из современных теорий, местом сложения и центром дальнейшего распространения эскимосской культуры является район Берингова пролива [Арутюнов, Сергеев, 1975]. Однако большинство зарубежных специалистов считают таким местом Юго-Западную Аляску [Laughlin, 1952a, p. 66; 1963a, p. 1, 12; Чард, 1962, с. 98, 99; Oswalt, 1967, p. 236; Bandi, 1969, p. 181, 182]; сходную позицию занимают и советские исследователи [Файнберг, 1964, 1980; Васильевский, 1973; Диков, 1979].

Концепцию о формировании приморской адаптации алеутов именно на Алеутских островах поддерживают сейчас большинство и советских, и зарубежных ученых, расходясь только во мнениях о времени ее появления, родстве алеутов с другими народами и особенностях их распространения внутри архипелага.

Таким образом, наряду с единым с эскимосами историческим прошлым алеуты имели и собственную длительную этническую историю, связанную с их обособлением еще в глубокой древности.

Начало изучения алеутов было связано с русским периодом истории Аляски и Алеутских островов [историю изучения алеутов см.: Ляпунова, 1975а, 1979а; алеутов и эскимосов: Файнберг, 1964, 1971, 1980]. Выдающимся научным достижением этого периода стали труды И. Вениаминова по этнографии и языку алеутов [1840, 1846]. Первым американским исследователем культуры алеутов был В. Долл, первым начавший и раскопки на Алеутских островах [Dall, 1872, 1873, 1877b]. В 1910—1911 гг. серьезными археологическими, этнографическими и лингвистическими исследованиями на островах, организованными Русским географическим обществом, занимался В. И. Йохельсон [Jochelson, 1925, 1933]. В 1936—1938 гг. в связи с обоснованием теории заселения Американского континента из Азии обширные археологические работы на Алеутских островах проводил американский антрополог А. Грдличка, предположивший последовательную смену населения в цепи с востока на запад и назвавший раннее население «доалеутами», а последующее — «алеутами» [Hrdlička, 1945].

Исследованием вопросов происхождения и ранней истории алеутов с конца 40-х гг. активно занимаются американский антрополог В. Лафлин с группой сотрудников и студентов (Коннектикутский университет), а также ученые из ряда других университетов США. Ими проводились раскопки стоянки Чалука на о-ве Умпак и была установлена историческая последовательность жизни алеутов восточной части Алеутских островов и более позднее движение населения по островной цепи на запад. Представление А. Грдлички о двух последовательных волнах заселения сменилось теорией об эволюционных биологических изменениях в едином населении в результате его расхождения (или генетического дрейфа) и о западных и восточных алеутах как о двух ветвях (изолятах) этого населения. Поэтому «доалеутов» Грдлички было признано целесообразным называть палеоалеутами, а его «алеутов» — неоалеутами [Laughlin, Marsh, 1951; Laughlin, 1951a, 1952a, 1958, 1961, 1962a, 1962b, 1963a, 1963b].

А. Сполдинг после раскопок стоянки Круглый Мыс на о-ве Агатту пришел к выводу, что население (предположительно палеоалеуты) достигло западной части архипелага к 500 г. н. э. Около 1000 г. н. э. оно стало оттесняться в западную оконечность цепи неоалеутами, распространявшимися из восточной части архипелага.

В конце 40-х гг. на о-вах Уналашка, Амакнак, Адак, Атка и других проводил исследования Т. Бенк, высказавший предположение о единой волне населения, дифференцировавшегося физически, культурно и лингвистически в результате длительной жизни в изоляции на островах [Bank, 1953].

В последующие годы В. Лафлин продолжал раскопки открытой им и А. Мэем еще в 1938 г. (во время их работы в составе экспедиции А. Грдлички) и принятой тогда за мастерскую (а не место поселения) стоянки Анангула на одноименном острове. Ими были определены ее отличительные особенности — технология нуклеусов и пластин, — а также получены радиоуглеродом даты — около 6000 лет до н. э. Таких древних дат и подобной технологии, родственной технологии самых ранних аляскинских материковых стоянок, совершенно не было в нижних уровнях Чалуки. Но Лафлин все же предполагал, что эта традиция могла быть родоначальной для палеоалеутской культуры [Laughlin, 1951b; Laughlin, Marsh, 1954; Laughlin, Black, 1964].

Исследования в 60—70-х гг. происхождения и ранней истории алеутов были особенно результативными. Они велись на материалах раскопок наиболее интересных и важных стоянок на Алеутских островах — Чалуки и Анангулы, — по широкой комплексной программе, которая включала не только вопросы археологии, антропологии, лингвистики и этнографии народа, но и экологии, биологии, зоологии и четвертичной геологии Алеутских островов.

Многослойная стоянка Чалука на берегу Никольского залива на о-ве Умпак явилась иллюстрацией к древней истории алеутов

начиная с 4000 лет тому назад и до XVIII в. По материалам раскопок этой стоянки («траншеи А») в 1962 г. Г. Деннистон были выделены семь слоев и три культурных уровня: нижняя Чалука (слои VII—V), средняя Чалука (IV—III) и верхняя Чалука (II—I). Основываясь на анализе раскопанных жилищ и каменного инвентаря, автор делает вывод, что наиболее резкое культурное изменение в Чалуке падает на промежуток между слоями III и II (между средней и верхней Чалукой), тогда как остальные слои обнаруживают более стабильное развитие основной традиции каменной индустрии [Denniston, 1966]. По материалам тех же раскопок Д. Айгнер выделяет в Чалуке не семь, а четыре слоя [Aigner, 1966]: слои I и II Деннистон соответствуют слою I Айгнер (700 г. до н. э.—500 г. н. э.); слои III и IV — слою II (1100—700 гг. до н. э.); слои V и VI — слою III (1200—1100 гг. до н. э.); слой VII — слою IV. Выше слоев с остатками древних поселений как прямое продолжение их расположено существующее и теперь с. Никольское, где живут алеуты.

Стоянка Анагула расположена на одноименном острове в Никольском заливе (в 7.2 км к северо-западу от Чалуки), отделаемом от о-ва Умнак узким и мелководным Сивидовским (Водорослевым) проливом.

Всестороннее изучение древней истории алеутов создавало основу для решения ряда вопросов проблемного характера: адаптации населения в условиях Берингии; значения экологических факторов; дифференциации и изоляционной интеграции человеческих популяций; установления прямых связей древних американских культур с азиатскими.

В. Лафлин подчеркивает, что в значительной своей части компоненты населения и фауны экосистемы Алеутских островов обнаруживают родство с древней Берингией, юго-западным продолжением которой были нынешние восточные Алеутские острова. Берингия, Берингоморский мост — обширный регион, соединявший северо-восточную оконечность Азии и Аляску и простиравшийся почти на 1200 км с севера на юг. Он оказался затопленным в своей большей части около 10 000 лет тому назад и перерезан Беринговым проливом. Примерно 9000 лет тому назад уровень моря был ниже современного в среднем на 30 м и предки алеутов и эскимосов двигались пешком и на лодках вдоль южной береговой линии Берингии. Их ранние стоянки, располагавшиеся всегда на берегу, покрыты сейчас водой; сохранились лишь единичные благодаря особым условиям. Это стоянки в Никольском заливе, которые демонстрируют заселение человеком этого региона с 8700 лет тому назад. О-в Анагула был во времена Берингоморского моста северо-западным продолжением о-ва Умнак (позже появилось предположение о существовании пролива между ними) и мысом моста. Самая древняя стоянка Анагулы — стоянка Пластилин — занимает его низкий южный «хвост» (алеутское название острова — «Кит, плывущий на север»).

Алеуты, таким образом, составляют конечную популяцию в серии популяций, адаптировавшихся у побережья Берингова моря. Адаптация же американских индейцев происходила во внутренних частях Берингоморского моста и Аляски. Две существенно различные экологические адаптации экономик этих популяций (морского берега и внутренних территорий) служили основанием и средством усиления морфологического и генетического отделения берингоморских монголоидов от американских индейцев [Laughlin, 1975; Laughlin, Wolf, 1979; Laughlin et al., 1979].

К непосредственному участию в комплексной программе американских ученых по изучению происхождения и ранней истории алеутов привлекались и специалисты из других стран. Особенно результативными оказались советско-американские научные контакты и совместные исследования на о-ве Анангула.

Анангула — старейшее из известных свидетельств человеческого заселения не только в цепи Алеутских островов, но и одно из ранних на Аляске в целом. Глубоко погребенный и защищенный культурный слой, а также большой размер (90×250 м) делают эту стоянку одной из важнейших для изучения ранних аляскинцев, а около 40 установленных радиоуглеродом дат (свыше 6000 лет до н. э.) позволяют считать ее наиболее точно хронологически определенной. Имеющий только 20 см толщины культурный слой предполагает сравнительно короткое время заселения, — очевидно, столетие или менее. Стоянка, вероятно, была покинута в результате извержения вулкана: она покрыта толстым слоем вулканического пепла.

Многие ученые сходятся с В. Лафлиным в том, что существовала технологическая преемственность между относящейся примерно к 8000 лет тому назад стоянкой Анангула и стоянкой Чалука, нижние культурные слои которой датируются 4000 лет тому назад, а верхние — уже русского периода. Анангула, имеющая скорее сходство с древними азиатскими культурами, чем с аляскинскими, прямо указывает на береговые миграции из Азии. Чалука же начинается довольно развитой приморской культурой, характерной и для других стоянок Алеутских островов. Некоторые изделия из Анангулы (раскопки 1960 г.), такие как каменные сосуды, шлифовальные камни и камни для растирания охры, найдены в Чалуке и на других стоянках Алеутских островов. Следовательно, они тоже являются свидетельствами преемственности [Laughlin, 1967]. Однако собрание Анангулы составляют в основном маленькие и большие пластины, отбитые от многогранных нуклеусов, клинья, отщепы и другие заготовки для них, полученные этой техникой; обнаружены и характерные поперечные резцы-скребки. Хотя некоторые упомянутые выше категории находок анангульской стоянки Пластин (названной так по ее самому характерному признаку) подобны изделиям с более поздних алеутских стоянок, но в последних совершенно отсутствует техника изготовления нуклеусов и пластин, резцов-скребков с исключительно односто-

ронней обработкой поверхности (т. е. унифациальной техникой). Ни одного двусторонне обработанного (т. е. бифациальной техникой) орудия не встречено среди 1000 найденных на Анангуле предметов [McCartney, Turner, 1966; Laughlin, Aigner, 1966; Aigner, 1970].

Между стоянкой Пластин и нижними уровнями Чалуки имеется полное совпадение свидетельств окончания оледенения и голоценового времени, однако существовал временной разрыв почти в 4000 лет. Это обстоятельство наряду с отмеченными существенными отличиями в каменных индустриях давало (и дает) повод некоторым исследователям относить археологическую культуру Анангулы к предкам не алеутов, а либо эскимосов, либо индейцев. Требовал дополнительной экспертизы и вопрос о характере культуры Анангулы, корреляции ее с древними культурами Азии.

Названные вопросы выяснялись в ходе работ советско-американской экспедиции 1974 г., организованной Коннектикутским университетом по инициативе В. Лафлина и проводившей исследования на о-ве Анангула. В нее входили крупные советские ученые — специалисты в области древней истории Сибири и северо-востока Азии: А. П. Окладников, А. П. Деревянко, Р. С. Васильевский, В. Е. Ларичев и А. К. Кононацкий [Лафлин, Окладников, 1975; Окладников, Васильевский, 1976].

Вопрос о происхождении алеутов в последние три десятилетия рассматривался советскими учеными в общем контексте с древней историей народов Азии, проблемой заселения Америки как составная часть проблемы происхождения и ранней истории северо-восточных палеоазиатов, эскимосов и американских индейцев. Он нашел отражение в работах проблемно-теоретического характера, содержащих материалы новейших археологических и антропологических исследований на северо-востоке Азии, Камчатке, Чукотке, Охотском побережье, в Приморье [Дебец, 1951, 1959; Левин, 1958; Окладников, 1971, 1979, 1983б; Файлберг, 1964, 1971, 1980; Васильевский, 1973; Арутюнов, Сергеев, 1975; Диков, 1977, 1979, 1985; Алексеев, 1981, 1985, и др.]. Поэтому мнение советских ученых, участников экспедиции, было очень важным.

Раскопки производились вначале на стоянке Пластин. Советскими специалистами была отмечена замечательная стратиграфия этого памятника, в котором культурные остатки были связаны с отложениями вулканического пещца и датировались обширной серией радиоуглеродных дат (42 образца), что составляло редкое по богатству и четкости информации явление не только в археологии Америки, но и Старого Света. Стратиграфические данные показывали, что первые обитатели острова пришли сюда вслед за окончанием ледникового периода, остатками которого были слои светло-серого ила с включенными в него окатанными гальками и валунами. Затем начиналось голоценовое время, отмеченное серией неплосадов от близлежащих вулканов, прежде всего от

грандиозного вулкана Акмак. В стратиграфическом разрезе стоянки Пластин четко выделяются пять слоев вулканического пепла (были также и незначительные пеплонады). Нижний слой, «ключевой», белого цвета, отложился вскоре после окончания оледенения: около 8300—8400 лет тому назад. Он имеет маркирующее значение: культурные остатки залегают под и над ним. Возраст пепла слоя III 7000—7500 лет. Примерно 3000 лет тому назад выпал пепел слоя IV. Такими хронологическими вехами отмечаются деятельность людей анангульской стоянки Пластин.

В результате совместных работ советских и американских ученых главный вопрос — о возможности корреляции культуры пластин Анангулы с культурами Северной Азии — получил надежное обоснование.

Если раньше для всего Американского континента единственным важным свидетельством контактов с Азией являлся «гобийский нуклеус», то теперь на стоянке Пластин был получен целый ряд новых доказательств: традиционные леваллуазские по форме пластины (обнаружен и один типично леваллуазский по форме нуклеус); торцовые нуклеусы («гобийские», или «клиновидные»); типичные для палеолита Азии галечные орудия; «мустьерские наконечники»; большой «сибирский скребок» со ступенчатыми сколами; угловые или диагональные скребки, такие же, как и в Японии («резцы Арайя»), Монголии (гора Хере-Улл на Халхин-Голе), Сибири (стоянка на Ангаре близ Иркутска), на советском Дальнем Востоке (среди них и двухконечные). Все эти находки подтверждают, что культура пластин Анангулы имела генетические связи с культурами Азиатского материка, существовавшими от примерно 17 000 до 10 000 лет тому назад. Причем носители культуры пластин, видимо, шли из Азии непосредственно на Алеутские острова особой волной, отличной от той, которая распространялась севернее на Аляску.

Следующий большой вопрос — отношение культуры пластин к позднейшим, чисто алеутским культурам, начинающимся с нижних слоев Чалуки, — также нашел отражение в ходе работы экспедиции. Позднейшие культуры, как уже отмечалось, имели одно принципиальное отличие от культуры пластин: в них отсутствовали пластины и господствовала бифациальная техника изготовления орудий, общая для всех древнейших культур Американского континента, в то время как культура пластин характеризовалась исключительно унифациальной техникой обработки орудий. Вопрос, следовательно, заключался в том, были ли носители культуры пластин Анангулы предками алеутов и были ли заселены Алеутские острова последними непрерывно в течение 8000—9000 лет или данная культура составляла временное и случайное явление в истории названных островов. Раньше путем косвенных доказательств В. Лафлин и его сотрудники давали положительный ответ на этот вопрос. Летом же 1974 г. в основании культурной толщи второго поселения на Анангуле — Вилледж-Сайт (Деревен-

ская стоянка) — была зафиксирована переходная культура, включающая и технику пластин, и двусторонне обработанные орудия. Здесь кроме односторонне обработанных пластин, торцовых нуклеусов и «сибирских скребков» были обнаружены 26 бифациальных наконечников, в том числе черешковые и один прошеллеровидно-изогнутый (аналогичные известным по раскопкам на Сахалине, Курилах и Хоккайдо). Так было найдено связующее звено между этими культурами и установлены удивительная стабильность древней культуры Анангулы и ее эволюция в новые формы, чисто алеутские. Радиоуглеродные даты (4500 лет тому назад и ранее) подтвердили сделанные выводы [Лафлин, Окладников, 1975].

Однако не все исследователи разделяют концепцию В. Лафлина о пути продвижения предков алеутов по краю Берингоморской платформы прямо к Алеутским островам. Некоторые американские ученые более тесно связывают раннюю историю алеутов с историей тихоокеанских эскимосов и населением северо-западного побережья Америки вообще. В выяснение предыстории алеутов в плане их связей с культурами тихоокеанского берега Америки заметный вклад внесли исследования Д. Кларка на о-ве Кадьяк [Clark, 1966], У. Воркмана на о-ве Чирикова [Workman, 1966] и Р. Аккермана в заливе Глейсер северо-западного побережья [Ackerman, 1979]. Ранее гипотезу об эскимосско-алеутской основе в культуре индейцев северо-западного побережья Северной Америки, которые, как предполагалось, были более поздними, уже после древних эскимосов-алеутов, пришельцами в данный регион, высказывал Ф. Дракер [Drucker, 1955, р. 68]. Это подтверждается найденной К. Борденом древней приморской культурой, сходной с эскимосской, на юге северо-западного побережья, в нижнем течении р. Фрезер [Borden, 1962]. В 1960—1970 гг. на п-ове Аляска вел исследования Д. Дюмонд. Он называет эту зону критической границей между археологическими традициями тихоокеанских эскимосов (среди них он различает оушен бей, кадьякскую и алеутскую традиции) и берингоморских [Dumond, 1969, 1977]. На северной стороне полуострова Дюмонд исследовал стоянки, определенные им как родственные северной эскимосской традиции; стоянки же на южной (тихоокеанской) стороне (например, Тэкли-Алдер, дата которой 4000 лет до н. э.) он считает предковыми по отношению к древней алеутской культуре.

Полученные данные позволили сформулировать несколько иную гипотезу происхождения алеутов, по которой 6000—5000 лет до н. э. тихоокеанский берег Северо-Западной Америки был заселен родственными группами народов с субарктическими, ориентированными на прибрежную экономику культурами, характеризующимися частично техникой пластин, один вариант которых был найден на Анангуле, а другие — на о-ве Афогнак [Clark, 1979], у залива Гроунд-Хог близ г. Джуно [Ackerman, 1973; Ackerman et al., 1979], на Хидден-Фаллс близ г. Ситка [Davis, 1980], у о-вов

Королевы Шарлотты [Fladmark, 1971] и на побережье канадской провинции Британская Колумбия [Carlson, 1979]. К 4000-м гг. до н. э. протоалеуты отделились от этой группы и заселили восточные Алеутские острова и южные берега п-ова Аляска. В течение следующих двух тысячелетий алеутская культура развивалась обособленно, в то время как культуры эскимосов побережья Тихого океана и о-ва Кадьяк продолжали испытывать влияние культуры прибрежных групп, обитавших вплоть до Британской Колумбии. После 1000 г. н. э. отмечено увеличение культурной диффузии между районом Берингова моря и побережьем Тихого океана через п-ов Аляска [Dumond, 1977]. Такой обобщенный взгляд на раннюю историю региона находит поддержку у ряда ученых, но вместе с тем вызывает и вопросы, критические замечания [Nagr, 1984; Dumond, 1984].

Многие американские ученые полностью отвергают путь заселения Алеутских островов через Командорские. Они считают (вслед за А. Грдличкой), что нет надежных археологических свидетельств для утверждения заселенности этих островов алеутами или другими аборигенами до посещения их экипажем экспедиции В. Беринга при открытии Алеутских островов [Hrdlička, 1945]. Местонахождение Командорских островов между п-овом Камчатка и Алеутскими островами не является достаточным основанием для предположения, что этим путем шло заселение Алеутских островов. По их мнению, нет также данных о существовании торговых контактов между Азией и Алеутскими островами перед приходом русских, хотя морские суда азиатского происхождения могли случайно заноситься к Алеутским островам.

Сходство между культурой алеутов и приморскими культурами тихоокеанского круга Старого Света, такими как охотская и древняя курильская, рядом американских археологов объясняется конвергентным развитием, основанным на зависимом от морской адаптации образе жизни [Befu, Chard, 1964; McCartney, 1974a, 1984; Ohyi, 1975]. Как утверждает А. Мак-Картни, это конвергентные линии культурного развития народов различного происхождения, заселивших одинаковые ареалы холодного океана и существовавших на утилизации одних и тех же или подобных морских животных, птиц, рыб и беспозвоночных. Конвергентное развитие в условиях холодного океана может быть продемонстрировано, как он полагает, сходством культур алеутов и жителей Огненной Земли [Dall, 1877b, p. 53, 64; McCartney, 1975; 1984, p. 135]. Нужно отметить, что подобная позиция находится в соответствии с наблюдаемой в последние годы у американских ученых тенденцией видеть в культурах Нового Света конвергентную, а не зависящую от культур Старого Света линию развития.

Ранняя история алеутов, реконструируемая на основе археологических и антропологических данных, суммируется сейчас А. Мак-Картни [McCartney, 1984]. Засвидетельствованный культурными остатками период (культура кухонных, или раковинных,

куч) на Алеутских островах датируется временем от 2000 лет до н. э. и до XIX в. Он отмечен культурной непрерывностью, но вместе с тем расхождением по антропологическим признакам. Предположение А. Грдлички о раннем длинноголовом и позднем широкоголовом населении принимается рядом современных антропологов и нашло подтверждение при изучении в 1950—1970 гг. стратиграфии стоянки Чалука [Turner et al., 1974].

Четырехтысячелетняя история заселения Алеутских островов, зафиксированная в культуре кухонных куч, имеет свидетельства значительного единообразия на протяжении этого времени во всем регионе. Хотя междуостровным сравнениям археологического материала уделялось мало внимания, почти все исследователи алеутов отмечали отсутствие заметных изменений в характере изделий по стратиграфическим уровням стоянок [Dall, 1877b; Jochelson, 1925; Laughlin, Marsh, 1951; Bank, 1953; Laughlin, 1963b, 1967; McCartney, 1974b; Aigner, 1976b]. Сравнение археологических собраний отдельных островов и их групп показывает сильное сходство единовременных уровней («горизонтальное родство»). Такое культурное единообразие внутри архипелага А. Мак-Картни объясняет аналогичной окружающей обстановкой на островах, общей ориентированностью на морскую экономику, на добывание в море одних и тех же биологических видов (с незначительными различиями), продвижением стилей изделий вместе с перемещением населения, вызываемым социальными, экономическими и военными целями, и географической изоляцией цепи от внешних культурных влияний, исключая самую восточную, примыкающую к п-ову Аляска окраину [McCartney, 1974a, 1984].

Отмечается, что алеутские изделия, являясь в основном эскимодными по характеру, часто имеют особые стили, встречаемые еще на юго-западе Аляски, а иногда — только на самом архипелаге.

В слоях кухонных куч обнаруживаются медленные временные изменения в стилях изделий, но известно очень мало горизонтальных маркеров для отдельных культурных слоев, за исключением растространившейся в течение I тысячелетия н. э. техники шлифованных сланцев или индустрии длинных стержневидных наконечников с гнездом для копьеца, появившихся во II тысячелетии н. э.

Не выявлено определенных археологических фаз для алеутского ареала, кроме изембекской у окончания п-ова Аляска [McCartney, 1974b]; эта фаза сравнима с последовательными археологическими фазами в основании полуострова [Dumond, 1971].

По поводу соотношения найденной на Анангуле культуры с более поздними культурами Алеутских островов (культурами кухонных куч) многими учеными, в том числе и советскими, разделяются взгляды В. Лафлина, но вместе с тем высказываются и другие мнения. В частности, А. Мак-Картни [McCartney, 1984] отмечает, что столетие археологического изучения Алеутских островов показало основную родственность культур цепи начиная

с 4000 лет тому назад, но вопрос о родстве их с культурой Анангулы все еще остается дискуссионным и далеким от решения. Имеются три варианта возможного объяснения связи между культурами Анангулы и кухонных куч. Первый: жители Анангулы были самыми ранними насельниками Алеутских островов, и происходило их культурное развитие в изоляции в более поздние алеутские культуры; следовательно, признается продолжавшееся в течение примерно 8000 лет самостоятельное, без внешних влияний, развитие культуры алеутов, их антропологического типа и особенностей языка. Эта теория, как мы указывали, была разработана Лафлиным.

Второй вариант предполагает наличие в алеутских культурах кухонных куч смеси позднего эскимойдного влияния через п-ов Аляска и более древнего, анангульского субстрата; значит, объединяются мнения о внешнем влиянии и местном развитии в изоляции. Такая точка зрения рассматривается, в частности, в работах Д. Дюмонда и А. Мак-Картни [Dumond, 1965, 1971, 1977; McCartney, 1971, 1974b, 1984].

Согласно третьему варианту, жившие на Анангуле люди вымерли; алеутские же культуры начиная с 4500 лет тому назад являются результатом вторичного (или даже более) заселения островов.

Первый и второй варианты отражают модели культурной преемственности. Третий вариант предполагает, что носители культуры Анангулы были неродственным алеутам народом, поскольку каменная индустрия стоянки отличается от каменной индустрии более поздних алеутских культур. Разрыв между традициями составляет очень большой промежуток времени — 3500 лет, и из-за отсутствия костяных орудий и скелетных остатков в Анангуле нельзя провести сравнение с материалами более поздних стоянок.

Как уже упоминалось, в 1974 г. в ходе работ советско-американской экспедиции рядом с анангульской стоянкой Пластин была открыта Деревенская стоянка (предварительная дата ее — 6000—5000 лет тому назад), давшая находки как односторонне, так и двусторонне обработанных орудий. Следовательно, была найдена типологическая основа для определения переходной стадии от анангульской традиции к алеутской [Laughlin, 1975, 1980]. Но, по мнению некоторых американских археологов, это определение требует дополнительных доказательств, а обнаруженные наконечники имеют сходство с наконечниками из стоянок Порт-Моллер, Тэкли-Алдер и побережья пролива Шелихова [Clark, 1977; McCartney, 1984].

Однако все ученые единодушны в том, что анангульская традиция (более, очевидно, кратковременная, чем алеутская) является свидетельством существования изолированного остатка более древней, азиатской традиции, продвинувшейся в Арктику и Субарктику Нового Света [McCartney, Turner, 1966; Laughlin, 1967, 1975]. Эта традиция исходила из верхнепалеолитической традиции позд-

неплейстоценового времени, характерной для Сибири около 15 000—20 000 лет тому назад [Müller-Beck, 1967; Chard, 1974]. В Старом Свете она называлась сибирской палеолитической традицией, в то время как находки нуклеусов и пластин на ряде аляскинских стоянок определяются как относящиеся к палеоарктической традиции [Anderson, 1970; Dumond, 1977]. Однако последний термин понимается археологами Аляски по-разному, поэтому не всегда Анангулу причисляют к данной традиции. Как алеутская традиция отличается от поздних аляскинских культурных традиций, так, очевидно, и анангульская будет выделяться среди традиций более ранних стоянок с нуклеусами и пластинами. Когда собрание Анангулы сравнивают с другими аляскинскими собраниями нуклеусов и пластин 8500—5000 лет до н. э., то отмечают основное сходство с ними, но вместе с тем и отличия. Наибольшие отличия между материалами Анангулы и другими собраниями (например, стоянок Акмак, Галлагер-Флинт, Угашик и Коггианг) — отсутствие на Анангуле двусторонне обработанных орудий, а на других стоянках — поперечных резцов анангульского типа, а также наличие в Анангуле широкого разнообразия пластин, полученных с многогранных нуклеусов.

Гипотеза об амурско-хоккайдо-сахалинском исходном ареале для предков эскимосо-алеутов наряду с тем, что две другие ветви древнего населения — палеоиндейцы и группа на-дене — развивались в изоляции и двигались по направлению к Новому Свету более западным путем, обосновывается в последние годы американским антропологом К. Тернером [1983; Turner, 1986]. Базируясь на одонтологических исследованиях, он выделяет среди монголоидов два типа: сундадонтологический (население Микронезии, Полинезии, Японии периода дземон¹) и синодонтологический (население Сибири, Америки и Японии после дземона). 15 000 лет назад, полагает Тернер, группы синодонтов, двигаясь из Северо-Восточной Азии, достигли амурско-хоккайдо-сахалинского региона, где начали развивать арктическую технику охоты на морских животных, приспосабливаясь к приморскому образу жизни. Далее их путь шел по южному берегу Берингоморского моря, свидетельством чего является стоянка Анангула. Район восточных Алеутских островов должен был быть достигнут предками эскимосо-алеутов до 12 000 лет тому назад, когда море было затоплено.

Таким образом, современными археологами выделяются две культурные традиции на Алеутских островах: анангульская и алеутская. Первая, датируемая около 6000 г. до н. э., известна только по стоянке Анангула. Это традиция призматических нуклеусов и пластин, от мелких до больших, с исключительно односторонней

¹ Дземон — неолитическая культура Японских островов, включающая несколько периодов, которые датируются от 8000 до 2500 лет тому назад. Названа по орнаменту на глиняных сосудах (дземон в переводе означает «веревочный узор»).

концевой обработкой орудий. Было определено наличие сильного влияния на названную традицию технологии изготовления нуклеусов и пластин Северо-Восточной Азии. В противоположность анангульской алеутская традиция, датируемая примерно от 2500 г. до н. э. и до 1800 г. н. э., известна по стоянкам всего архипелага. Это традиция неправильных нуклеусов и отщепов, которая включает двусторонне обработанные орудия, сделанные из отщепов, наконечники с черешком и без него, ножи, скребки и сверла. Найдены оббитые и шлифованные лезвия топоров и ножей-улу, а также костяные изделия. Налицо сильное влияние материковых эскимосов.

Алеутская традиция представлена целым рядом исследованных археологических памятников (интересный обзор их сделан А. Мак-Картни [McCartney, 1984]). Мы на них здесь кратко остановимся. Начнем со стоянок в восточной части алеутского ареала.

Единственными раскопанными на п-ове Аляска являются стоянки у Порт-Моллера и Лагуны Изембек, обе на берегу Берингова моря. Стоянка у Порт-Моллера — Хот-Спрингс (Горячие Ключи) — одна из самых больших в Юго-Западной Аляске; здесь открыто свыше 200 овальных углублений от жилищ с остатками внутренних очагов и огороженных глиной или камнями ям для запасов пищи. Крыша делалась из китовых костей или древесины. Спускались в жилище через крышу — входной туннель отсутствовал. Даты заселения: 1500—1000 лет до н. э., 500—600 и 1000—1500 лет н. э. По скелетным остаткам определена принадлежность жителей к алеутам или эскимосам [Laughlin, 1951a, 1952a]. Богатая каменная и костяная индустрия стоянки Хот-Спрингс отражает ее промежуточное положение между алеутской традицией на западе и материковой — на востоке [Workman, 1966; McCartney, 1969; Dumond et al., 1975]. Представлены такие категории изделий, как головки древков гарпунов, наконечники стрел, топоры, лезвия, лабретки, удлиненные наконечники, ножи, скребки.

У Лагуны Изембек найдены жилища, сходные с обнаруженными на стоянке у Порт-Моллера (свыше ста), но, очевидно, летние (только одно из них зимнее). Видимо, здесь был летний лагерь. Большинство оббитой каменной индустрии имеет сильное сходство с собраниями Алеутских островов.

Материалы стоянок у Порт-Моллера и Лагуны Изембек занимают промежуточное положение между алеутской и материковыми эскимосскими культурами. Для позднего предисторического периода не отмечено резких культурных различий между алеутами и эскимосами п-ова Аляска, хотя допускается возможность четкой эскимосско-алеутской лингвистической границы где-то на полуострове. Однако, по данным археологических исследований, предполагается существование культурной непрерывности в течение позднего предисторического периода на всем Алеутском архипелаге и и-ове Аляска [McCartney, 1974a; Dumond, 1974]. Эта непрерывность могла иметь большую временную глубину.

На Унге (Шумагинские острова), у Деларовской гавани, А. Пинар [Pinart, 1875], Е. Лот-Фальк [Lot-Falck, 1957], В. Долл [Dall, 1875, 1880] собрали в пещерах и описали относящиеся к позднему предысторическому и раннему историческому периодам мумии и деревянные изделия [см. также: Вениаминов, 1840, II].

Кроме того, раскрашенные маски, иные предметы из дерева и плетеные вещи обнаружены в пещерах и скальных нишах о-вов Кагамил и Уналашка. Подобные образцы материальной культуры не сохранились в кухонных кучах Алеутских островов. Больших кухонных куч, как на других островах Алеутской гряды, здесь не найдено.

Археологические исследования на Тигалде (о-ва Креницына) выявили стоянку кухонных куч, датированную временем от I тысячелетия н. э. до русского периода [McCartney, 1984]. Несколько типов оббитых каменных орудий очень сходно с собраниями соседнего о-ва Акун и подобно собраниям изембекской фазы [Turner C., Turner J., 1974]. Стоянка Чулка на Акуне датируется 780—1870 гг. н. э. (в верхних слоях найдены предметы русского и американского происхождения). Предысторическое собрание типично для других островов Лисьей гряды, но найдены в большой пропорции полированные сланцевые ножи-улу. Остальные общие изделия включают оббитые скребки, шилья из птичьих костей, иглы, костяные клинья и головки гарпунов [Turner, 1972]. Дата стоянки Ислело на том же острове — ранее 1155 лет до н. э. Среди десяти других раскопанных акунских стоянок Саа и Аматанан имеют самые крупные кухонные кучи. К. Тернер считает, что степень вариативности изделий среди различных акунских стоянок большая, чем в других частях архипелага.

На о-ве Уналашка археологические исследования впервые были предприняты в районе одноименного залива, где в русский период находилось селение Иллюлюк (соврем. с. Уналашка); работы велись и на о-ве Амакнак, расположенном в том же заливе. Раскопки 1940-х гг., особенно А. Канна, сделали этот регион наиболее изученным в архипелаге. Здесь было открыто 19 стоянок. Они датируются 1500—1000 гг. до н. э. Хотя большинство собранных предметов не имеют точной привязки к слоям стоянок, материалы последних представляют широкий ряд стилей изделий, ценных для типологического изучения. Среди находок — костяные орудия, декорированные куски с изображениями китов, морских львов, лисиц и птиц, оббитые каменные наконечники, ножи, скребки, обычно сделанные из базальта, лабретки (губные втулки) из гагата (черного янтаря), кости и моржового клыка. Некоторые амакнакские костяные изделия были определены как подобные кадьякским (трехсвятительской и конягской фаз [Clark, 1966; McCartney, 1984]).

На основании изучения этих коллекций Г. Квимби сделал вывод о наличии двух периодов предысторического искусства алеутов:

раннего, сходного с искусством культуры дорсет,² и позднего, напоминающего развитой пунук.³ Кроме того, он отметил сходство некоторых декорированных изделий с таковыми культуры качемак⁴ всех трех периодов ее развития, особенно второго и третьего [Quimby, 1945, 1948].

На маленьком островке у мыса Седанка на Уналашке были обнаружены мумии [McCracken, 1930; Weyer, 1931]. Подобные погребения в пещерах, скальных нишах и расселинах характерны для уналашкинского района и датируются поздним предысторическим и ранним историческим периодами.

Стоянка Чалука, упоминавшаяся выше, интенсивно раскапывалась с 1909 г. [Jochelson, 1925; Hrdlička, 1945]. Кухонные кучи этой стоянки (примерно 100×240 м, до 10 м глубины) дали огромное количество находок: каменные и костяные изделия, погребения, остатки фауны, — датированных радиокарбоном лучше, чем с любой другой стоянки Алеутских островов. Чалука была заселена лишь с небольшими перерывами с 2000 г. до н. э. и до современности [Denniston, 1966; Turner et al., 1974]. Вулканический пепловый слой оказался перемешанным здесь с нижними слоями кухонных куч [Black, 1976]. Он был расположен выше, чем четыре первичных слоя пепла в стратиграфии анангульской стоянки Пластин. Слой с нуклеусами и пластинами Анангулы находился ниже уровня пепел-III [McCartney, Turner, 1966]. Временной интервал между уровнями пепел-III и пепел-IV приблизительно 3500—4000 лет. В нижних слоях Чалуки найдены каменные основания стен, которые, вероятно, поддерживали крышу из китовых костей. Описания изделий стоянки, погребений, остатков фауны содержатся во многих статьях [см., напр.: Laughlin, 1961, 1974; Aigner, 1966; Denniston, 1966; Lippold, 1966].

В районе с. Никольского на о-ве Умнак у Песчаного берега обнаружена даже более древняя, чем нижние слои Чалуки, стоянка [Aigner, Veltre, 1976]. Раскопаны фундаменты восьми домов. Пять радиокарбоновых дат указывают, что стоянка могла быть заселена на 500 лет раньше Чалуки (к 2500 г. до н. э.). Культурный горизонт здесь находится сразу за уровнем пепел-IV [Black, 1976]. Найденные на стоянке каменные изделия приводят А. МакКартни к заключению, что их технология родственна чалукской, а не технологии культуры нуклеусов и пластин Анангулы [McCart-

² Дорсет — культура, существовавшая в Канаде и Гренландии на протяжении более 1500 лет, примерно с середины I тысячелетия до н. э. и до XIII—XIV вв. н. э.

³ Пунук — одна из неозскимосских культур Берингоморья, существовавших примерно с последних веков до нашей эры и сменившихся уже эскимосскими культурами XV—XIX вв.

⁴ Качемак-I—III — древние эскимосские культуры Юго-Западной Аляски, просуществовали с VIII в. до н. э. (качемак-I) до XVI в. н. э. (качемак-III). Последняя непосредственно перешла в культуру эскимосов чугачей и кадьякцев. Качемак-I и II относят к палеоэскимосским культурам, а качемак-III — к неозскимосским.

неу, 1984]. Вторая стоянка у Песчаного берега имеет культурный слой сразу выше уровня неол-IV, датированного около 1000 г. до н. э. Еще одна стоянка, открытая к западу от Песчаного берега, у Идей-люк, была датирована 2200 г. до н. э. [Black, 1976].

Чалука дала одну из наибольших в цепи островов серий человеческих скелетов [Jochelson, 1925; Hrdlička, 1945; Laughlin, 1951a]. Захоронения были сделаны в основном в скорченном положении, засыпаны охрой; сохранились сопровождавшие их изделия из прочных материалов. Не обнаружено деревянных покрытий, следов завертывания в циновки или шкуры, что характерно для мумий из скальных ниш и пещер. Встречены также погребения на склонах холмов в выкопанных ямах, расположенных между перевернутыми в форме буквы «V» сточными канавами. Такие погребения известны и на других островах центральной части цепи, включая о-ва Кагамил и Атка. Данные сооружения подобны ямам для хранения запасов пищи, которые затем были использованы как погребальные. Вместе с этими захоронениями были найдены фрагменты китовых костей, так же как и в пещерах с мумиями. Это говорит в пользу некоторой символической связи между китами и погребениями [Hrdlička, 1945; May, 1951; Aigner, Veltre, 1976].

Единственная стоянка, раскопанная у северо-восточного конца о-ва Умнак, — Ашишик-Пойнт. Ее даты — от 200 лет до н. э. до позднего предысторического времени, с некоторыми перерывами в заселении. Хотя коллекция изделий здесь маленькая, однако по материалам этой стоянки Г. Деннистон удалось исследовать пищевую диету алеутов [Denniston, 1974]. Ею были проанализированы фаунистические остатки кухонных куч и выяснены состав пищевых ресурсов, их сезонное чередование, питательное содержание; выявлено следующее соотношение употребляемой пищевой биомассы: 1.0 часть — морские беспозвоночные, 1.8 — птицы, 35.9 — рыбы, 51.7 частей — морские животные. Морские и наземные растения в кухонных кучах не были определены, но, как предполагается, они снабжали только незначительным количеством нищи. Данные Деннистон — образец современных исследований алеутов как части алеутской экосистемы.

На Четырехсопочных островах нет раскопанных кухонных куч. Эти острова более известны по собранным в пещерах одного из них — Кагамила — мумиям [Dall, 1875, 1880; Hrdlička, 1945, p. 238—242, 478, 479, 589—610]. Подобные же погребальные пещеры были исследованы на о-ве Шипрок (между Уналашкой и Умнаком), у Черновской бухты на Уналашке и на Илаке (из группы островов Деларова) [Hrdlička, 1945, p. 312—337, 412—417].

Кагамильская серия мумий — самая большая (63 мумии, скелеты, 30 отдельных черепов и др.). Мумии представляют оба пола всех возрастов; их сопровождал погребальный инвентарь: оружие, одежда, снаряжение. Кагамильские пещеры помимо биологических находок и свидетельств техники мумифицирования дали лучшие коллекции из органических материалов, не сохранив-

шихся в кухонных кучах. Предметы из дерева включают гребни, щиты, панцири из планок и остовы каяков. Были найдены одежда и разнообразные сумки (из кишок, шкур, птичьих шкурок), изделия из растительных волокон (плетеные циновки, корзины, сумки, сети), нити, шнуры и веревки из сухожилий, морских водорослей [Dall, 1880; Hrdlička, 1945, p. 238—242, 478, 479, 589—610]. Прекрасная сохранность находок и фольклорные сообщения о погребениях на Кагамиле, относящиеся к историческому периоду, заставляют предполагать, что мумии, обнаруженные там, так же как и на других островах архипелага, относятся к позднему предысторическому и раннему историческому периодам. Алеутским мумиям посвящено интересное исследование В. Лафлина [Laughlin, 1980; Лафлин, 1981].

Андреяновские острова археологически исследованы значительно хуже, чем Лисы. Материалы раскопок, проведенных в течение последнего столетия на Амле, Атке, Адаке, Канаре и Танаре, еще недостаточно изучены и опубликованы [Dall, 1877b; Jochelson, 1925; Hrdlička, 1945; Bank, 1952a, 1952b]. В 1970-х гг. велись интенсивные раскопки на о-ве Атка [Veltre, 1979]. Культуры кухонных куч датируются здесь временем между 1000 и 1400 гг. н. э. и лежат в основе поселений начала XIX в. Предысторический инвентарь Коровинской и других стоянок Андреяновской группы островов по стилю и материалам в целом подобен изделиям восточных островов. Это базальтовые ножи, скребки, наконечники, каменные лампы, шлифовальные и точильные камни, грузила, костяные головки древков гарпунов, рыболовные крючки, шилья, клинья.

Амчитка — единственный остров из группы Крысых, изученный археологически. Стоянки на Кыске и Малой Кыске были первоначально обследованы еще В. Доллом и А. Грдличкой [Dall, 1877b; Hrdlička, 1945]. В конце 1960-х—начале 1970-х гг. на Амчитке выявлены 73 стоянки [Turner, 1970; McCartney, 1977]. Было раскопано около 20 кухонных куч, давших почти 11 000 изделий. Радиокарбоном установлено несколько дат, которые свидетельствуют о заселении острова с 600 г. до н. э. [Desautels et al., 1970]. Некоторые стили изделий Амчитки кажутся уникальными для этой группы островов и для более западных — Ближних; другие — обнаруживают культурную связь с центральными и восточными островами. Найдены также остатки углубленных в землю домов с деревянной верхней конструкцией. Единственный полностью раскопанный дом (6×7 м, углубленный на 0.5 м) датирован 1500 г. н. э. В его конструкции было использовано очень мало китовых костей, в то время как дома, открытые у Лагуны Изембек, сделаны полностью из китовых костей. Однако дома Амчитки и Изембека сходны по величине и этим отличаются от значительно больших по размеру общественных домов раннего русского периода в восточной части Алеутских островов.

Ближние острова — самая западная группа и самая маленькая. В 1880—1881 гг. стоянки на них обследовал Л. Тернер [Turner,

1886]. Позже на о-вах Атту и Агатту вели раскопки В. Долл, В. И. Иохельсон, А. Грдличка [Dall, 1877b; Jochelson, 1925; Hrdlička, 1945]. Небольшие коллекции были собраны здесь во время второй мировой войны [Hurt, 1950; McCartney, 1971]. В 1949 г. А. Сполдингом раскопана стоянка Круглый Мыс на Агатту, датированная серединой I тысячелетия до н. э. [Spaulding, 1962]. На основании бедного набора образцов орудий исследователь заключил, что причиной их архаичности и простоты стала изоляция. Однако А. Мак-Картни, основываясь на изучении коллекций с Агатту, а также с близлежащих о-вов Семичи и Атту, пришел к выводу, что в этой островной группе находятся те же виды изделий, что и в более восточных. Изоляция, по его мнению, сказалась лишь на технологии выделки некоторых каменных и костяных предметов разных стилей, найденных только на островах данной группы или на расположенных рядом Крысьих [McCartney, 1971].

Вопрос о вариабельности культуры алеутов по островам и их группам рассматривался ранее Т. Венком, В. Лафлиным и др. [Laughlin, 1952b, 1958; Bank, 1953]. Было отмечено, что стили каменных орудий в восточных, центральных и западных группах островов не единообразны. В противоположность теории А. Грдлички о двух волнах заселения, различия в антропологических типах и культурных стилях объяснялись ими изоляцией населения на островах и их группах в большом по линейной протяженности архипелаге, что вызывало региональные вариации. Такие вариации с послеанангульского периода могли образовывать антропологические, лингвистические и культурные традиции, идущие с востока на запад с последовательным переходом от одной к другой.

Вместе с тем и основной вывод, который делает А. Мак-Картни из сравнительного археологического изучения всего алеутского ареала, состоит в том, что коллекции изделий иллюстрируют культурную продолженность с востока на запад. Сличение коллекций только из одной островной группы и соседней с ней создает впечатление, что в каждой группе имеются не зафиксированные нигде стили, а также частично стили прилегающих групп. Хотя, как утверждает Мак-Картни, существуют стилистические вариации между островными группами, но в целом основной культурный комплекс один и тот же во всей цепи. Общность изделий находится, по его мнению, в прямом соответствии с единой приморской адаптацией в сходном береговом окружении [McCartney, 1974a, 1984].

Жизнь на островах сделала алеутов исключительно приморски адаптированным народом. Их зависимость от моря была полной. Смещающиеся в районе Алеутских островов воды Тихого океана и Берингова моря характеризуются одним из самых высоких в мире процентов концентрации питательных веществ, и поэтому они были богаты и морскими животными, и рыбой, и птицей, и разными

моллюсками. Кроме того, через архипелаг проходили пути миграций отдельных видов морских животных и птиц. В прибрежном мелководье алеуты ловили рыбу сетями или крючком с берега; в глубоких прибрежных водах добывали ее с лодок и, кроме того, охотились на морских животных; в морских, речных и озерных — били водяную птицу и ловили рыбу.

Анализ остатков фауны из кухонных куч по всей цепи островов показал составляющие источников пищи и материалов для изделий. Между островными стоянками оказались небольшие вариации в видах животных, рыб, птиц, моллюсков и пропорциях употребления той или иной пищи. Главными утилизируемыми животными были морские выдры, тюлени, северные морские котики и львы, большие и малые киты, дельфины (морские свиньи), лисицы, бакланы, утки, гуси, треска, палтус, лососевые, морские ежи, брюхоногие моллюски-хитоны, морские гребешки и др. Алеуты к западу от Унимака полностью зависели от такого рода доставляемой морем пищи. Обитатели же самого Унимака и конца н-ова Аляска добавляли к ней еще мясо моржей и наземных животных, в основном карибу.

Стоянки обычно находились на низких берегах, где имелся легкий доступ к морю. Вычислено, что только от 5 до 10 % береговой линии всех Алеутских островов были удобны для создания поселений [McCartney, 1975, 1977]. Стоянки имеют тенденцию к культурным пропускам, т. е. они покидались и вновь заселялись с промежутком до 1000 лет. Летние лагеря устраивались близ речек с лососевыми или скал с птицами, где строились временные жилища полуземляночного типа.

К началу русского периода в восточной части Алеутских островов бытовали крупные, углубленные в землю жилища длиной до 50 м, вмещавшие большое число семей. Жилища же 2000 г. до н. э. были значительно меньшими, вероятно на одну малую семью, сделанными из валунов, китовых костей и плавника. Переход от малых к большим домам произошел, очевидно, в последние 500 лет [McCartney, 1984, p. 134].

Охотничьи орудия алеутов включали гарпуны, копья, дротики, метательные дощечки, луки, стрелы, дубины. Зафиксированы гарпунные наконечники двух типов: поворотные и неповоротные; последние были более распространенными. В рыболовстве применялись и рыболовные крючки (простые и составные) на линиях, с грузилами, и сети с поплавками. Костяные палки, мотыги и лопаты употреблялись как орудия собирательства и копательные. Деревянные и костяные инструменты представлены клиньями, топорами, сверлами, ножами с оббитыми каменными лезвиями, скребками. При обработке шкур использовали различные ножи, в том числе «улу» с полированными сланцевыми лезвиями, скребки, костяные шилья, проколки, иглы. На стоянках находят также домашнюю утварь: сосуды из позвонков кита, костяные и деревянные ложки и черпаки, молотки, каменные лампы и сковороды,

плиты для растирания и толчения, камни для растирания охры. Предметы украшения включают лабретки из кости, моржового клыка и гагата, палочки и подвески, вырезанные костяные цепи, изображения животных. Встречаются и изящно выделанные куски дерева неизвестного назначения.

Сырье для изготовления орудий, одежды, лодок и других предметов имелось по всему архипелагу, хотя и с некоторыми вариациями. Кости, шкуры, плавник и базальт были доступны на большинстве островов (иногда только их получали посредством торговли с жителями близких территорий). Например, на Умнаке все необходимые для производства каменных орудий и других предметов материалы (аргиллит, базальт, андезит, обсидиан, шлак, пемза, вулканический туф) находились на самом острове [Black, 1976]. Обсидиан — сравнительно редкий материал для наконечников и скребков, и он распространялся обменным путем с восточной части Алеутского архипелага на остальные острова [McCartney, 1977, p. 108, 109].

Высказываемые современными советскими учеными гипотезы о происхождении и ранней истории алеутов и эскимосов увязываются с древней историей северо-востока Азии, в противовес наметившейся в последние годы тенденции американских ученых видеть в аборигенных культурах Нового Света, в том числе и эскимосско-алеутских, результат конвергентного развития в полной изоляции от культур Старого Света после первоначального заселения из Азии.

Гипотезы советских ученых основываются на материалах археологических и антропологических исследований на Чукотке, Камчатке, Охотском побережье, Сахалине, Приамурье и Приморье; во многом они совпадают, различаясь лишь в отдельных моментах. На современном этапе усиленно ведутся поиски в Азии культур, родственных ранним американским. Однако по мере накопления данных картина исторического развития на севере Тихоокеанского бассейна все более усложняется.

С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев [1975], проводившие раскопки древних эскимосских культур на Чукотке, предлагают следующую гипотезу происхождения эскимосов и алеутов, определив прежде всего, что становление основных черт эскимосской культуры произошло в районе Берингоморья задолго до нашей эры. Первоначальным местом расселения эскимосско-алеутских племен, культурно и этнически связанных с племенами Охотского побережья, Приморья, древней Японии и Восточной Азии, как они предполагают, были более южные территории — вдоль северной части Охотского побережья. Отсюда названные племена под давлением палеоазиатов двинулись на север и, перейдя узкую часть Камчатского полуострова, вышли к Берингову морю. Свидетельством этого маршрута являются современные географические названия на севере Камчатки, имеющие эскимосское происхождение. Однако археологические исследования последних десятилетий [Диков, 1977]

показали, что Камчатка была заселена еще до прихода эскимосско-алеутских племен. Часть пришельцев, возможно, ассимилировалась, но большинство их пошло на север. Далее эскимосы переправились через Берингов пролив в районе о-ва Святого Лаврентия на юге и о-вов Диомиды на севере. Расхождение их с алеутами произошло, вероятно, когда одна из эскимосско-алеутских групп или переправилась на Алеутские острова через Командорские, или попала туда, пройдя вдоль юго-западной части Аляски. На Алеутских островах, по мнению Арутюнова и Сергеева, уже было население — скорее всего пришедшие с востока индейские племена. Авторы предполагают наличие в искусстве, материальной культуре и языке алеутов, особенно близлежащих к матерiku островов, заимствований у индейцев. Исходя из археологических и этнографических материалов они настойчиво указывают на культурные параллели между крайним северо-востоком Азии и районами, находившимися на стыке Охотского и Японского морей, при этом отмечают, что история Хоккайдо вплоть до I тысячелетия до н. э. была тесно связана с древней историей Японского архипелага в целом, с его неолитическими культурами: протодземоном — VI—V тысячелетия до н. э. — и дземоном — IV—I тысячелетия до н. э. Принадлежали эти культуры, по их мнению, предкам айнов — палеоайнам.

В более позднее время на Сахалине, в северной и береговой частях Хоккайдо и на Курильских островах распространилась южноохотская культура (наиболее крупный памятник ее — Сусуйская стоянка на Сахалине и раковинная куча Майоро на Хоккайдо), датируемая на ранних этапах началом, а на поздних — концом I тысячелетия н. э. В костяном инвентаре этой культуры и берингоморско-оквикского этапа эскимосской культуры (наконечники гарпунов, лабретовидные запонки для поплавков, костяные мотыги, лопаточки и др.) С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев находят конструктивное сходство. Они отмечают, что носители культуры майоро и в полеоантропологическом отношении наиболее близки к эскимосам и алеутам. Особенно сближают южноохотскую и алеутскую культуры неповоротные наконечники гарпунов. Орнаментация южноохотских наконечников более всего похожа на пупковскую. И авторы делают вывод о возможности распространения элементов древнеберингоморской и родственных ей культур на рубеже и в первых веках нашей эры с севера на юг, где они составили основу, на которой сложилась южноохотская культура.

Древнее эскоалеутское население Камчатки, полагают названные авторы, частично слилось с пришедшими сюда ительменами и коряками, а формированию в первых веках нашей эры у коряков хозяйственно-культурного типа морских зверобоев в свою очередь способствовали их контакты с эскоалеутским населением Камчатки. Палеоэскоалеутская культура последней с приходом палеоазиатов была ими почти полностью ассимилирована, но именно

она легла в основу и явилась базой, на которой возникли охотскоморские культуры.

Н. Н. Диков [1979, с. 76, 180—182 след.] связывает истоки эскимосской культуры с финальнопалеолитической культурой слоев V—VI исследованных им на Камчатке Ушковских стоянок (возраст около 8000—10 000 лет). При изучении указанной культуры были обнаружены лабретовидный предмет, клиновидные нуклеусы и другие изделия, подтверждающие ее принадлежность протоэскоалеутскому населению и содержащие ряд особенностей, которые, распространившись затем по Аляске, создали субстрат протоэскимосской культуры. Это прежде всего техника скалывания ножевидных пластин с клиновидных нуклеусов и двусторонняя отжимная обработка каменных лезвий и наконечников, встречающаяся в таких комплексах Аляски 8000—10 000 лет давности, как Кампус, Хилли-Лейк, Доннелли-Ридж, Текланика [Bandi, 1969, p. 51; Anderson, 1970]. Но при этом Диков подчеркивает [1983, с. 25; 1985, с. 21, 22], что культуру пластин Анангулы нельзя вывести непосредственно из слоев V—VI Ушков, так как она скорее сходна (но не имеет прямой генетической связи) с ранней ушковской палеолитической стоянкой VII слоя, датированного 14 000—13 000 лет тому назад. Учитывая связи и аналогии археологических комплексов культур денали и отчасти акмак на Аляске, пишет Диков, позднюю ушковскую палеолитическую культуру с полной уверенностью можно считать распространившейся в конце плейстоцена на Аляску и сыгравшей там определенную роль в формировании протоэскимосо-алеутов: «Вероятно, дивергенция культуры денали—акмак привела в Берингии или на Аляске, с одной стороны, к протоэскимосскому комплексу Денби, а с другой — к протоалеутскому комплексу Анангула» [1983, с. 24—25].

Н. Н. Диков высказывает гипотезу, что «предки эскимосов и алеутов первоначально, еще в конце плейстоцена—начале голоцена, распространились по берингийской суше из Азии в Северо-Западную Америку, а затем в условиях послеледниковой изоляции подверглись на территории Южной и Юго-Западной Аляски и Западной Канады этнической дифференциации, в результате которой и обособилась в конце концов ко II тысячелетию до н. э. специализировавшаяся на охоте с поворотным гарпуном эскимосская культурная общность, заметным этнографическим признаком которой, так же как и у алеутов, долгое время и на значительной территории оставались лабретки» [1979, с. 182]. Эта гипотеза в значительной мере соответствует гипотезе о локализации истоков эскимосской культуры в зоне Бристольского залива на юго-западе Аляски, разделяемой большинством ученых. Признает Диков [там же, с. 180] и сильное южное, со стороны Британской Колумбии, влияние на формирование древней западноаляскинской эскимосской культуры, поддерживая тем самым предположение Ф. Дракера [Drucker, 1955, p. 68] о древнеэскимосском субстрате на северо-западном побережье Америки.

Р. С. Васильевский на основе данных материалов собственных раскопок на Охотском побережье, Сахалине и в Приамурье, а также сравнительного анализа материалов археологических комплексов позднелейстоценового и раннеголоценового возраста северо-западной и северной областей Тихоокеанского бассейна выдвигает гипотезу о существовании двух центров первоначального возникновения приморского типа хозяйства: одного — на побережье Северо-Восточной Азии, связанного с формированием северо-восточных палеоазиатов; другого — в Юго-Западной Аляске — месте формирования древнейших эскимосских культур [1973, 1975, 1976]. Поскольку в каменной индустрии анангульской стоянки Пластин прослеживаются отчетливые связи с культурами Дальнего Востока, т. е. анангульский инвентарь имеет в целом азиатский облик, то заселение Алеутских островов, считает Васильевский (соглашаясь с точкой зрения В. Лафлина), происходило с востока: очевидно, около 10 000 лет назад первые алеуты прошли по южному побережью Берингоморской платформы и спустились к умнакско-анангульскому выступу, заложив основы палеоалеутской культуры.

Около 4000 лет назад на Алеутских островах развивается палеоалеутская культура со специализированным приморским укладом. В это же время (или несколько позже) на Охотском побережье (возможно, до р. Анадырь) также на базе приморского хозяйства формируется культура северо-восточных палеоазиатов. В I тысячелетии до н. э. на Сахалине складывается охотская (южноохотская) культура морских зверобоев. Для этих культур (в отличие от эскимосских) были характерны зубчатые наконечники гарпунов и своеобразные двусторонние обработанные ножи. Р. С. Васильевский считает, что древние культуры этого круга — охотская, древнекорякская, алеутская — связаны общей исходной исторической основой и по главным специфическим признакам значительно отличаются от эскимосских культур.

Историко-культурные связи северо-восточных палеоазиатов (в частности, ительменов и коряков восточного побережья Камчатки) с эскимосами и алеутами были исследованы И. С. Вдовиным. Он приводит целый ряд этнографических и лингвистических материалов, а также исторических сообщений, свидетельствующих об общих элементах культур коряков и ительменов с алеутскими. Сопоставляя их с данными археологических исследований последних десятилетий на побережье Охотского моря, Камчатке, Сахалине и Хоккайдо, автор делает вывод, что предки алеутов некогда были обитателями западного побережья Хоккайдо, видимо, Курильских островов и несомненно восточного побережья Камчатки, говорит о непрекращавшихся и позже связях алеутов с ее населением [Вдовин, 1972, 1973].

Обобщенный взгляд на этническую историю северо-западной части Тихого океана был сформулирован советскими учеными Т. И. Алексеевой, В. П. Алексеевым, С. А. Арутюновым и

Д. А. Сергеевым: «Неолитические памятники северо-западной части Тихоокеанского бассейна свидетельствуют о том, что северо-запад Тихого океана явился местом формирования ряда культур морских зверобоев, сыгравших значительную роль как в освоении Арктики, так и в этнической истории более южных областей, вплоть до Японского архипелага» [1983, с. 16]. И далее: «На основании общих представлений о сменах археологических культур в северной части бассейна Тихого океана и сопоставления полученных при их исследовании результатов с этнологическими наблюдениями, а также из лингвистических материалов о близости друг к другу тех или иных языков, можно думать, что наиболее вероятная схема смены этнической принадлежности населения обширных побережий северо-западной части Тихого океана такова: в палеолите — это направляющиеся в Америку протоиндейцы, позже — предки эскимосов и родственных им алеутов (протоэскоалеуты), а еще позже, уже в исторически обозреваемую эпоху, — ранние палеоазиаты, предки нынешних чукчей, коряков и ительменов» [там же, с. 17]. И еще: «Таким образом, можно констатировать, что задолго до н. э. западные берега Берингова моря были заселены протоэскоалеутами. К сожалению, пока неизвестны памятники, на которых можно было бы проследить постепенное становление характерной для эскимосов и алеутов высоко-развитой специализированной культуры морских охотников. Мы располагаем материалом, характеризующим эту культуру уже на более поздних этапах, в виде многочисленных могильников Чукотки. Это — первые века до н. э. и I тысячелетие н. э., когда эта культура предстает перед нами уже вполне развитой» [там же, с. 18].

Место алеутов в рамках арктической расы, пишет В. П. Алексеев, достаточно своеобразно, что объясняется как фактором изоляции, так и адаптивными процессами. При этом он считает, что протоалеуты исходно отличались от протоэскимосов, что уже после отделения от последних они обитали в Приморье и на прилегающих островах, вобрали в себя какую-то долю южных монголоидных, а возможно, и восточномонголоидных элементов [Алексеев, 1981; Алексеев, Трубникова, 1984]. Это подтверждается и южными аналогиями археологическому инвентарю Анагулы и Чалуки, обнаруженными на азиатском побережье Тихого океана и прилегающих островах [Васильевский, 1973, 1976; Окладников, Васильевский, 1976, 1980]. Таким образом, свидетельства обитания предков алеутов (и эскимосов) далее к югу все больше привлекают внимание исследователей.

Анализ этнографических материалов приводит нас к выводу о длительном периоде развития культуры алеутов именно в экологических условиях Алеутских островов, позволяет определить ее специфику и отличие от родственной ей культуры эскимосов [Ляпунова, 1975а], а также отметить любопытные свидетельства южного происхождения ряда элементов этой культуры. Так, на-

пример, характер одежды алеутов — длинной парки из птичьих шкурок или шкур морских (не наземных!) животных и камлейки из кишок морских животных, — отличающейся по покрою от эскимосских (и других циркумполярных народов) одежд, при отсутствии у алеутов поясной одежды (штанов) и обуви кажется привнесенным (и сохранившимся по традиции) из более южных мест обитания. Далее, тип алеутской кожаной байдарки (у эскимосов — каяка) может быть генетически связан с одним из вариантов амурской берестяной лодки с полужакрытой палубой. Кроме того, криволинейный орнамент алеутов, состоящий из сочетаний завитков и спиралей, имеет, надо полагать, не случайное сходство с аналогичным орнаментом народов Нижнего Амура, встречается в неолитических культурах Приморья, Сахалина, Курильских островов. Интересны в данном плане указания В. Р. Кабо на возможные связи амурского орнамента с характерным орнаментальным стилем народов Океании и Австралии [1975]. При этом он опирается на выводы А. П. Окладникова об особенностях петроглифов Нижнего Амура с преобладающими в них спиральными мотивами: «Этнографические аналогии петроглифам Амура ведут нас... в южные моря Тихого океана» [1971, с. 92, 95—98, 106, 116—121]. Очень интересны и утверждения Г. Коллинза, что в знаменитых алеутских масках с Шумагинских островов вполне различимо японское культурное влияние [Collins, 1973, p. 18].

Таким образом, все более обозначаются свидетельства древней этнокультурной общности всего обширного ареала — «большой тихоокеанской культурной общности» [Окладников, 1971, с. 121].

Особую позицию среди американских ученых по вопросам этногенеза и ранней истории алеутов занимает в последние годы Л. Блэк. Исследовательница основывается прежде всего на принятом ею изучении алеутского искусства по археологическим и этнографическим материалам (выявленным в разных музеях мира и впервые привлекаемым в таком полном объеме к изучению) [Black, 1982]. Искусство алеутов Блэк определяет как «веревку из многих прядей», подчеркивая его разнообразие, варибельность во времени и пространстве. Характеризуя алеутское искусство предысторического периода, она справедливо отмечает, что археологические коллекции по этой теме крайне скудны и фрагментарны и опираться можно только на ряд материалов из восточной части Алеутских островов. Блэк выдвигает гипотезу, что в указанном регионе имелись три художественных стиля: близкий к дорсетской традиции, оквикской и развившийся из них стиль, созвучный нунукскому стилю района Берингова пролива. Причем последовательность первых двух стилей в разных районах была различной, а для определенного периода характерно их сосуществование. Она указывает на поразительное совпадение (параллельность) развития стиля нунук на восточных Алеутских островах и в районе Берингова пролива, предполагая скорее всего обоюдные культурные влияния.

Для центральной части цепи Блэк допускает существование нескольких отдельных обособленных художественных традиций, а для самого западного (аттовского) предысторического искусства — совершенно отличную от остальных художественных стилей традицию. В целом же она делает вывод, оговаривая его предварительный характер, что как в предысторическое, так и в историческое время для алеутского искусства были характерны отдельные региональные традиции. Последние, по ее мнению, в ряде случаев родственны другим культурным традициям севера Тихоокеанского бассейна. Искусство восточных алеутов могло быть, считает исследовательница, связано помимо указанных древних предысторических стилей (дорсет, оквик) с более недавним предысторическим искусством п-ова Аляска, о-ва Кадьяк, заливов Кука и Принс-Вильям, северо-западного побережья Северной Америки. В особенности она отмечает параллели неоалеутских традиций п-ова Аляска и Кадьяка с искусством алеутов Шумагинских островов.

Отдельно Блэк выделяет художественный стиль Четырехсопочных островов (самых западных из группы восточных Алеутских островов), определяя его как имеющий сильное тяготение к корякской культуре Камчатки и к сравнительно недавним эскимосским китобойным культурам крайнего севера Берингоморья. Для центральной части Алеутских островов (Андреяновские острова) исторического периода она предполагает линию связи с недавними культурами залива Нортон, низовьев Юкона и Кускоквима, а для предысторического искусства этого региона — линию связи с оквикской традицией.

Аттовское искусство, как уже отмечалось, ставится особняком. Образцы его мелкой пластики определяются Блэк как имеющие сходство со скульптурой эвенов (тунгусов) Охотского побережья и селений на Енисее. Она указывает также, что намеки на материковое азиатское влияние могут быть различимы во всех регионах, но их природа, временная основа и возможные пути передачи неизвестны.

Относительно параллелей древнего алеутского искусства с дорсетской традицией в литературе уже высказывались определенные суждения. Целый ряд ученых разделяют точку зрения, что искусство традиции дорсет (и преддорсет) как предковое лежит в основе художественных традиций археологических культур ареала Берингова моря, Юго-Западной Аляски, северо-западного побережья Америки и Алеутских островов [Taylor, Swinton, 1967]. Причем отмечается, что некоторые дорсетско-алеутские параллели выглядят как часть культур оквик, древнеберингоморской и иниутакской, в то время как другие принадлежали только культурам Алеутских островов и дорсет. Параллели алеутских изделий с дорсетскими были отмечены для о-ва Амакнак Г. Квимби [Quimby, 1945], для Чалуки — В. Лафлиным и Г. Маршем [Laughlin, Marsh, 1951, p. 82].

Дорсетское искусство восточных Алеутских островов отличается умеренным употреблением геометрического орнамента с глубокими врезными линиями и наличием Х-образного узора на разных орудиях и сильно стилизованных антропоморфных изображений. Зооморфной скульптуре присущ характерный дорсетский «скелетный» мотив (врезные линии по поверхности, обозначающие кости скелета). Он появляется и на некоторых антропоморфных изображениях. Другие мотивы этого стиля — воспроизведение морды животного с подчеркнутыми ноздрями, а также двух толстых линий с закрашенным в черный или красный цвет промежутком, иногда — с зигзагом («зубной» мотив). Встречаются на восточных Алеутских островах и свойственные дорсету миниатюрные резные фигурки птиц (особенно соколов и сов), а на разного рода орудиях — сильно стилизованные изображения человеческих лиц. Но наибольшее совпадение с дорсетскими, по Блэк, имеют алеутские человеческие фигурки (хотя таковая известна пока только одна, из Чалуки, опубликованная Лафлиным и Маршем [ibid.]).

Другой «пряждю веревки» является, по мнению Блэк, оквикская традиция, тесно переплетенная с дорсетской. Характерные оквикские геометрические орнаменты (подстиля «С», по Коллинзу) из комбинаций прямых линий со шпорами, с кругами у концов имеются на костяных преддревках алеутских гарпунов. Алеутско-оквикская традиция в скульптуре иллюстрируется автором прежде всего на примере впервые публикуемой ею фигурки со стоянки «D» о-ва Амакнак, раскопанной в 1971 г. Т. Бенком, получившей название «щекастый мужчина». Она во всем подобна фигурке, обнаруженной Ф. Рейни на стоянке Оквик: у нее такое же бесформенное тело, короткая большая голова без шеи, с ушами в низком рельефе, лицо с необыкновенно широкими щеками и аналогичной проработкой черт [Raineу, 1941, p. 453—569]. Находка этой фигурки позволяет Блэк говорить о документированности присутствия оквикских черт в доисторическом искусстве восточных алеутов. Данная оквикская традиция, по ее мнению, продолжается в исторические времена человеческими фигурками на деревянных головных уборах (абстрактная трактовка человеческого тела в виде мужских фигурок кубической формы — стиль «полого куба»).

Для центральных Алеутских островов Блэк также предполагает связи с оквикской/древнеберингоморской традицией и в качестве свидетельства приводит маски с о-ва Атка, одна из которых, как ей кажется, очень напоминает маску «хозяина вселенной», раскопанную в Эквенском могильнике на Чукотке [Арутюнов, Сергеев, 1975]. Находки на стоянках оквикского типа безруких грубых торсов с овальными головами автор связывает с напоминающими их фигурками из погребальной пещеры на о-ве Кагамил. О населении Четырехсопочных островов в целом Блэк высказывает предположение, что оно, возможно, являлось вторичной волной — из района Берингова пролива — и генетически было свя-

зано в древности с ранними поселенцами восточной части Алеутских островов, но отделено от них длительным самостоятельным развитием, а к тому же имело в своей основе другие культурные черты (присущие народам Северо-Восточной Сибири и палеоазиатам).

Пунукский стиль, характеризующийся появлением натуралистических резных костяных фигурок, иллюстрируется Блэк на женской фигурке из моржовой кости в высокой конической шанке (с Амакнака) под названием «леди Амакнак». Автор говорит вместе с тем об отсутствии у этого стиля резкой инновации, целиком нового видения мира. Скульптурные изображения (фигурка из Чалуки, «щекастый мужчина», «леди Амакнак»), так же как и различные стили в целом, могли сосуществовать, каждое отражая свою определенную функцию. Например, «леди Амакнак» могла представлять женскую шаманскую силу или мифологический персонаж. В контурах ее торса усматривается пунукский стиль, а в лице — оквикский (или оквикско-дорсетский). Пропорции головы по отношению к телу (большая голова) — оквикские.

Блэк отмечает удивительное сосуществование на Алеутских островах элементов орнамента стилей дорсет, оквик и пунук, справедливо говорит о никогда не останавливавшемся культурном процессе, на который оказывали влияние многие факторы: разного рода миграции, торговля, путешествия, войны с захватом пленных. Как на поразительном примере присутствия отличительного стиля нехарактерной для региона традиции она останавливается на материалах из погребальных пещер Четырехсопочных островов, населенных в прошлом, по ее мнению, группой, этнически и культурно отличной от обитателей восточных Алеутских островов. Блэк называет их «китобоями Кагамила». Мумифицированные тела последних были найдены в пещерах этого острова, а также в немногих местах на о-вах Уналашка, Атка, Амля и Корабль. Автор суммирует имеющийся исторический и археологический материал и заключает, что в алеутском ареале только жители Четырехсопочных островов в предисторическое время были охотниками на китов и ввели практику мумифицирования среди алеутов. Культурно, возможно, даже и этнически они отличались от алеутов, были поздними пришельцами на архипелаг, но время их появления здесь не может быть определено из-за отсутствия археологических материалов, так же как границы их прежнего обитания и распространения в пределах Алеутских островов.

Блэк основывает свои положения прежде всего на способах погребения. Мумифицированию предшествовали, по ее мнению, кремление (по раскопкам Грдлички) и захоронение в могилах (по материалам Грдлички и Бенка). Вооружение кагамильцев было общеалеутским, но это, как считает Блэк, быстро распространяющийся элемент культуры, в отличие от погребальных обрядов.

Блэк перечисляет свидетельства отличия от алеутских традиций предметов, найденных в кагамильских пещерах. Среди них — образцы меховой мозаики, характерной для народов Северо-Восточной Сибири, а особенно для коряков; большие конические корзины из корней ели и березовой коры (материалы для них ввозились, очевидно, с материка Аляска), которые, по ее мнению, более всего по форме сходны с коническими травяными корзинами коряков; корзины, сшитые из шкур, с обручем сверху, украшенные спиралями из меха (вероятно, самый ранний из известных у алеутов образцов спирального мотива). В цветах преобладали черный, красный и белый (что, по мнению Блэк, необычно для алеутов). Скульптура тоже очень отличается от упоминавшейся выше алеутской (из Чалуки и с Амакнака): она деревянная, грубая, фигурки людей не имеют ни рук, ни ног — это только голова и торс. Немногие найденные изображения животных очень грубы, иногда украшены по всей поверхности черными точками. Отмечает Блэк также исторически известную обособленность населения Четырехсоночных островов, вражду с ближайшими соседями. Пишет в заключение, что «определенные элементы в культурном инвентаре кагамильцев предполагают параллели с культурами Камчатки» [Black, 1982, p. 28].

Как нам представляется, тезис Блэк о полиморфизме в культуре населения Алеутских островов звучит достаточно убедительно, когда речь идет о вариативности алеутского искусства в пространстве (в заселяемом им регионе) и времени (период обитания его на островах), но когда она эту вариативность объясняет разнородностью населения островов и его последовательной сменой, т. е. как бы расчленяет (даже на несколько групп) единство алеутов как определенного этноса, то возникает противоречие с уже достаточно надежно установленным по данным лингвистики, антропологии и археологии фактом их единства.

В другой работе Л. Блэк тоже нашла отражение гипотеза о полиморфизме в культуре населения Алеутских островов. Эта работа посвящена критическому обзору современных интерпретаций происхождения и ранней истории алеутов [Black, 1983]. Блэк отмечает принципиальное различие концепций американских и советских археологов по данным вопросам. Американские ученые, подчеркивает она, рассматривают Алеутские острова как тупиковый ареал, где предки современных алеутов адаптировались к морской охоте в открытом море, развивали в изоляции от других народов свою своеобразную культуру. И единственно, в чем расходятся их мнения, это вопросы о времени первоначального заселения и распространения алеутов в разных частях архипелага. Советские же ученые, указывает Блэк, напротив, предполагают, что заселение Алеутских островов происходило в различные периоды и при значительных контактах с народами Азии [Васильевский, 1971, 1973; Вдовин, 1972, 1973; Арутюнов, Сергеев, 1975; Диков, 1977, 1979]. Расходятся они только во мнениях о конкрет-

ном времени и характере таких контактов, считая, что 6000 лет тому назад существовали межконтинентальные связи, затем спорадически и ограниченно они продолжались после I тысячелетия н. э. до середины XVIII в.

Заключения советских археологов, по мнению Блэк, в ряде аспектов более связаны с этнографическими и этноисторическими свидетельствами. На этом основании она считает, что пересмотр существующей в настоящее время в американской науке предистории алеутов возможен в соответствии с недавними археологическими находками в СССР, а также фольклорными, лингвистическими и этнографическими данными. Исследовательница подчеркивает, что понимание алеутской предистории является решающим для выяснения основных культурных взаимодействий в Северной Пацифике.

Блэк отмечает, что советская схема в общих чертах напоминает высказанные в 1947 г. предположения Ф. Де Лагуны об очень древнем общем культурном субстрате народов Азии и Америки; о существовании около 2000 лет назад и более вдоль прибрежного аляскинского ареала «северной тихоокеанской непрерывности» наряду с «арктической культурной непрерывностью»; о имевшем место после 1000 г. н. э. «последнем циркумполярном дрейфе», означающем возможность спорадических межконтинентальных контактов и культурной трансмиссии из Азии [De Laguna, 1947]. Хотя, как признает сама Де Лагуна, ее положения «отступили» перед «натиском» полученных радиоуглеродных дат, но этнографические и лингвистические свидетельства допускают вероятность такой теории. Пионер аляскинской археологии Г. Коллинз тоже продолжает придерживаться мнения, что с очень отдаленных времен культурные импульсы из Азии (с эманацией из Японии и Китая) достигали американских берегов; в частности, в алеутских масках с Шумагинских островов он усматривает японское влияние [Collins, 1973, p. 18]. В последние же годы, пишет Блэк, стала преобладающей особенно развиваемая В. Лафлиным теория о современных алеутах как остатках населения древнего Берингоморского моста [см. с. 12--16].

Блэк приводит мнения американских и советских ученых для иллюстрации нерешенности вопроса о том, был ли Алеутский архипелаг заселен в отдаленной древности с востока единым предковым, современным алеутам населением, распространявшимся к западу, к Ближним островам, либо архипелаг заселялся в различные времена, причем в нескольких местах, группами родственного или даже неродственного населения. Алеутский фольклор, согласно Блэк, предполагает последнюю гипотезу, так как разные предания указывают на разное происхождение (и с востока, и с запада, происхождение от собаки и др.). Эти свидетельства подтверждают, считает Блэк, культурный полиморфизм алеутов ко времени прихода русских, хотя археологи объясняют названные различия дивергенцией, происходящей из-за

изоляции одной группы от другой, при постепенном заселении единым народом островной цепи с востока на запад, подтверждаемом находками со становящихся все моложе с востока на запад археологических стоянок. Но, согласно Блэк, данная точка зрения, прочно установившаяся в литературе, неудовлетворительно объясняет культурные различия в цепи. Имеются, по ее мнению, не соответствующие эволюционной модели биологического расхождения в едином населении, разработанной в последние десятилетия главным образом Лафлиным, культурные расхождения в регионе с вариациями во времени: изменения конструкции жилища, места расположения очага [Denniston, 1966], стилей в искусстве [Quimby, 1945, 1948; Aigner, 1966, 1970], наличие скорченных и вытянутых погребений и кремации [Pinart, 1875; Dall, 1880; Jochelson, 1925; Weyer, 1931; Hrdlička, 1945; Bank, 1953; Laughlin, 1962a, 1980; Workman, 1966].

Особенно настораживает исследовательница на культурном своеобразии наряду с особенностями физических черт населения Четырехсопочных островов, ссылаясь на Бенка, утверждавшего, что захоронения Кагамила вместе с сопровождающими их культурными остатками отличны от других в цепи. Напомним, что в противоположность этому Лафлин считает древности Кагамила недавними, а обнаруженные в пещерах остатки скелетов характеризует как промежуточные в сериях между антропологическими материалами стоянки Чалука и современными [Laughlin, 1980; Лафлин, 1981].

Рассматривая тезис американских ученых об изоляции алеутов от Азии в послеанангульское время, Блэк приводит мнение советских ученых о существовании контактов алеутов с населением Камчатки, Чукотки, Охотского побережья, Курил и, возможно, амурского региона, из которых следует ее вывод о косвенной и даже прямой трансмиссии с территории Японии и Китая. При этом в качестве исторических свидетельств она ссылается на факты случайных посещений островов, очевидно, японцами, китайцами и на наличие следов кораблекрушений.

Блэк полагает, что имеющиеся сведения о контактах, отмеченные параллели между культурой алеутов и историческими культурами Камчатки и побережья Охотского моря, а также археологические и лингвистические данные будут достаточным основанием для пересмотра тезиса об изоляции.

Отсутствие археологических свидетельств заселенности Командорских островов, подчеркивает Блэк, позволило американским археологам говорить об изоляции от Азии. В то же время большинство советских ученых верят, что на Командорах в древности имелось население, хотя и непостоянное (были длительные перерывы), и предполагают также, что эти острова служили путевой станцией в межконтинентальном движении вплоть до недавних времен. Эти ученые, отмечает Блэк, согласны в том, что 6000 лет назад гипотетическое население — протоэскоалеуты —

обитало в огромном регионе от Берингова пролива до берегов Охотского моря или даже до Нижнего Амура и ему предшествовали здесь в более ранние времена палеоиндейцы. Традиции последних, по мнению Н. Н. Дикова, различимы в древней культуре кереков, и такие же традиции вероятны в культуре Алеутских островов [1979, с. 255—260]. Эти традиции могут свидетельствовать о происхождении некоторых культурных элементов от очень древней общей основы.

Л. Блэк ссылается на всех названных ею советских ученых, кроме Н. Н. Дикова, которые единодушны в утверждении, что творцами древнеберингоморских и оквикских традиций являлись эскоалеуты или протоэскоалеуты. Диков, основываясь главным образом на отсутствии в древнеберингоморских стоянках лабреток, предполагает, что только оквик ассоциируется с протоэскоалеутами, в то время как древнеберингоморская традиция больше тяготеет к палеоазиатам [1979]. Но при этом все советские ученые согласны с положением, что наиболее близкие известные параллели древнеберингоморской и оквикской культурам находятся на Алеутских островах.

Древнекамчатско-алеутские параллели тянутся, отмечает Блэк, приводя мнение советских ученых, от мыса Круглого на о-ве Агатту к Камчатке. Эти параллели базируются в основном на тарьинском варианте древней камчадальской культуры Южной Камчатки, который Н. Н. Диков считает наиболее ранним, возможно протокамчадальским. Данный камчатский культурный комплекс связан также с комплексами Нижнеамурско-Приморского района СССР и Северной Японии. Древняя корякская культура Северной Камчатки и побережья Охотского моря считается сопоставимой с уровнем VI Чалуки и, таким образом, признается близкой к алеутской. В то же время древнекорякская культура стала важной составляющей частью южноохотской.

Блэк подчеркивает, что процессы вторжения, поглощения, ассимиляции, аккультурации и миграции рассматриваются советскими учеными как долговременное развитие с периодами интенсификации; начавшись 6000 лет назад, данные процессы продолжались и в историческое время. И Алеутские острова, видимо, по мнению автора, были неотъемлемой частью этой многоликой мозаики, участвуя в культурных изменениях среди разных взаимодействующих этнических групп.

Л. Влэк отмечает, что Р. С. Васильевский поддержал идею В. Лафлина о «популяционном взрыве», имевшем место в восточной части Алеутских островов около 1000 г. н. э., и предположил быстрое продвижение населения на запад Алеутских островов, а оттуда — через Командоры к Камчатке. С Камчатки же оно постепенно распространилось на юг двумя путями: первый — через узкий перешеек Камчатки к берегам Охотского моря, через регион коряков к Сахалину, Хоккайдо и Курилам; второй — вдоль камчатских берегов к северным Курильским островам [Васильев-

ский, 1973, с. 201—202}. Короче говоря, одними из основоположников южноохотской культуры являлись алеуты. Интересно, что гипотеза Васильевского была предвосхищена исследователями о-ва Амчитка, которые комментировали такой путь как пример возврата культурного образца к вероятному региону его самых неясных начал [Desautels et al., 1971, p. 351].

Заклячая свою работу, Л. Блэк пишет о несовместимости и непримиримости современных теорий советских и американских исследователей предистории алеутов, исключая положения об общем азиатском происхождении алеутов и эскимосов. Она считает, что взгляд советских ученых на «алеутскую проблему» кажется более соответствующим имеющимся историческим, этнографическим и фольклорным свидетельствам, и повторяет при этом слова Ф. Де Лагуны: «Я понимаю Алеутскую цепь не как *cul-de-sac*, в котором алеуты были изолированы, но как порт (убежище), от которого и к которому отважные путешественники плыли через Северную Пацифику, смешивая культурные достижения двух континентов» [цит. по: Black, 1983, p. 66].

Любопытно отметить, что, выражая признательность своим рецензентам (Д. Андерсону, А. Мак-Картни, У. Воркману), автор комментирует, что все они были несогласны с ее мнениями и выводами, но их критические замечания улучшили работу.

Проведенное Л. Блэк сравнение гипотез современных советских и американских археологов безусловно будет очень полезным для дальнейших разработок проблем, связанных с этногенезом и ранней историей алеутов. Но, как представляется, главное в исследовании — взгляды, позиции самого автора по этим вопросам, опирающиеся на археологические, этнографические и этноисторические материалы. Нам кажется, что Блэк несколько преувеличивает значение свидетельств культурного полиморфизма населения Алеутских островов. Культурная дифференциация вполне могла иметь место в пределах одного этноса, группы которого разделены по островам большими водными пространствами редко благоприятного для навигаций океана. Антропологическое, лингвистическое и культурное единство алеутов в целом достаточно документированно установлено работами последних лет; является фактом и вызвавшая его к жизни определенная изоляция. Так, по мнению советских антропологов, существуют антропологическая обособленность, морфологическое и генетическое своеобразие алеутов, в отличие от эскимосов (аляскинских и азиатских), коряков и ительменов [Алексеев, 1981; Алексеева и др., 1983, с. 49 след.]. К такому же выводу пришла и американская исследовательница Е. Счасмори [Szathmary, 1978]. В изоляции по островным группам алеуты, как нам представляется, и развивали культурные традиции, обладающие общими корнями с традициями населения Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. Нет пока документальных свидетельств для предположения о миграциях и сменах групп населения по разным

регионам, хотя Блэк, очевидно, права в том, что изоляция не была абсолютной. И это могло дополнительно отразиться на культурных особенностях отдельных групп алеутов.

Как достаточно ясно показывает представленный в данной главе обзор современных исследований происхождения и ранней истории алеутов, «алеутская проблема» все еще остается предметом горячих дискуссий, несмотря на большие достижения в области изучения связанных с ней вопросов древней этнической истории северотихоокеанского региона и непосредственно Алеутских островов. Разработка проблемы продолжается, становясь все более углубленной.

АЛЕУТЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ

(40-е гг. XVIII в. 1867 г.)

С периода русских географических открытий в Северо-Западной Америке, а именно с последовательного открытия русскими в 40-х гг. XVIII в. всей цепи Алеутских островов и п-ова Аляска, начался новый этап в этнической истории алеутов — этап контактов с западным миром.

Русские исследования Северо-Западной Америки, т. е. открытие Америки со стороны Азии, явились непосредственным результатом выхода русских землепроходцев и мореплавателей в начале XVIII в. к берегам Тихого океана и северо-востоку Азии — после открытия и освоения в XVI—XVII вв. громадных пространств Сибири от Урала до Тихого океана, включая побережье Северного Ледовитого океана. Все эти события составили эпоху великих географических открытий России [Ефимов, 1971]. Они заложили основы формирования территории Русской Америки и освоения ее земель.

Вопросы, связанные с географическими открытиями русских мореплавателей и исследователей Северо-Западной Америки, хозяйственным освоением новых территорий, освещены в большой по объему отечественной литературе [Окунь, 1939; Русские открытия. . ., 1944, 1948; Берг, 1946; Ефимов, 1948, 1971; Болховитинов, 1966, 1975; Макарова, 1968; Дивин, 1971; Федорова, 1971, 1973; Алексеев, 1975, 1976, 1982; Русская тихоокеанская эпопея, 1979; Русские экспедиции. . ., 1984, и др.]. В ней неоднократно отмечалось положение, что существование Русской Америки стало логическим продолжением и завершением процесса освоения русскими Сибири и Дальнего Востока и составляет, несмотря на ее продажу в 1867 г., одну из ярких страниц в истории формирования территории России в XVIII—XIX вв., а история Русской Америки является неотъемлемой частью истории России. Естественно при этом, что в освоении русскими Северо-Западной Америки (вместе с Алеутскими островами) было много общего с освоением Сибири и Дальнего Востока, хотя имела и своя специфика. Последнее особенно касается процесса заселения Северо-Западной Америки русскими людьми. Эти вопросы получили подробное освещение в работах С. Г. Федоровой [1971, 1973].

Вслед за завершением Первой Камчатской экспедиции (1728—1729) под руководством капитана-командора В. Беринга и лейтенанта А. И. Чирикова, обнаружившей пролив между Азией и Америкой (названный впоследствии Беринговым), русским правительством в 1741 г. была снаряжена Вторая Камчатская экспедиция, открывшая северо-западные берега Америки у 58°14' и 55°20' с. ш. На обратном пути ее суда прошли вдоль южной стороны Алеутской гряды. После возвращения на Камчатку этой экспедиции стихийное движение русских на восток, через океан, стало одним из непосредственных факторов возникновения Русской Америки — российских владений на Алеутских островах и в Северо-Западной Америке.

Судно В. Беринга «Святой Петр» при возвращении потерпело крушение около неизвестного острова вблизи берегов Камчатки, где 8 декабря 1741 г. Беринг скончался (впоследствии остров был назван его именем, а группа островов в целом — Командорскими). Оставшиеся в живых члены экипажа выстроили из остатков пакетбота и плавника новое судно и возвратились в Петропавловский порт на Камчатке с большим грузом особенно ценившихся шкур морских бобров (т. е. морских выдр, или каланов), а также котиков, песцов и со сведениями о необычайном богатстве пушниной новооткрытых островов. Судно А. И. Чирикова «Святой Павел» благополучно вернулось в Петропавловск, имея на борту одних только шкур морских бобров 900 штук.

Первыми за ценной «мягкой рухлядью» по пути Беринга—Чирикова уже с 1743 г. пошли предприимчивые русские купцы, мореходы и промышленники, создавая для этого на один «вояж» в Охотском или камчатских (Большереецк, Нижнекамчатск) портах «складские» компании и снаряжая оттуда суда (утлые, скрепленные прутьями, ремнями или китовым усом шитики, а с 1754 г. — «гвозденики» — боты или барки с деревянным креплением). Во время промысловых плаваний в поисках «неизвестных земель» для «приводу их жителей в российское подданство» и для «своей собственной пользы» один за другим на протяжении двух с половиной десятилетий были открыты и первоначально обследованы Алеутские острова, п-ов Аляска, Кадык, а затем и о-ва Прибылова, Афогнак и близлежащее побережье Северной Америки — Кенайский (Кука) и Чугачский (Принс-Вильям) заливы. Всего таких плаваний во второй половине XVIII в. было свыше 100 [Макарова, 1968, с. 113]. Мореходы, купцы и промышленники привозили сведения о новооткрытых землях, о живущих там народах и даже карты.

В 1764 г. Адмиралтейств-коллегия направила гидрографическую экспедицию под командованием капитана П. К. Креницына и лейтенанта М. Д. Левашова для исследования островов Восточного океана (так называли тогда Тихий океан), проверки данных, полученных в результате плаваний промышленников, и приведения в подданство алеутов. Экспедиция имела инструкцию закре-

пить по возможности права России за открытыми русскими мореходами землями. Алеутских островов суда достигли осенью 1768 г. Перезимовав там, экспедиция доставила в Петербург ценные и в сущности первые научные материалы по гидрографии, природе этих островов, а также новые сведения об алеутах, их образе жизни и обычаях [Соколов, 1852; Ляпунова, 1971; Глушанков, 1972].

Замечательных успехов в исследовании Алеутских островов достигла организованная в 1785—1793 гг. для обследования Берингова пролива и северо-западных берегов Северной Америки правительственная экспедиция под руководством капитанов И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, тоже имевшая своей задачей закрепление за Россией прав на новооткрытые земли и приведение в подданство населения. Из членов экспедиции была учреждена комиссия «в положении на островитян ясаков» [Сарычев, 1802, 1952; ЦГАВМФ, ф. 214, оп. 1, д. 29]. При этом был произведен подробный учет имеющимся селениям и жителям. Тоены (старшины) селений и островов награждались за «достоинство и усердие» золотыми, серебряными и медными медалями. Согласно полученной от правительства инструкции «обласкать островитян», раздавались подарки. Большое внимание уделялось урегулированию взаимоотношений местного населения с промышленниками, ограждению его от бесчинств отдельных компаний.

С деятельности предприимчивого рыбьего купца Г. И. Шелихова с 80-х гг. XVIII в. начался принципиально новый подход к освоению открываемых земель, предусматривающий прочное водворение русских в крае, создание их постоянных поселений. Возглавивший наиболее крупную промыслово-купеческую компанию Шелихов в 1784 г. прибыл с командой промышленников на судах «Три святителя» и «Симеон и Анна» в Трехсвятительскую гавань (названную так по имени главного судна) на о-в Кадьяк и основал там первое русское поселение, заложив основы планомерного освоения территорий.

В следующие годы со слиянием компаний Г. И. Шелихова, И. И. и М. С. Голиковых и Н. Мыльникова была создана (в 1798 г. и окончательно оформилась в 1799 г.) единая Российско-Американская компания, которая получила от Павла I монополию на торгово-промысловую деятельность в северо-западной части Северной Америки и на управление этими американскими территориями России. Так начался новый этап в освоении открытых земель, закрепленный русской государственной властью — правительственными указами от 8 июля 1799 г. Главное правление компании, состоявшее из нескольких директоров, с 1800 г. располагалось в Петербурге. Руководство Российско-Американской компанией по указу Павла I от 2 декабря 1799 г. перешло к зятю Г. И. Шелихова (последний неожиданно скончался в 1795 г. в Иркутске), действительному статскому советнику и камергеру двора Н. П. Резанову. Преемником Шелихова стал первый Главный

Женщина о-ва Упалашка. Рисунок художника экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева Л. Воронина.

Мужчина о-ва Упалашка. Рисунок художника экспедиции Дж. Кука Дж. Веббера.

правитель российских владений в Америке каргопольский купец А. А. Баранов, приглашенный Шелиховым в 1790 г. для управления Северо-Восточной американской компанией. Баранов значительно расширил владения компании, увеличил сферу ее деятельности, завязал широкие торговые связи. Личность Баранова — Главного правителя Русской Америки до 1818 г. — стала легендарной в истории Аляски [Хлебников, 1835; Chevigny, 1942].

Уже со времен Г. И. Шелихова и А. А. Баранова в Русской Америке ставились задачи всестороннего развития хозяйства: основывались поселения, наряду с добычей пушнины осваивались судостроение, кожевенное и кирпичное производство, развивались необходимые ремесла, началось разведение домашнего скота и птицы, вводились огородничество и земледелие (хотя и в ограниченных размерах из-за неблагоприятных природных условий), активно велись географические исследования неизведанных районов края, его природных ресурсов, населения.

С 1792 по 1808 г. центром Русской Америки было созданное А. А. Барановым селение Павловская Гавань на о-ве Кадьяк (куда им было перенесено селение из Трехсвятительской гавани, признанное менее удобным по местоположению). С 1808 г. столицей Русской Америки стал основанный Барановым в 1804 г.

Новоархангельск на о-ве Ситха архипелага Александра (ныне г. Ситка на о-ве Баранова), куда распространились российские заселения при продвижении дальше на юг.

Во время русских кругосветных экспедиций начала XIX в., которые организовывались Российско-Американской компанией на военных судах с целью более удобного и дешевого сообщения со своими владениями в Америке, как известно, проводились обширные географические, океанографические и естественнонаучные исследования. Участники экспедиций осуществляли и политическую поддержку владениям Российско-Американской компании в обстановке угрозы англо-американской торговой экспансии. Первое кругосветное плавание было совершено в 1803—1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна [1950] и Ю. Ф. Лисянского [1947]. Среди собранных материалов содержатся ценные исторические и этнографические сведения о Русской Америке и населяющих ее народах, а также этнографические коллекции. Всего компанией было организовано 26 кругосветных путешествий, оставивших обширное историческое наследие [Ивашиных, 1872; Ефимов, 1948, 1971; Русские мореплаватели, 1953; Зубов, 1954; Алексеев, 1970, 1976; Лебедев, Есаков, 1971, и др.]. В. Н. Берх, участник Первой русской кругосветной экспедиции, плававший мичманом на шлюпе «Нева», впоследствии известный историк русского флота, составил ценный труд о плаваниях купеческих промысловых компаний на Алеутские острова. Берх лично расспрашивал о событиях тех лет в Русской Америке и на Камчатке «старовояжных», т. е. участников плаваний до образования Российско-Американской компании, собрал все доступные ему архивные материалы [1823].

Помимо участников кругосветных экспедиций исследованиями прибрежных вод и территорий Аляски, ее населения занимались находившиеся на службе компании военные моряки, водившие ее суда из Охотска и камчатских портов во владения компании и во всем отделам колоний (с 1799 г. это засчитывалось им в стаж действительной службы). Они вели гидро- и картографические работы, составляли описания жителей обследуемых территорий, самостоятельно или руководствуясь инструкциями Главных правителей, зачастую собирали этнографические коллекции. Наиболее ранним из описаний, содержащим помимо обширных сведений о Русской Америке и острую критику политики компании по отношению к аборигенам края, было «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова...» (последние водили суда компании в 1802—1803 и 1805—1807 гг.) [Давыдов, 1810, 1812].

Сведения по географии, истории, о хозяйственной жизни в Русской Америке и заселяющих ее народах поступали и от других находившихся на службе компании лиц. Особенно велики заслуги «старожила и летописца Русской Америки» К. Т. Хлебникова, 15 лет (с 1817 по 1832 г.) прослужившего правителем

главной, Новоархангельской конторы, а затем ставшего одним из директоров компании. Основной его труд «Записки о колониях в Америке» — энциклопедическое описание Русской Америки в шести частях, соответственно существовавшим в те годы шести отделам колоний: Ситхинскому, Кадьякскому, Уналашкинскому, Атхинскому, Северному и Россу, — был частично опубликован в 1861 г. [переиздание см.: Хлебников, 1985]; ч. II—V увидели свет лишь в недавние годы [Хлебников, 1979].

Среди Главных правителей Русской Америки особая роль в изучении ее территорий принадлежит Ф. П. Врангелю — выдающемуся полярному исследователю, мореплавателю и ученому, а впоследствии — одному из организаторов Русского географического общества и директоров Российско-Американской компании. Находясь в Русской Америке в 1830—1835 гг.,¹ он энергично содействовал всестороннему изучению Аляски, сам активно участвовал в нем, способствовал улучшению благосостояния колоний, положения местного населения, его образования. Перу Врангеля принадлежат обобщающий труд и отдельные статьи по истории и современному ему состоянию Русской Америки [1835, 1839; Wrangell, 1839].

10 лет (1824—1834) прожил на о-ве Уналашка среди алеутов русский миссионер И. Вениаминов (И. Е. Понов), создатель фундаментального научного труда «Записки об островах Уналашкинского отдела» [1840], в котором дано всестороннее описание Алеутских островов и его населения. С помощью алеутов Вениаминов составил словарь и грамматику их языка [1846], дав им письменность на родном языке, а ученому миру — ценные лингвистические материалы. В первые же годы пребывания на Уналашке он основал школу. С 1834 по 1838 г. Вениаминов служил протоиереем на Ситхе, с 1840 по 1850 г. был епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, а в конце жизни — митрополитом Московским и Коломенским. Просветительская и научная деятельность Вениаминова оставила яркий след и в истории Аляски, и в мировой науке [Стенанова, 1947; Окладников, 1976, 1983а; Арсеньев, 1979]. Вениаминов приложил много труда для распространения среди аборигенов элементов более передовой русской культуры, способствовал прогрессу алеутской культуры.

Сподвижником и соратником И. Вениаминова (хотя и менее известным) в деле просвещения алеутов был Я. Нецветов, сын русского и алеутки, закончивший семинарию в Иркутске и служивший священником на Атхе с 1828 по 1844 г.

Русский период истории Аляски был знаменателен проявлением большого интереса к культуре новооткрытых народов, сбором этнографических коллекций. Большое число последних хранится ныне в МАЭ, в других музеях страны, а также в зару-

¹ После 1818 г. Главные правители Русской Америки назначались из числа заслуженных морских офицеров сроком на 5 лет.

бежных. Нельзя не отметить особенно значительную роль в деле собирания коллекций И. Г. Вознесенского — препаратора Зоологического музея, пробывшего в Русской Америке по заданию Академии наук с 1840 по 1845 г. За это время им были собраны богатейшие материалы по зоологии, ботанике, минералогии и этнографии. В результате всех поступлений из Русской Америки МАЭ является ныне хранителем самого крупного и самого раннего этнографического собрания по алеутам [Гильзен, 1916; Степанова, 1944; Ляпунова, 1967в].

Приобретенные в указанный период историко-этнографические материалы, включая этнографические коллекции, служат ценным источником для изучения этнической истории алеутов, характеристики происходивших этнокультурных изменений. Особое значение имеют материалы о взаимоотношениях коренного населения с русскими, взаимовлиянии культур. Они позволяют говорить о прогрессивных чертах русского освоения Аляски. Правильное освещение его роли в этнической истории алеутов особенно важно, поскольку в ряде отечественных работ прежних лет сложный и противоречивый процесс взаимоотношений коренного населения Аляски с русскими, включая и влияние культуры последних, получал одностороннюю трактовку как часть процесса колонизации [Окунь, 1939; Широкий, 1942]. В них не отмечены прогрессивные стороны освоения русскими Аляски, и прежде всего во взаимоотношениях с коренным населением, в то время как именно они позволяют еще раз подтвердить оценку Ф. Энгельса, данную им в мае 1851 г. в письме к К. Марксу, что Россия действительно играла «цивилизаторскую», «прогрессивную роль по отношению к Востоку».²

Однако, как указывал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России», характеризуя историческую роль капитализма в хозяйственном развитии России: «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма».³ Тенденция трактовать русский период истории алеутов как период хищничества, насилия и жестокости по отношению к коренному населению, а их историю с указанного времени — как процесс физической деградации и угасания культуры этой народности не оставляла возможности говорить о ее определенном этническом развитии. Названная тенденция господствовала во многих работах зарубежных авторов [Bartz, 1950; Manning, 1953; Milan, 1974, и др.]. Вместе с тем даже некоторые объективные американские историки и антропологи отмечают, что такая позиция нуждается в корректировке [см., напр.: Chevigny, 1942, p. 268; 1965; Black, 1984], что зарубежной литературе свойственна недооценка роли русских в исследовании и освоении Аляски [VanStone, 1967]. Иными

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597.

словами, решение вопроса об этнокультурных изменениях у алеутов (а особенно этнокультурном развитии) связано прежде всего с комплексной и нетенденциозной оценкой характера освоения русскими Алеутских островов и Аляски в целом, их деятельности там. Такую оценку, в частности, мы находим в трудах А. В. Ефимова [1964], М. Б. Черненко [1956], Г. А. Аграната [1971б], Н. Н. Болховитинова [1966, 1975] и С. Г. Федоровой [1971, 1973].

Г. А. Агранат, например, справедливо отметил наличие ряда прогрессивных для своего времени черт освоения Аляски русскими: утверждение в новых местах исторически более передовых способов трудовой деятельности, земледелия, скотоводства, тенденции к развитию многоотраслевого хозяйства; меры по охране пушного зверя от истребления и регламентации его добычи; демократический характер освоения, сходный с освоением русскими Сибири и Дальнего Востока (просвещение аборигенов, установление с ними добрососедских отношений). О значении вклада русских не только в хозяйственно-экономическое освоение, но и в создание стойких очагов русской культуры на Аляске пишет С. Г. Федорова [1971, 1973].

Хотя Г. А. Агранат замечает, что не следует ставить вопрос, чьи колонизаторы были лучше, ибо решающими факторами являются исторические условия колонизации и классовый состав переселенцев [1971б, с. 190], он справедливо считает, что отношение русских к коренному населению Алеутских островов и Аляски отличалось от крайне жестокой политики испанских, а затем и англо-французских колонизаторов Америки уже тем, что русские никогда не стремились к геноциду, а, наоборот, полагались на доверие во взаимоотношениях при совместной трудовой жизни, основанное на отсутствии расовых предрассудков. Этот факт отмечал в свое время К. Т. Хлебников (см. ниже). Именно на такие отношения русских с аборигенами Аляски обратили внимание английские мореплаватели Дж. Кук и Дж. Ванкувер (см. ниже).

Русское правительство официально предписывало гуманно относиться к народам открываемых земель, но на деле, конечно, оказывалось, что частные промысловые купеческие компании, а затем и Российско-Американская компания эксплуатировали не только природные ресурсы осваиваемых территорий, но и в значительной мере их население. Этот аспект отношений играл безусловно важную роль.

Взаимоотношения русских с коренными жителями Алеутских островов складывались по-разному в каждый из двух этапов русского периода истории Аляски: первый — с начала плаваний в 40-х гг. XVIII в. на Алеутские острова частных промысловых купеческих компаний и до образования Российско-Американской компании; второй — время деятельности последней. Имелись особенности и в этнокультурных изменениях.

Эпоха плаваний промысловых купеческих компаний (1745—1798)

Первые сообщения о контактах с жителями новооткрытых земель содержались в «сказках», «репортах» и «докладах», поступавших в Охотскую и камчатские канцелярии от участников промысловых купеческих плаваний на Алеутские острова. Как известно, названные сообщения являлись для своего времени свидетельствами русских географических открытий в Северо-Западной Америке, а ныне — это ценные исторические и этнографические источники. Но, к сожалению, до настоящего времени их сохранилось очень мало [обзор источников и литературы о русских открытиях в Тихом океане в XVIII в. см.: Русские открытия. . ., 1944, с. 5—22; 1948, с. 5—75; Берг, 1946, с. 285—292; Макарова, 1968, с. 6—36; Русская тихоокеанская эпопея, 1979, с. 285—295; Black, 1984, p. 1—13].

Особенностью первого этапа был стихийный характер организации частных плаваний. Правительство, как известно, поощряло предприимчивость купцов и промышленников, которые еще со времен присоединения Сибири к России приносили казне большие доходы в виде пошлины ($\frac{1}{10}$ часть добытых мехов). В то же время частные плаванья расширяли пределы империи и позволяли собирать ясак (также в пользу казны) с жителей новоприобретенных мест. Еще в указе Анны Иоанновны от 20 сентября 1733 г. сибирскому губернатору Плещееву предписывалось содействовать пушному промыслу, «ибо удобнее, без убытку казенного, сами купцы и промышленники в отдаленные места сыщут, как и Камчатка, и иные, прежде неизвестные места купцами и промышленниками сысканы» [см.: Макарова, 1968, с. 43—44]. В правление Екатерины II за открытие новых земель купцы и мореходы получали денежные ссуды и вознаграждения, медали, возводились в дворянское достоинство. С другой стороны, предупреждалось, чтобы они «ласково без малейшего притеснения и обмана обходились с новыми их собратьями, тех островов жителями» [ПСЗ, т. XVII, № 1289, л. 603—604], чтобы не привели новые земли в разорение. Но контроль мог осуществляться, конечно, лишь при прибытии экспедиций. В связи с этим уместно вспомнить замечание Г. А. Аграната, что только тенденциозно освещающие историю Русской Америки американские ученые все ее сложные проблемы сводят к экспансионистской политике царизма [1971б, с. 180].

Организаторами промысловых компаний для «прииску неизвестных островов и приведения живущих там народов в российское подданство и промыслу всякого рода морских и земных зверей, якоже ласкового и дружеского с ними торгу», были купцы из разных городов России. Но сами они в «вояж» отправлялись далеко не всегда. В плаванья шли обычно промышленники, завербованные в разных городах Сибири и на Камчатке крестьяне

(беглые, оброчные или сосланные на каторгу либо поселение), искавшие свою удачу на краю света разночинцы, посадские, гулящие (т. е. не приписанные ни к какому сословию); вербовали и камчадалов (иногда отправляемых своими тоенами) [Макарова, 1968, с. 43—44]. Во главе команды стояли мореход и нередовщик — ответственный за снаряжение суда и его хозяйство, организацию промыслов и поведение промышленного люда. Большерецкая, Нижнекамчатская и Охотская канцелярии определяли на суда одного или двух казаков с предписанием призывать в подданство жителей и собирать с них ясак, а также доставлять сведения начальству о посещенных местах. Компании, отправлявшие свои суда на промыслы и имевшие несколько хозяев по числу «бывших на судне паев», назывались по имени главных пайщиков и существовали временно, на одно плавание, до возвращения судна в порт. И только с начала деятельности Г. И. Шелихова положение стало меняться. В 1783 г. образовалась компания купцов И. И. и М. С. Голиковых и Г. И. Шелихова — Северо-Восточная; в 1797 г. ее стали именовать Соединенной Американской, в 1799 г. она была преобразована в Российско-Американскую, «которая имела существование не от судна, но от прочного, постоянного утверждения на месте производства промыслов, а суда служили лишь транспортом» [АГО, р. 60, оп. 1, № 2, л. 174].

Как справедливо отмечает В. А. Дивин, плаванья промышленников вот уже более 200 лет привлекают внимание отечественных и зарубежных ученых. «И все же следует признать, — пишет он, — что эта глава в истории русских мореплаваний на Тихом океане освещена явно недостаточно» [Русская тихоокеанская эпопея, 1979, с. 285]. В противовес утверждениям многих исследователей, которые главной побудительной причиной считали промысел ценной пушнины, автор говорит о не до конца раскрытых сложных и противоречивых мотивах, побуждавших промышленников к опасным походам, и приводит мнение адмирала Д. М. Афанасьева, называвшего неутолимую жажду познаний и новых открытий главной силой, движущей промышленниками, которые «заражались неудержимой страстью к далеким плаваньям . . . и после короткого отдыха пускались снова и снова в океан, до тех пор, пока не убаюкивала их где-нибудь неловкая волна или не изнывали они от цинги на далеком пустынном острове» [там же, с. 286; см. также: Афанасьев, 1864, с. 15]. Отмечает Дивин и чрезмерное подчеркивание, выпячивание отрицательных моментов в деятельности промышленников, что было особенно характерно для работ А. С. Полонского, в целом детально изложившего историю открытия Алеутских островов по утраченным ныне материалам сибирских архивов [см.: Русская тихоокеанская эпопея, 1979, с. 286].

Без сомнения, среди мореходов, нередовщиков и промышленников было немало действительно отважных и даже талантливых исследователей, честных и бескорыстных, движимых искренней жаждой открытий неведомых земель, желанием своими делами

послужить славе Отечества. М. Неводчиков, А. Толстых, С. Черепанов и многие другие известны теперь в русской истории как отважные первооткрыватели. Очевидно также и то, что экипажи судов составляли отчаянно смелые люди, которых не пугали подстерегающие их опасности (гибель в океане или от голода, цинги, нападения «диких»). Только на свой страх и риск они пускались в неизвестные земли в плохо построенных суденышках, в большинстве своем не имея навыков мореходства, часто почти без всякого провианта, добывая последний охотой и рыбной ловлей во время зимовки на Командорских островах или уже на Алеутских.

Отношения с коренным населением складывались у них тоже по-разному: были они и дружественными, и враждебными. Не отрицая имевших место негативных сторон таких отношений, характерных для эпохи первоначального накопления, нельзя не видеть другого — их историко-культурного значения для развития этнических процессов у коренного населения, вытекавших из взаимодействия культуры русского народа и аборигенов.

Прибывавшие на острова промышленники, по представлениям алеутов, которые сами вели постоянные междоусобные войны (лисьевские алеуты отправлялись в военные походы на п-ов Аляска, Кадьяк, в заливы Кука и Принс-Вильям и даже к архипелагу Александра и соответственно сами подвергались нападениям), были неприятелями, которые вторгались в их владения, именно поэтому почти каждую команду русских коренные жители встречали «вооруженною рукою». Промышленники же, высадившись с судна, разбивались на охотничьи партии и вели добычу пушнины в разных местах острова или на прилежащих территориях, а также должны были обеспечивать себя продовольствием из местных, часто весьма ограниченных ресурсов (рыба, морские животные и т. д.). Но вместе с тем алеуты, особенно западные, легко шли на мирные взаимоотношения после поднесения подарков, демонстрации дружелюбия. Однако предназначенные для подарков и обмена товары имелись у промышленников в весьма малом количестве, а дружелюбие часто сталкивалось с взаимным непониманием, переходящим в конфликты, нападения. Так начинались первые контакты.

Представляются интересными размышления К. Т. Хлебникова по поводу этой начальной страницы истории взаимоотношений русских и «американцев», с которыми мы познакомились на страницах одной из его рукописей: «Сообразив читанное и слышанное, я находил чрезвычайными события в занятии Алеутских островов горстью людей промышленных, без всякого вспоможения правительства, поощряемых надеждою корысти, и изумлялся необыкновенной их отваге. Как вообразить без удивления смелость пускающихся по морям неизвестным на судах, худо устроенных и управляемых людьми, не имеющими никаких знаний, потребных для мореплавания, неопытных и неученых? Покушаясь делать

открытия, они не знали ни числа, ни сил, ни характера народов, кои обитают на островах, также неизвестных. Кортес, внезапно и вдруг завоевавший значительную часть Мексики, вышел на берег с людьми опытными в военном искусстве, снаряженными по повелению начальства, хорошо вооруженными, снабженными всем нужным и алчущими только золота, — снискал себе славу отважного завоевателя. Но поставя по прогрессии Неводчикова, первого из занявших Алеутские острова в 1746 году, и потом Андреяновские — Толстых, представится, что нельзя лишить и их славы, не равномерной с испанским завоевателем, но и не удаленной от него на безмерное пространство. . . . Неводчиков имел только 40 человек, набранных наскоро в Камчатке, буйных, полуголодных, не знающих обращаться с оружием, не подчиненных никакому порядку. Кроме встречи с дикими, вовсе им не знакомыми народами, коих предписывалось покорить и привести в подданство, он при первом выходе на берег имел еще важнейшую нужду: искать своей команде пропитания. Они не могли завестись ничем в Камчатке и путь свой предпринимали с несколькими сумами ржаной муки, юколой и черемшой. Выходя на новые острова, они, голодные, бросались по тундрам искать питательных корней, а на берегах моря спедобых черепакожных и выкинутых течением китов и других животных. Таково было существенное положение наших промышленников, пополнив к тому климат: густые туманы, дожди, холод; и они заслуживают предпочтения сравнительно с испанскими завоевателями, открывшими одно за другим прелестные места, покрытые превосходными плодами. . . В предположенной истории (т. е. в последующем тексте. — *Р. Л.*) встретится несколько случаев, возродивших ссоры и драки; но они, как части целого, по малозначительности своей едва заметны. Напротив, в целом или общем занятии Алеутских островов и северо-западного берега Америки мы не увидим тех примеров ожесточения и хищничества, каким, к несчастью, история ознаменовала испанских завоевателей в Новом Свете.

Может быть, только на островах Алеутских и на материке берега, лежащего во владениях России, мы видим первобытных жителей Америки, как они были; между тем как на островах Антильских не осталось и следа их, а на материке Испанской Америки в городах и селениях видна только смесь переродившихся аборигенов, а сами они, если и остались где, то скрываются в неприступных вершинах гор. Это небольшое примечание обнаруживает характеристику завоевателей. Храбрые, но жестокие испанцы с крестом в руке именем бога искореняли жителей-идолопоклонников. Грубые и сильные русские с крестом на груди поставили за грех напрасно губить диких. Они били их только тогда, когда надобно было обороняться» [ЛОААН, ф. II, он. 1, д. 275, л. 26—27].

Несомненно, прав был К. Т. Хлебников, говоря, что именно благодаря особенностям освоения Аляски русскими ее коренное

население все же сохранилось в этот критический период своей истории. Продолжало оно в новых условиях и свое этническое развитие.

Первые плавания промышленников на острова интересны для нас тем, что именно тогда начали складываться основы социально-экономических и культурных отношений русских с коренными жителями, которые в дальнейшем только все более укреплялись. Это и использование традиционных алеутских навыков ведения хозяйства, особенно промыслов морских бобров, и управление через институт тоенов (система косвенного управления), и непосредственные контакты с алеутами без расовых предрассудков и пренебрежения к их традиционному образу жизни, культуре, включая браки, которые дали начало креольскому (метисному) населению.

Вначале приезжавшие на Алеутские острова партии промышленников вели добычу пушнины в основном сами. Служивший на Камчатке в 60-х гг. XVIII в. Т. И. Шмалев так писал об этом: «Прежде, до приходу промышленных, тамошние народы промышляли бобров стрелами, однако не из лука, но из дощечки их бросая, которыми могут в пятнадцати саженьях бобра застрелить или поранить. И потому их промысел весьма в малом числе состоит, но по обычаю российских промышленных, во-первых, производили стрелянием из винтовок, когда бобр на камень выходит, чем против тамошних народов несравненно больше получали. Ныне и того прибыточнее, потому что употребляют сети из толстой пряжи и около камня ставят, и как бобр часто в своем ходу ныряет, тогда в те сети запутывается и скоро умирает» [ЦГАДА, ф. 199, д. 528, ч. 2, л. 10—10 об.]. Но промысел с помощью сетей, а особенно ружей стал распугивать бобров (как это было и на Камчатке), и только традиционная алеутская охота на байдарках с гарпунами (этому европейцы не могли обучиться) оставалась надежным способом получения ценных шкур. К тому же немирные отношения с местным населением вызывали боязнь промышленников разбиваться на мелкие промысловые отряды. И чем дальше, тем больше старались они использовать замечательные навыки алеутов (а затем и тихоокеанских эскимосов) в морской охоте на бобров, заставляли увеличивать ее интенсивность. Методы принуждения были экономическими, а иногда и откровенно насильственными. В журнале М. Д. Левашова мы находим описание того, как действовали первые промышленники на Лисьих островах, где они кроме бобров добывали и имевшихся там в изобилии черных, чернобурых и красных лисиц. Отправлявшиеся на промыслы суда зимовали на о-вах Беринга или Медном, где запасались сивучьими кожами, которые шли на обтяжку байдар, байдарок и подошвы для торбасов, а также шкурами котиков, из которых шили одеяла и парки, и сивучьими горлами, идущими на шитье камлеек и голенищ торбасов. Высадившись на Алеутских островах, промышленники «тем жителям

раздают свои клянцы, которыми промысляют лисиц, сверх того дают им же помянутые котовые и сивучьи кожи, называемые лафтакми . . . бисер и корольки, козлиную шерсть и небольшие медные котлы и так тех обитателей задолжат». В ответ алеуты «во все бытие на том острове стараются кормить рыбою и кореньями и, где б какого зверя не промыслили, на берегу или в воде, все отдают промышленным . . . те промышленные и сами имеют старание в промысле тех зверей тоже, но по малому числу людей в разные места рассылать для того промыслу опасно. . . и для того тем промышленным своими трудами неможно умножить промысел, если бы не промысляли те жители» [ЦГАВМФ, ф. 179, ои. 1, д. 131, л. 333—334 об.].

По мере истребления зверей в одном месте промышленники отправлялись вместе с алеутами (или отправляли их одних) на другие острова. И со временем число развозимых алеутов увеличилось, а расстояния становились длиннее.

С тем, что алеуты использовались для промыслов промышленниками, участники экспедиции И. И. Биллинга и Г. А. Сарычева столкнулись на Алеутских островах при сборе ясака с населения. По данному поводу в рапорте Адмиралтейств-коллегии отмечается, что от этого «не только казна теряет себе принадлежащего, но и те алеуты должны чувствовать на себе крайнее иго рабства, ибо компанейские суда не иначе должны брать к себе в услугу тех алеут, как 1-е — испросить позволение у их тоенов, 2-е — с их согласия обещая за все время согласную плату. 3-е — всего важнее, компания, узнав взятого им еще испрашиваемого к себе в работу, что он ясашный, непременно должна всякий год платить тот за него ясак» [там же, ф. 214, он. 1, д. 29, л. 90].

К. Г. Мерк, натуралист названной экспедиции, указывая на использование промышленниками рабочих рук алеутов, отметил и способ оплаты — продуктами их же труда. В дальнейшем такую систему стала широко применять Российско-Американская компания. «В алеутских селениях на Уналашке — Иллюлюк, Агамгик, Учуюг, — пишет Мерк, — встретил я, кроме женщин, из мужчин только старых, болезненных и несколько помоложе, но последних использовала тамошняя компания русских промышленников для гребли на байдарках из кож морских львов. Остальные из ловких мужчин частично были взяты, иногда с женами, так как алеуты утверждали, что они в них нуждаются, на необитаемые острова различными компаниями промышленников, а частично были посланы на другие острова для ловли чистиков. Изготовленные из шкурок чистиков парки русские распределяли затем, словно свою собственность» [Этнографические материалы. . . , 1978, с. 68].

В отчетах о плаваниях промышленников неоднократно встречаются упоминания о их попытках завязать дружеские контакты с тоенами, а также о назначениях русскими тоенов с целью распространения и закрепления своего влияния на рядовых алеутов. Отмечены и усилия установить на Алеутских островах

такой порядок, когда алеуты должны были избирать из своей среды одного главного тоена, хотя подобного централизованного управления не имелось у алеутов в доконтактный период. Письменный акт о выборе главного тоена требовалось представлять охотскому уездному начальству, которое или направляло его в Иркутское губернское правление, откуда получало указы на имя тоена для управления, или посылало такие указы само (см. ниже). Аналогичная система управления — через старшин (князцев) — создавалась царской администрацией в Сибири повсеместно с целью управления и взимания ясака с инородцев. Институт этот был низшим, «туземным» звеном сибирской администрации [Таксами, Туголуков, 1975; Зибарев, 1986].

Однако именно период первых контактов русских с алеутами был временем наиболее массового тесного взаимного общения, взаимовлияния русской и алеутской культур. Каждый год на Алеутские острова отправлялось по несколько судов (иногда до 5—6), с командой на каждом от 40 до 70 человек. Сменявшиеся партии русских (иногда команды двух и более судов) зимовали или жили там до 4—6 лет. В некоторых случаях они строили жилища около селений алеутов или в отдалении, но чаще всего маленькими партиями устраивались жить в юртах аборигенов, воспринимали их пищу, одежду, некоторые хозяйственные навыки, брали себе жен-алеуток, т. е. «входили» в жизнь коренного населения. В. Лафлин считает 30—40 первых лет временем «наиболее эффективной аккультурации» на уровне селений между небольшими группами русских и алеутов [Laughlin, 1980, p. 126—130].

Добрые отношения русских с аборигенами наблюдали в это время английские мореплаватели Дж. Кук и Дж. Ванкувер. После посещения Уналашки в 1778 г. Кук отметил, что «сейчас можно наблюдать картины величайшей гармонии, которая только может существовать при общении двух разных наций. На каждом острове у индейцев (так Кук называл алеутов. — Р. Л.) есть свой вождь, и они, видимо, пользуются свободой, и никто их не тревожит» [1971, с. 397]. В сочинении Ванкувера читаем о русских промышленниках, обосновавшихся в заливе Кука в начале 90-х гг. XVIII в.: «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в каком они живут, между сими грубыми сыновьями природы. Покорив их под свою власть, они удерживают влияние над ними не страхом победителей, но благосклонным обращением. Сие было видно во всех их поступках . . . русские весьма легко принимают обыкновения туземцев, во многом весьма сближающиеся с их нравами. Они приняли совершенно их пищу и одежду и наружным видом весьма мало отличаются от природных жителей. . . Участие, которое, но-видимому, берут туземцы в успехах и благосостоянии русских, основано на твердых правилах, и привязанность, и уважение их к ним не легко может быть уничтожено влиянием иностранцев, пожелавших повредить торговле русских. Напротив того, должно предполагать, что сия привязан-

ность еще более утвердится . . . во всех их колониях берут себе заблаговременно детей туземцев и содержат их в особенном для сего выстроенном здании, где обучаются они русскому языку. Нет сомнения, что вместе с тем стараются внушать им такие правила, которые впоследствии должны послужить в пользу обоих народов» [1833, с. 369—372].

Русские с самого начала широко применяли для обеспечения своей безопасности систему взятия аманатов — заложников, преимущественно детей тоенов, в возрасте от 8 до 14 лет. Эта система была очень удобна для обучения алеутов русскому языку и приобщения их в целом к русским культурным традициям. В частности, Г. И. Шелихов писал о важности введенного им на Кадьяке обучения аманатов грамоте и «благодетелю», арифметике и «мастерствам разным» через организованное для них училище [Русские открытия. . ., 1948, с. 211, 288, 289].

С первых же плаваний промышленники старались привязать к себе способных мальчиков-алеутов, в основном из числа аманатов, учили их русскому языку, грамоте, крестили, давая им русские имена, и вывозили ненадолго на Камчатку и в Охотск, чтобы показать Россию. Из этих мальчиков получались хорошие переводчики (аборигенам Камчатки был совершенно непонятен алеутский язык, и первые плавания происходили при полной невозможности как-то объясниться с алеутами). Первого такого мальчика — Темнака — привез в 1747 г. на Камчатку М. Неводчиков из своего плавания на Ближние острова. Его крестили и дали имя Павел. В 1750 г. экипажем шитика «Петр» был взят с Атхи для обучения мальчик Халюнасан. Он сперва служил переводчиком на о-ве Атту, затем был увезен на Камчатку, крещен и назван Ильей (эти два мальчика плохо перенесли перемену условий жизни, и через год оба умерли). На судне «Петр и Павел» в плавание 1756—1758 гг. был увезен на Камчатку и крещен еще один мальчик — Иван Черепанов, который участвовал в ряде экспедиций как переводчик, а позже поступил в казаки. Во время пребывания на Андреяновских островах экипажа судна «Андреян и Наталия» (1760—1764) при промышленниках жили пятнадцатилетний алеут сирота Фома и двенадцатилетний алеут Стефан. В дальнейшем подобная практика применялась все шире, все чаще мальчиков стали вывозить на Камчатку и в Охотск. Таким образом, среди алеутов появлялись воспитанники русских, не только знающие их язык, но и грамоту, начатки христианских религиозных правил и культурных традиций. Некоторые из воспитанников стали затем тоенами, многие служили переводчиками при промышленниках.

Безусловный интерес для нашей темы представляют сохранившиеся в материалах о плаваниях купеческих промысловых компаний свидетельства о складывавшихся взаимоотношениях русских промышленников с местным населением. Поскольку они явно недостаточно или тенденциозно, с подчеркиванием отрицательных

моментов, освещены в имеющейся литературе, мы приведем их здесь в более полном объеме.

Хранящиеся сейчас в архиве Всесоюзного географического общества две рукописи А. С. Полонского («Промышленники на Алеутских островах, 1743—1800» и «Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г.»), состоявшего членом совета Главного управления Восточной Сибири в Иркутске и служившего около 20 лет в Охотске и Якутске, были написаны по материалам камчатского и иркутского архивов, которые впоследствии погибли от пожаров [там же, с. 27—29]. Полонский не называет своих источников, но, как справедливо пишет А. И. Андреев, «когда удавалось найти источники Полонского, то оказывалось, что он пользовался ими вполне точно и правильно» [там же, с. 8]. Вместе с тем известный историк русского флота А. П. Соколов отмечал включение Полонским в свои труды неверных исторических данных наряду с точными документальными свидетельствами [1851]. Л. Блэк тоже считает, что Полонский не во всех случаях был документально точен, что, в частности, в его характеристиках промышленников видны нарочитая враждебность и преувеличение негативных сторон их отношений с алеутами. В доказательство она приводит версию Полонского о втором плавании П. Башмакова с казаком М. Лазаревым (см. ниже), с описаниями примеров жестокого обращения с коренными жителями, которые не находят подтверждения ни в других ранних сообщениях [J. L. S., 1776], ни в том факте, что последовавшее через год плавание А. Толстых к тем же алеутам с участием того же казака Лазарева началось и проходило при совершенно мирных отношениях. Однако именно эти негативные стороны отношений промышленников с алеутами процитированы В. И. Йохельсоном [Jochelson, 1933] и Л. С. Бергом [1946], а также упоминаются в целом ряде других работ [см.: Black, 1984, p. 10—12]. Сличение же сообщений Полонского о контактах с коренным населением во время плавания Толстых совпадает с данными хранящихся в архивах документов, как будет отмечено ниже. Поэтому мы все же считаем целесообразным использовать для нашей темы материалы из рукописей Полонского; кроме того, будем ссылаться на работу В. Н. Берха [1823].

В плавание 1745—1747 гг. судна «Евдоким» купца А. Чебаевского с мореходом М. Неводчиковым и передовщиком Я. Чупровым были открыты Ближние острова Алеутской гряды. Переводчика, казака С. Шевырина, знавшего корякский и камчадалский языки, как оказалось, совершенно не понимали алеуты. В. Н. Берх так описывает первую стычку с островитянами (на Агатту): «Он (Чупров. — *Р. Л.*) встречал в разных местах диких обитателей сего острова, делал им подарки и получил взамен булаву, оконечность которой представляла тюленью голову. Дикие, подарив его сим оружием, начали требовать находившееся у него в руках ружье (действия которого алеуты еще не знали. —

Р. Л.); но как Чуиров, не соглашаясь на сие, шел к гребному судну, то они, преследуя его, схватили веревку, которую оно прикреплено было к берегу. Неожиданная наглость сия заставила Чуирова выстрелить из ружья. . . » [1823, с. 8]. Затем отношения промышленников (во главе с А. Беляевым), переехавших на Атту, с алеутами наладились, пока между ними не произошло стычки из-за женщин [там же, с. 9]. Подробно события этого плавания изложены (по Полонскому) Л. С. Бергом [1946]. По возвращении в Охотск промышленники были отданы под суд «за убийства и блудное воровство», так как находившийся в плавании для сбора ясака казак сообщил начальству о жестоком обращении команды с островитянами. Беляев с товарищами получили наказание, а Неводчиков, Чуиров и прочие были оправданы [АГО, р. 60, оп. 1, № 2, л. 13 об.].

Шитик «Петр» компании Е. Басова и Н. Трапезникова в плавание 1750—1752 гг. с мореходом Д. Наквасиным и передовщиком Беляевым пристало к о-ву Атха. Жители его были одарены «отпущенными для того из казны медными котлами и сшитыми из казенного сукна камзолами для придания им охоты в платеже ясака, а как с ними не могли объясниться по незнанию языка, то по согласию компанейщиков пойман для обучения русскому языку иноземец по имени Халюнасан». Затем судно вернулось на Атту, где в непогоду его «разбило до основания». Команда оставалась там два года, «согласившись промышлять вместе с прилучившимися здесь на судне „Борис и Глеб“, и на нем возвратилась в 1752 г. на Камчатку, кроме трех камчадалов, которые перед самым отправлением судна бежали». Переводчиком при промышленниках был Халюнасан, «уже немного разумеющий русский язык. . . У туземцев взято в ясак 11 бобров» [там же, л. 9—10 об.].

Судно «Иеремия» купца И. Рыбинского с мореходом П. Башмаковым и передовщиком А. Серебренниковым в плавание 1752—1755 гг. выбросило на о-в Адак и разбило. «Поутру туземцы увидели русских на берегу и встретили их неприязненно — одного убили, другого ранили, и только ружейными выстрелами были прогнаны. . . Островитяне не мирились и потом делали нападения на промышленных, занявшихся промыслами; а потому Башмаков, чтобы обезопасить себя, делал на туземцов поиски вооруженною рукою и произвел довольно убийств. Таким только обращением установился мир на негостеприимном острове, непрерывавшийся уже до самого выхода в июле 1754 г. промышленных с Адага. Питавшиеся ранее ракушками и кореньями, они стали получать от островитян мясо сивучей, нерп, китовый жир, а с тем вместе — бобровые шкуры и шитое из них платье. За незнанием языка русские объяснялись с туземцами знаками, а потому не могли узнать даже названия острова. Как островитяне свои неоднократные нападения производили с большой яростию, то русские опасались требовать с них ясаки или брать их силою, чтобы не подавать тем повод к ссорам» [там же, л. 20—22].

Судно «Иоанн» компании Ф. Холодилова с мореходом и передовщиком Ф. Жуковым в плавание 1753—1755 гг. проводило зиму 1754/55 г. на Атту. В состав команды вошли бежавшие в 1752 г. из компании Е. Басова и Н. Трапезникова коряк С. Серебренников и камчадал Прибылов. Первый стал толмачом и способствовал обложению ясаком островитян, с которыми удалось наладить добрые отношения [там же, л. 22—23].

Судно «Николай» купца Н. Трапезникова со сборщиком ясака С. Шевыриным и писцом при нем казаком Р. Дурневым, выбранным передовщиком и мореходом, находилось в плавании в 1754—1757 гг. «Оставаясь в течение двух лет на Ближних, промышленные жили благодаря распорядительности Дурнева в согласии с туземцами» [там же, л. 23—33 об.].

В 1756—1759 гг. на судне «Андреян и Наталия» компании купцов Ф. Холодилова и А. Толстых мореходом и передовщиком был выбран сам Толстых, переводчиком — коряк С. Серебренников. 24 июня 1757 г. Толстых сделал остановку у Атту, «где застал готовое к выходу в Камчатку судно Трапезникова „Николай“». Дурнева провожали тоены с Атту, Агатту и нарочно приехавший для того тоен с о-ва Семии. Пользуясь этим случаем, Толстых одарил тоена Семии и его родников платьем и согласил их платить ясак. Тоен обещал и, уезжая обратно, оставил при компании для прокормления и изучения русского языка и обычаев мальчика с матерью и двух женщин, которые при случае могли указать путь на их остров». После вполне благополучного проживания и ведения промыслов, собрав ясак за 1758—1759 гг. с жителей о-вов Атту и Агатту, «подарив алеутам бобровые сети, две байдары и кое-что из платья», Толстых отправился на Камчатку. Он сообщал, что алеуты с удовольствием носят русское платье, охотно крестятся, а мальчик Митька, живший при компании до отхода судна, понимал уже русский язык [там же, л. 25 об.—26 об.].

В плавание 1756—1758 гг. судна «Петр и Павел» компании купцов И. Рыбинского и А. Серебренникова с мореходом П. Башмаковым, передовщиком П. Всевидовым и сборщиком ясака казаком М. Лазаревым, когда были открыты некоторые из Андреяновских островов, из-за отсутствия переводчика не могли объясняться с жителями, которые «грозили стрелками, но не вредили... Островитяне (на Танаге. — *Р. Л.*) жили сначала в мире и согласии с промышленными, принимали у себя охотно русских и сами приходили в гавань к Башмакову и приносили для мены рыбу, сарану и звериные шкуры. Самовольные и грабежи нарушили потом мир с туземцами и поселили неудовольствие в среде самой компании... В отсутствие Всевидова и Лазарева с частью команды на другой остров... островитяне напали с берега и с моря на оставшихся в гавани. Промышленные спасались за бортом стоявшего на берегу судна и ружейными выстрелами прогнали алеутов... на возвратном пути Башмаков зашел на Танагу... посланные им на берег рабочие произвели страшные убийства, а потом ограбили и сожгли

селение . . . Всевидов и Лазарев при всем их старании не могли склонить жителей платить ясак и неудивительно», — комментирует А. С. Полонский [там же, л. 26 об.—28].

Во время плавания 1758—1763 гг. судна «Николай» купца Н. Трапезникова с мореходом Л. Наседкиным на Ближние острова промышленник Мухачев был послан с командой на берег неизвестного острова и встречен враждебно алеутами, «но, когда русские показали им копыя и ружья и затем положили их на землю, неприятное нападение островитян прекратилось. Они также положили на землю свои стрелки и безоружные подошли, одни старики, к промышленникам, которые одарили их иголками и . . . шерстью». Но сохранить дружелюбные отношения все же не удалось [там же, л. 31 об.].

В плавание 1758—1763 гг. к о-ву Атту судна «Иоанн Предтеча» купца А. Чебаевского с передовщиком Р. Дурневым последний «назначен был для сбора ясака как бывалый на островах, знавший алеутский язык и любимый алеутами. Большерецкая канцелярия при этом вручила ему для передачи тоену Атту указ, утверждающий его в том звании и что он подданный России, и как содержать родников, о чем просил тоен Дурнева в бытность его на Атту ранее» [там же, л. 32—32 об.].

Судно «Владимир» купца С. Красильникова с передовщиком С. Полевым, мореходом С. Шевыриным в плавание 1758—1763 гг. принесло к Атхе, а затем к Амле. Островитяне сначала хорошо относились к промышленникам, помогали им в добыче зверей и «других занятиях», но затем, когда промышленники разделились на три артели, одну из них, во главе с Полевым и Шевыриным, целиком перебили. Прибывший в это время на зимовку бот «Гавриил» купца И. Бечевина спас остальных членов команды от осады островитян. Вместе с тем тарский разночинец Толстых написал донос на новых передовщика Дружинина, морехода Шарыпова и промышленника Сколкова о произведенных ими на островах насилиях, после чего они «остались не у дел». Мореходом был выбран Д. Паньков, который и привел бот в р. Камчатку [там же, л. 30 об.—31 об.].

В плавание 1760—1762 гг. судна «Гавриил» купца И. Бечевина с мореходом казаком Г. Пушкаревым особенно много было бесчинств промышленников по отношению к алеутам, так же как и нападений со стороны последних. Пушкарев «приставал к Атту и взял там алеутов для указания пути на дальние Алеутские острова и толмача алеута Черепанова с судна Рыбинского». Затем Пушкарев отправился на поиски неизвестных островов и «взял с собою с Атхи и Амли четырех алеутов с двумя их женами и двумя детьми для рыбного промысла, да с соседних островов 25 женщин для копания сараны на пищу и одного мальчика для обучения русскому языку. . . Зимовать расположились на Унимаке . . . Стужемцами сначала жили в мире; но вскоре поступки промышленников изменили их прежние отношения. . .». По возвращении

судна «по доносу суздальца Горелина и тотмьянина Попова» 40 промышленников судили и оставили в наказание на Камчатке для хлебопашества [там же, л. 34—36].

В плавание 1759—1762 гг. судна «Захарий и Елизавета» компании купцов Ф. и В. Кульковых с мореходом С. Черепановым пребывание на Ближних островах проходило при совершенно мирных взаимоотношениях с алеутами, как об этом свидетельствуют «сказка» С. Черепанова и «Известия» Ф. Кулькова [Русские открытия... , 1948, с. 113—120; Ляпунова, 19796]. Черепанов пишет: «А оныя же народы весьма любят и лакомы к провианту, так же и к российскому всякому платью, которым от нашей компании по нескольку из лоноти в подарки давано было. А провианта, за неимением оного в довольстве, хотя и не давано, токмо всегда от нас, когда станем есть же, что сами едим, то и тем алеутцам уделяем, не минуя никогда, почему в особое дружество себя и за свойство поставляют». В «сказке» Черепанова отмечается, что алеуты «весьма неонятельны к православленной христианской вере и не сомневаются, чтоб неправда в нас была, понеже особливой и случай к той верности последовал». Случай этот состоял в том, что тяжело больной сын алеута Макужана пожелал креститься с надеждой на выздоровление. После крещения мальчик, названный Леонтием, понравился и был взят в Охотск [Русские открытия... , 1948, с. 117, 118].

Во время плавания 1760—1763 гг. судна «Прокопий и Иоанн» компании купцов В. Попова и Т. Чебаевского с мореходом казаком А. Воробьевым передовщик Шошин на Крысыях островах силой требовал от алеутов бобров и кормовых припасов (на Атту умерли от голода пять промышленников) и навел на алеутов такой панический страх, что по его приезду они выносили и клали на берег бобров, юколу и т. д., а сами скрывались [АГО, р. 60, он. 1, № 2, л. 36—37 об.].

Группа Андреяновских островов была открыта и подробно обследована в 1760—1764 гг. в плавание морехода Андреяна Толстых на судне «Андреян и Наталия» купца Ф. Холодилова. К славе Толстых как одаренного исследователя можно добавить, что его «вояжи» всегда сопровождалась миролюбивыми отношениями с островитянами. 6 августа судно подошло к Атту. Здесь Толстых встретился со знакомыми ему по первому плаванью алеутами и одарил их вещами: тоену Бакутану «с командою до семи человек» — чугунный котел весом 8 фунтов, 15 фунтов ржаной муки, по рубашке из дабы и холста, холст на рубашки, иглы, четыре теплых камзола, подбитых мерлушками, по паре теплых замшевых перчаток, по паре холодных и по кушаку; кроме того, тоену Бакутану были даны козловые сапоги. Все это делалось «без всякого от них истребования», только в знак дружеского любия. Для исполнения обязанностей лоцманов и толмачей Толстых взял у Бакутана двух алеутов, «отчасти знающих российских разговоров» [Берг, 1924, с. 118, 120; ЦГАДА, ф. 24, д. 34,

л. 65]. Так же доброжелательно относились к алеутам и члены команды Толстых. У о-ва Адах, возвращаясь на четырех байдарках с запасами китовины от двух выброшенных на берег китов, казак М. Лазарев встретил алеутов на байдарках и, узнав в одном из них знакомого, зятя тоена о-ва Канага, накормил их, одарил китовиной и отпустил, обещая приехать на их остров. Толстых одобрил его намерение. Прибывший после поездки Лазарева канагский тоен был встречен Толстых, и «ласковая, с великою честью встреча», и подарки — 20 лафтаков, рубашки, даба, иглы, нитки, китовое мясо — склонили его платить ясак и принять на зиму артели [АГО, р. 60, оп. 1, № 2, л. 37 об.—40; ЦГАДА, ф. 24, д. 34, л. 66]. Перед возвращением на Камчатку Толстых пригласил в гавань тоенов всех шести островов, на которых производились промыслы, и спросил их, не было ли алеутам от русских обид. На это тоены «единогласно при всех тогда находящихся людях объявили, что как тоенам, так и прочим никакой обиды, кроме одного оказуемого им всем всякого благосклонного благодеяния и приязни, чинено не было». Алеуты привезли в подарок тресковой юколы. В свою очередь русские одарили их котлами и лафтаками. Тоены «представили 100 шкур бобров маток и кошколов в ясак за два года за своих родников и обещали склонять в ясак и жителей соседних им островов» [АГО, р. 60, он. 1, № 2, л. 61—62]. При промышленниках жил пятнадцатилетний «безродный» мальчик с Атхи, названный Фомой, который обучился русскому языку. Атхинский тоен не препятствовал его вывозу на Камчатку. Кроме того, был взят на судно двенадцатилетний мальчик, очевидно, с Ближних островов, названный Софроном: его родители были убиты «от неизвестных народов смертной между собой войны» (т. е. жителями Андреяновских островов), а он с сестрой взят в плен. Пленного мальчика привезли на байдаре к о-ву Адах, где находились русские, и он бежал к ним, отдав себя «к защите» [Берг, 1924, с. 121—122]. Толстых обоих мальчиков оставил на обратном пути на Атту, где они собирались ждать следующего приезда русских.

Казаки М. Лазарев и П. Васютинский характеризуют алеутов как «видом грубы, а по разговору и обхождению ласковы и приятны, а при том ко всему понятны и смысленны» [Русские открытия... 1944, с. 33].

Честь открытия Лисьих островов принадлежит мореходу С. Глотову с передовщиком И. Соловьевым и сборщиком ясака казаком С. Пономаревым, подошедшим к ним на судне «Иулиан» во время плавания 1758—1762 гг. Как описывается в «изъяснении» Пономарева и Глотова, вначале жители о-ва Умнак встретили их вооруженным нападением: «...вступили к ним навстречу со своими стрелами... и, учиня приступ, усилились было всех прибить, и ранили Пономарева в правое плечо, Глотова в грудь да и в левое плечо, камчедала Игнатья Уваровского в правую ногу, Стефана Уваровского убили до смерти, а протчих при том

господь спас, токмо отбили у них байдару с кормом, с платьем и прочим шкарпетом да два топора, от которых, едва защищаясь сделанными на судне из платья и прочего оставшегося шкарпету и досок щитами, спаслись». Но потом, «не видя от них отмищения против их нападения, кроме ласковости, пришли к ним к судну вторично без всякой уже ссоры и нападения и встретили обыкновенно и с собою принесли к пропитанию их мяса и рыбы, сушеной трески. Нанротиво чего и они, Пономарев и Глотов с товарищи, что при ком обыскаться могло из мелочей, то есть от игл, шильев и прочего, дарили» [там же, с. 25]. Племянника (по имени Мушкаль) одного из двух тоенов о-ва Умнак, Шушака, крестили, назвав Иваном, и вывезли на Камчатку. Обученный грамоте и русскому языку Иван, получивший фамилию своего крестного отца — Глотов, впоследствии был назначен главным тоеном Алеутских островов. Переводчиками при Глотове служили алеуты Кашмак и уже немного обучившийся русскому языку Иван. Три года Глотов с командой мирно прожил среди алеутов Лисьих островов. 28 алеутов внесли ясак. «А при отпращивании с тех островов по добровольному оных народов склонению, а чрез их Пономарева и Глотова с товарищи к ним ласку и привет, оные желание возъимели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили» [там же, с. 27].

Но не всегда отношения складывались так благополучно. В целом более воинственная и многочисленная группа восточных (лисьевских) алеутов стала активнее сопротивляться вторжению промышленников, чем алеуты западной половины цепи островов. Поскольку эти события плохо освещены в литературе и в то же время часто толкуются искаженно, то мы на них остановимся несколько подробнее.

Судно «Иоанн» купца Я. Протасова с мореходом и передовщиком Д. Медведевым в 1763 г. прибыло на Умнак в бухту на северной стороне, получившую название Протасовской. «Медведев взял с туземцев аманатов и занялся промыслами. В течение осени он списывался о благополучии компании с мореходом „Троицы“ Коровиным, остановившимся на Уналашке. Алеуты обходились миролюбиво, а потому промышленные разъезжали без всякой осторожности и в малом числе по их жилам и без опасения посещали их юрты. Усыпив таким образом бдительность русских, островитяне по давно замышленному плану сделали на них 4 декабря 1763 г. нападение и убили сначала 28 человек в артелях, а затем пришли в гавань к Медведеву. Они принесли с собою китового жира, юколы и бобров и, когда промышленные стали разбирать принесенное, алеуты напали на них врасплох и где кто был перекололи всех 20 человек, потому что алеутов пришло много, а русские, не предвидя нападения, не были приготовлены к обороне. На Я. Захарова, известного силача, напали нарочно пять человек, но он, пронзенный во многих местах длинными ножами, успел убить нескольких алеутов, побежал к судну и на

дороге упал мертвым. Тела всех убитых алеуты стащили в баню. . . Судно из мести и для добычи из него железа сожжено алеутами. Таким образом, из 49 человек, составлявших команду бота, не спасся ни один» [АГО, р. 60, он. 1, № 2, л. 40—40 об.].⁴

Подобная же судьба постигла команду судна «Святая Троица» купца Н. Трапезникова, прибывшего 15 апреля 1763 г. в Макушинскую бухту на Уналашку. Мореход И. Коровин также взял у алеутов аманатов. Один из них, Алексей, бывший в аманатах у С. Глотова, уже знал немного русский язык. Группы промышленников отправились на промыслы в разные стороны острова, а Коровин с несколькими людьми остался в гавани и занимался промыслами рыбы в озере. Приехавшая к сыну-аманату жена одного тоена сообщила Коровину по просьбе мужа, что «на него идут алеуты во множестве походом». Прибывших вскоре 70 алеутов Коровин распорядился пускать через речку только по 10 человек, и они ушли, не взяв даже подарков за принесенные меха. Вечером того же дня появились камчадалы с кульковского судна (см. ниже) и сообщили, что П. Дружинин и члены его команды убиты, а судно их разломано. На следующий день алеуты напали на Коровина, но вынуждены были отступить, однако целый месяц держали промышленников в осаде в юрте. Выбрав, наконец, момент, последние перебрались на судно, где оставались безвыходно до 26 апреля, напрасно ожидая из артелей людей (уже убитых алеутами). Узнав, что вся команда судна «оцинжала», алеуты снова решили напасть. Известили об этом Коровина два алеута, которые приехали на свидание с братьями — толмачом Кашмаком и одним из аманатов (Алексеем). Нападение алеутов было отражено, но они убили двух своих соплеменников, возвращавшихся с судна.

Затем И. Коровин отправился на Умнак в надежде соединиться с Д. Медведевым, но около Умнака судно село на мель. Люди успели выбраться на берег, где соорудили из байдары и лаф-таков барабору, обставив ее вокруг выброшенными с судна бочками. Ночью появились алеуты. Боясь быть убитым, Кашмак бежал. Погибли два промышленника, прочие были ранены. В ту же ночь судно разбило штормом. Постоянно отражая нападения алеутов (причем алеуты уже стали стрелять из захваченных у русских ружей), промышленники все же к 21 июля выстроили байдару и отправились на ней (6 русских и 6 камчадалов) к Медведеву. Однако там они нашли только остатки сожженного судна и трупы в бане. Погребли убитых. Здесь и встретили Коровина промышленники во главе с С. Глотовым, пришедшие со стоявшего на другой стороне острова судна «Андреян и Наталия».

⁴ Захоронение партии Медведева (13 русских и 1 алеут), как предполагает В. Лафлин, было обнаружено и исследовано американскими археологами в 1970 г. во время археологических раскопок древней стоянки Чалука у с. Никольского на Умнаке [Laughlin, 1970, 1980].

Коровинцы присоединились к команде Глотова [там же, л. 43—45; Русские открытия. . ., 1948, с. 120—146].

Судно «Захарий и Елизавета» купцов Кульковых с мореходом И. Дружининым и передовщиком А. Мясных прибыло к о-ву Умнак в первых числах сентября 1763 г. В тот же день получили через алеутов письма от Д. Медведева с Умнака и И. Коровина с Уналашки. С теми же алеутами были посланы ответы. 13 сентября бот подошел к Уналашке и был введен в гавань в Капитанском заливе (названную Кульковской). В октябре были отправлены три артели промышленников в разные стороны острова; мореход и передовщик остались в гавани. Дружинин обосновался на «малом острове Иналаке . . . построил из предосторожности крепостцу и содержал в ней непрерывный караул» [Верх, 1823, с. 59]. 4 декабря алеуты напали на артель, разместившуюся в селении Калехта, и всех перебили, убили также отлучившихся на промыслы. Из другой артели (в селении Икалок, т. е. Петряковском) спаслись только шесть человек. Пробравшись тайком в гавань, они обнаружили остатки сожженного судна и тела товарищей на берегу. Преследуемые алеутами промышленники прятались в горах с 9 декабря 1763 г. по 2 февраля 1764 г. Построив из собранных тайком на берегу кожаных провиантских сум байдару, они отправились в ней в Макушинскую бухту, выдерживая по дороге стычки с алеутами, прячась на день в утесах. Эти шесть оставшихся в живых (из 49 членов команды) человек (трое русских и трое камчадалов) вернулись в 1766 г. на судне «Андреян и Наталия» на Камчатку [АГО, р. 60, он. 1, № 2, л. 40 об. — 42 об.].

О такой же несчастной судьбе, постигшей весь экипаж судна «Николай» купца Н. Трапезникова с мореходом Л. Наседкиным, которое в 1763 г. пришло на о-в Умнак и стояло в Протасовской бухте, узнал в 1764 г. на Уналашке мореход судна «Петр и Павел» И. Соловьев (см. ниже) [там же, л. 45 об.—46].

В командах четырех судов, подвергшихся нападению алеутов, было 136 русских промышленников и 39 камчадалов; из этого числа алеутами убиты 125 русских, 33 камчадала, умерли и утопили 6 русских, возвратились на Камчатку 5 русских и 6 камчадалов. Три судна были сожжены, одно разбилось [там же].

Во время плаванья С. Глотова в 1762—1766 гг. на судне «Андреян и Наталия», когда им был открыт Кадыяк, из-за немирных отношений с обитателями острова (эскимосами конягами) он решил зимовать на Умнаке, с жителями которого в предыдущее плавание у него установились добрые отношения. 3 июня 1764 г. Гловот прибыл туда. Посланные на берег нашли юрту и в ней — убитого промышленника, образа, святцы. На другой стороне острова Гловот обнаружил сожженное судно, разметанные по берегу священные книги и расколотые образа, а в бане — тела промышленников с «Иоанна». 7 июня к судну подошли, наконец, семь алеутов в байдарках. Одного из них удалось поднять на борт.

Он рассказал об уничтоженных судах и убитых промышленниках, а также о том, что И. Коровин находится на Умнаке. Готов направился на поиски Коровина. Отряды алеутов встречали промышленников выстрелами из ружей и луков, произошло несколько стычек. Приняв к себе Коровина с оставшимися членами его команды, Готов приступил к промыслам. Коровин же ушел во главе группы из 20 человек на двух байдарках разыскивать по Умнаку и Уналашке людей и имущество с погибших судов. «По пройденному пути поплатились жизнью довольно алеутов за грабеж и убийства промышленных и разорено несколько селений». Затем Коровин занялся промыслами, «но месть в нем все еще кипела». «Готов, узнавши о распорядительном поведении Коровина с алеутами, — пишет А. С. Полонский, — не только не одобрил его поступков, но запретил ему и его товарищам ходить на промыслы с его рабочими; следующие же на их долю звери Готов им тогда же выделил». 24 июня 1765 г. Коровин с товарищами перешел к мореходу судна «Петр и Павел» И. Соловьеву, «который явился достойным его пособником в деле примирения враждовавших с промышленниками алеутов». Готов же отправился для осмотра острова и «обласкания жителей», но напуганные алеуты, как только замечали приближающихся промышленников, покидали свои жилища и скрывались. Наконец, алеуты понемногу стали являться к Готову с бобрами и лисицами для мены. Оставшееся время Готов занимался промыслами и приобретением пушнины у алеутов в гавани. Вернулся на Камчатку он в августе 1766 г. [там же, л. 46 об.—51].

Судно «Петр и Павел» купца Я. Ф. Уледникова с мореходом и передовщиком И. Соловьевым, с командой из 45 человек (из них один умер в пути) 17 сентября 1764 г. вошло в бухту на северо-западной стороне Уналашки. Посланные для осмотра люди нашли пустую обвалившуюся юрту туземцев и в ней — «скорописное житье св. Николая и изломанную ложку [ружья]». Судно ввели в р. Чиканок и разгрузили. Оно осталось здесь зимовать. 22 сентября к Соловьеву в гавань пришли знакомые ему алеуты: Агаяк, бывший у него в прежнем плаваньи толмачом, и Кашмак, живший при команде судна «Иулиан» С. Глотова и служивший переводчиком у И. Коровина на «Святой Троице». Они рассказали ему о трагических событиях последнего года. Соловьев при таких вестях принял меры предосторожности против неожиданного нападения алеутов, а затем «по присяжной должности начал чинить всякое старание о приводе их в повиновение».

Отметим, что именно И. Соловьева называют главным «истребителем алеутов», причем так определяется он и в «Записках. . .» И. Вениаминова. Но, судя по рукописи А. С. Полонского, не смягчавшего негативных сторон деятельности промышленников, вряд ли можно поверить, что Соловьев с имеющимися в его распоряжении силами при весьма неблагоприятных условиях мог произвести приписываемые ему расправы с алеутами. Похоже на то,

что Вениаминов слышал уже легенды об этих событиях, в которых были сильно сгущены краски.

29 сентября 1764 г. И. Соловьев отправился на трех байдарках с 33 русскими и двумя толмачами к западному мысу Уналашки. В алеутском селении Умшалак они нашли останки 10 убитых промышленников с судна «Святая Троица». Завидев промышленников, все жители бежали на море. При попытке «поймать из них в аманаты» алеуты защищались копьями, и четверо из них были убиты, а тоен Седан и семь его «родников» схвачены и оставлены под караулом. Алеуты возвратили пять ружей и другие вещи, доставшиеся им после погрома русских. «Для поисков разграбленного алеутами имущества с судов и для усмирения их» 28 октября Соловьев направился к Северному мысу. Достиг мыса с селением Агулок, жители которого возвратили вещи двух убитых здесь промышленников. Далее прошел мимо Учучлока в Макушинскую бухту, где зимовала «Святая Троица». Там застал двух макушинских тоенов, приехавших сюда со своими родственниками (70 мужчин и 180 женщин и детей) для промысла котиков. По приглашению тоенов Соловьев посетил их жилище, где пробыл из-за начавшихся штормов до 6 декабря. Затем направился к селению Тачикала, где, по словам макушинского тоена и толмачей, алеуты убили 9 человек с кульковского судна и не желают дружить с русскими. Посланный для переговоров тоен уговорил немногих алеутов остаться и принять Соловьева. Последний по прибытии нашел у них около 300 коний и 10 луков со стрелами и велел все изломать. Стали понемногу собираться и бежавшие ранее алеуты. Однако недоброжелательность сохранялась. 17 декабря алеуты напали на промышленников, но потеряли убитыми 19 человек. В результате они дали шесть аманатов и возвратили судовые вещи кульковской компании. Вернулся к себе в гавань Соловьев 11 февраля 1765 г., а 16-го ушел к Западному мысу: был в селениях Умшалак, Икалга, Такамитка. Возвратившись к судну 15 марта, он застал почти всю команду «в цинге», от которой в марте и мае умер 21 человек. Многие были больны. Здоровых оставалось только 13 человек. Из сообщений дружественно настроенных к русским алеутов Соловьев узнал, что их соплеменники намерены истребить команду судна, видя ее бедственное положение. Это подтвердил и плененный макушинский тоен. «По долгом увещании оставить шаткость» тоен, содержащийся под караулом, был отпущен. Вскоре вся команда оправилась, а 30 июня прибыл И. Коровин с пятью промышленниками, приглашенный «по малоллюдству» в компанию. 22 июля Соловьев с половиной команды (т. е. не более 12 человек) отправился к Восточному мысу. Соловьев в своем отчете не говорит, пишет А. С. Полонский, сколько пострадало от него алеутов, «но, по преданию, известно, что, опасаясь грозы, алеуты скрывались, где могли, но их отыскивали и истребляли и что по следу Коровина с Соловьевым оставались только признаки разгромленных юрт». 11 августа

Соловьев с Коровиным отправились на Умнак к С. Глотову за оставшимся имуществом компании купца Н. Трапезникова и встретили его на дороге. Вместе они пошли на северную сторону Умнака, где, по сведениям Коровина, у тоена имелись компанейские вещи. Алеуты скрылись, но, когда их нечаянно обнаружили в пещере, бросились с ножами на промышленников и опять скрылись. Убили лишь одного из них и захватили в плен тоена, которого отпустили по требованию Глотова, так как его дети были у него в аманатах. 19 октября Соловьев отправил 20 человек на промыслы к Северному мысу и далее, а сам с остальными людьми в течение ноября—января промыслял зверей у гавани. Ушедшие на промыслы люди подвергались нападениям алеутов; попытки заставить последних промыслять лисиц при помощи раздаваемых им ловушек не имели успеха.

Из команды И. Соловьева умерли в разное время 28 человек, а из оставшихся многие из-за болезней стали неспособны к работе, а поэтому он решил вернуться на Камчатку. Отправившись 1 июня 1766 г. с Уналашки, судно 4 июля подошло к Камчатке. На боте прибыли пятеро с погибших судов «Святая Троица», «Захарий и Елизавета».

О своих отношениях с алеутами И. Соловьев писал в донесении: «По получении от толмачей известия о измене тамошних народов и побитии русских он по должности своей имел всякое старание приводить в подданство разговорами и снисходительным обращением, увещевал в гавани и в их острожках угощал, а тоенов и хороших мужиков дарил; в случае от них нападений, хотя и имел сопротивление, но то чинил только по необходимости, а больше уговаривал отказаться от худого своего намерения и с русскими людьми жить в дружестве. Все меры принимал к приводу в подданство с такою ревностью, как присяжная должность требовала; и хотя тамошние народы оказались к уговору склонны, а некоторые приносили уже и ясака, только надежды иметь никак невозможно, понеже непостоянны, когда видят во осторожности и они оказывают знаки дружества на словах, а делом всегда смотрят, как бы наиспособнее учинить нападение» [там же, л. 51—55 об.; Русские открытия. . ., 1948, с. 146—170].

Почти во всей последующей литературе, начиная с «Двукратного путешествия. . .» Г. И. Давыдова [1812, с. 108], включая «Записки. . .» И. Вениаминова [1840, II, с. 188—190], повторяется утверждение, что И. Соловьев «в отмщение» истребил более 3000 алеутов. Возражая Давыдову, В. Н. Берх, руководствуясь материалами центральных сибирских архивов и местных канцелярий о плаваниях промышленников, а также результатами личных расспросов «старовояжных», очевидцев этих событий, утверждает, что Соловьевым и его товарищами было убито не более 300 человек [1823, с. 74, 75]. Скорее можно предположить, что, обладая малыми силами, находясь в неблагоприятной обстановке,

Соловьев именно «уверял», «угощал» и «дарил», чтобы завоевать расположение алеутов, которые, будучи хорошими воинами и обладая несоизмеримо большей численностью, могли истребить и его команду. И явно не все алеуты выступали против русских, имелись уже приверженные им и помогавшие.

К. Т. Хлебников приводит рассказ 1826 г. одного старика алеута, жителя Уналашки, находившегося тогда в аманатах у русских, об этих событиях 60-летней давности. Он подробно описывает, как алеуты доброжелательно встретили первое судно русских, благополучно затем ушедшее (в 1758 г. «Иулиан» с мореходом С. Готовым), а затем и второе (в 1762 г. «Святая Троица» с мореходом И. Коровиным), дали прибывшим аманатов в залог искренней дружбы, следуя своим обычаям, и оказывали всевозможные услуги. Русские остались зимовать, построив «дерновую казарму» у реки. Для промысла зверей и заготовки припасов они разделились на несколько партий: одна байдара отправилась туда, где впоследствии возникло Веселовское селение, а вторая — на о-в Борьку в Уналгинском проливе; другие промышленники (по нескольку человек) поселились в близлежащих «жилах» алеутов, а остальные вместе с командиром судна остались на месте. Посетив как-то своих детей-аманатов, алеуты узнали, что одного из них высекли розгами. Такое наказание, которому по обычаям алеутов могли подвергать только рабов (калгов), они сочли неслыханным оскорблением и великим бесчестьем. И это привело их к решению избавиться от пришельцев. Из команд трех находившихся тогда на Уналашке и Умнаке судов спаслись только 6 человек, скрывшись в пещерах Уналашки. Знал об их местопребывании, украдкой носил им еду один алеут, впоследствии принявший крещение и известный как Иван Шудров (умер в 1820 г.). Он же сообщил им о прибытии судна И. Соловьева [Хлебников, 1979, с. 89, 90].

По данным Г. Давыдова: «Алеуты согласились перебить промышленников; а как должно было исполнить сие вдруг в разных местах и в одно время, дабы другие, узнав о гибели соотечественников, не успели принять мер осторожности, то разделили они между собою по равному числу лучинок, бросая всякой день по одной в огонь. Когда последняя была кинута, тогда напали отовсюду на всех промышленников и перебили их». При этом Давыдов отмечает большую склонность народов Северо-Западной Америки к войне, а также то, что они «никогда не ведут оной открытым образом, а стараются нападать на неприятелей тогда, когда они оплошны» [1812, с. 107—108].

В 1766 г. высадились на Умнак промышленники с судна «Проконий и Иоанн» компании купцов Т. Чебаевского и И. Попова с мореходом В. Шошиным и передовщиком В. Софьиным (плавание 1764—1768 гг.). Алеуты уверяли промышленников, что они оставили злые намерения и решили жить с русскими в мире и согласии. Вскоре Шошин перешел на Уналашку в Кошигин-

скую бухту «по неудобству промысливать на Умнаке двум компаниям», поскольку сюда прибыло судно «Павел». Промышленники судна «Прокопий и Иоанн» находились на Уналашке с 5 сентября 1766 г. до 19 июня 1768 г., потеряли за это время только двух людей и отбили одно нападение алеутов, о котором своевременно сообщил им тоен. Взяв на Ближних островах двух толмачей, Шошин на обратном пути не смог пристать к ним из-за штормов, и алеуты были привезены на Камчатку [АГО, р. 60, он. 1, № 2, л. 56—57].

Судно «Павел» компании купцов В. Шилова, И. Ланина и А. Орехова с мореходом А. Очерединым и передовщиком Вологжаниновым встало на зимовку в Протасовской бухте на Умнаке осенью 1766 г. (плавание 1765—1770 гг.). Команда состояла из 64 человек; среди них были два алеута, которых привезли с Камчатки для толмачества. «Туземцы встретили промышленных миролюбиво, но они своими поступками вскоре вооружили их против. Неприязнь туземцев простиралась до того, что рабочие не смели отдаляться от гавани». Недостаток свежего продовольствия привел к цинге, от которой умерли 6 человек. С наступлением тепла люди ожили, были отправлены артели по Умнаку, на о-ва Уналашка, Акутан, Акун, Аватанок и Кигалга. Приезжавший в гавань тоен с Четырехсопочных островов выразил раскаяние за участие в 1763 г. в погроме промышленников и в знак настоящей верности прислал аманата. Однако прочие жители Четырехсопочных островов не только отказались дать аманатов, но и «тирански умертвили тоена, согласившегося возвратиться в подданство». Для усмирения их были отправлены на двух байдарх 24 промышленника, встреченных на о-ве Уляга нападением островитян. Прибывшая туда артель промышленников из 15 рабочих вся была перебита. Алеуты Уналашки, Акутана и Акуна, принявшие в начале промышленных дружелюбно, затем объединились и 12 декабря напали на главную партию, возглавляемую М. Полозковым. Один толмач сбежал с алеутами. Уничтожена была также и артель промышленников из 11 человек. 16 января 1767 г. алеуты вновь напали на Полозкова: «Скрав караул, вскочили на юрту и, отбросив люк, начали пускать внутрь стрелки, которыми четырех убили и трех ранили». Только 10 марта, после выздоровления раненых, Полозков смог вернуться в гавань. Очередин решил наказать непокорных алеутов и отправился 12 июня на двух байдарх с 20 вооруженными рабочими к Восточному мысу Уналашки. Но, узнав, что собравшиеся там с о-вов Акутан, Акун и местные алеуты ждут их, вернулся от Веселовского селения назад.

В июле 1768 г. на Умнак пришло судно «Андреян и Наталия» компании купцов И. Попова и И. Ланина с передовщиком Я. Смолиным и мореходом Л. Вторушиным (плавание 1767—1772 гг.). Прибывшие договорились с командой «Павла» о совместных промыслах. 24 июня 1770 г. «Павел» вернулся в Охотск

[там же, л. 59, об.—61]. Вторушин в августе 1768 г. отплыл на Уналашку и Акутан за аманатами. Но из квитанций, данных алеутам с судна «Прокопий и Иоанн», он узнал об убийстве двух камчадалов с того судна тоеном с островка, расположенного между Уналашкой и Акутаном, и поэтому послал к тому тоену нарочного с предложением мира. Получив в ответ обещание убить всех русских на островах, Вторушин 14 сентября отправился к тоену на четырех байдарках, взяв с собой и алеутов, «изъявивших желание уговорить тоена смириться». Оказалось, что здесь собрались недовольные и с других островов. Произошла стычка, несколько алеутов были ранены, остальные разбежались. При отправлении судна в 1772 г. бежали пять камчадалов и «посадский, корякской породы». «Новокрещенный алеут Гурьев с товарищами нашел их в хребтах в пещере в 20 верстах от гавани». Они ему объяснили, что от прибывших на Акун промышленников на судне «Павел» им стало известно о смерти всех их родственников на Камчатке от «оспенного поветрия» и они решили остаться здесь, чтобы и им не умереть «по возврате». Гурьев принял на себя заботу охранять их «от нобития алеутами до прихода какого-либо судна» [там же, л. 62—63 об.].

В плавание 1767—1770 гг. судно «Петр и Павел» с мореходом И. Коровиным и передовщиком Г. Корневым пришло в северную гавань о-ва Атту, где стояло судно «Владимир» купца С. Красильникова. Здесь взяли толмачей и отправились далее. Компания промышляла на Андреяновских островах. Для безопасности ведения промыслов были взяты аманаты, но никаких осложнений в отношениях с алеутами не возникло [там же, л. 61 об.—62].

Судно «Николай» компании купцов И. Мухина и И. Засыкина с мореходом и передовщиком С. Черепановым в июле 1769 г. прибыло на Атту (плавание 1768—1773 гг.). Так как здесь уже стало мало бобров, через год судно направилось к Андреяновским островам, где были взяты толмачи. Поставив судно в гавань на Адахе и получив у алеутов аманатов, промышленники разделились на артели для промыслов по всей Алеутской гряде. «Ушенин и Черепанов жестокими поступками и даже убийствами сильно вооружили против себя алеутов». Пострадал же от этого только купец А. Лыгачев, которого убил на Адахе живший у местного тоена приезжий алеут, тут же скрывшийся на байдарке; от его руки погибла и алеутка, которая стала «выговаривать» ему за сделанное. Этот человек упрекал ранее местных жителей, что они слушаются русских, которые будто бы хотят всех их перебить. Ушенин успокоил алеутов, боявшихся наказания русских [там же, л. 63 об.—65].

Судно «Александр Невский» купца В. Серебренникова с мореходом и передовщиком Д. Паньковым в плавание 1770—1774 гг. занималось промыслами на Андреяновских островах (Атхе, Амле, Амчитке, Канаге и Танаге). На боте прибыли на Камчатку

«шесть крещеных алеутов для миропомазания» [там же, л. 70—71].

Судно «Павел» компании купцов В. Шилова, И. Лапина и А. Орехова с мореходом и передовщиком И. Соловьевым в плавание 1770—1775 гг. все время находилось на Уналашке, откуда посылались артели для промыслов на Акун и другие ближайшие острова. Сообщений о конфликтах промышленников с алеутами не было [там же, л. 71—71 об.].

Судно «Петр и Павел» компании купцов Пановых с передовщиком и мореходом И. Коровиным в плавание 1772—1776 гг. стояло в бухте на северной стороне о-ва Атха, залив и мыс которого с тех пор называются Коровинскими. Промыслы производились без помех по разным островам Андреяновской гряды [там же, л. 71 об.—72].

В 1772—1778 гг. промыслами на Лисьей гряде занимались промышленники судна «Михаил» купца А. Холодилова с мореходом Д. Полутовым, сохраняя с алеутами добрососедские отношения [там же, л. 66 об.—67 об.].

Судно «Владимир» компании купцов А. Орехова, И. Лапина и В. Шилова с передовщиком В. Шошиным и мореходом П. Зайковым в плавание 1772—1779 гг. зимовало один год на Атту. Там была оставлена артель из 10 человек, после чего судно пошло далее до Умнака и Унимака, где в течение трех лет его команда занималась промыслами совместно с промышленниками, прибывшими на судне «Евил» купца Ф. Буренина с передовщиком М. Сапожниковым и мореходом Е. Деларовым. «Компания была в согласии с лисьевскими алеутами и аляскинцами и потому могла обложить несколько туземцев ясаком и получить от них сведения об островах, лежащих далее Унимака — Саннахе, Унге и других, и п-ове Аляска» [там же, л. 72—73].

Судно «Варфоломей и Варнава» компании купцов Пановых и Г. Шелихова с передовщиком П. Всевидовым и мореходом С. Корелиным в плавание 1777—1781 гг. пришло на Амлю, где Корелин «вел себя неодобрительно с островитянами», затем зимовало на Атхе [там же, л. 75 об.—76].

Судно «Изосим и Савватий» купцов Киселевых с мореходом Должантовым и передовщиком М. Полозковым в 1778 г. прибыло на Атху (плавание 1777—1781 гг.). Оставив в Бечевинской бухте Полозкова с половиной команды, Должантов со взятыми здесь 30 алеутами ушел обратно на о-в Медный, где оставался в течение двух лет.

Следует отметить, что и в прежние годы встречающиеся на промыслах команды разных судов и компаний иногда вступали в конфликты, но последние стали учащаться с уменьшением количества бобров на островах. Завязывая более дружеские контакты с алеутами, каждая компания старалась заполучить их под свое влияние, чтобы использовать в качестве промысловиков, союзников и даже для интриг против враждебной компании.

Результатом конфликтов на Атхе команд двух последних судов А. С. Полонский считает убийство алеутами М. Полозкова с его командой [там же, л. 76].

На судне «Изосим и Савватий» отправились на Камчатку 11 новокрещенных андреяновских алеутов, из них шесть взяты с разбившегося у о-ва Медный судна «Александр Невский» [там же, л. 77—78].

В «Записках...» К. Т. Хлебникова приводится виденный им в архиве тоена Голодова на о-ве Атту указ канцелярии Охотского порта от 20 августа 1781 г. за подписью коллежского асессора Бенсинга тоену А. Тютрину. В нем говорится, что из вывезенной им на судне «Изосим и Савватий» пушнины принято 18 шкур бобров в качестве ясака. «И для поощрения впредь к лучшему взносу дано ему из казначейства подарков: 1 кортик; 356 корольков разных цветов — 122 белых, 158 голубых, 76 светлых; бисера 1 фунт красного, 1/2 фунта голубого, 1 фунт желтого и 1/2 фунта зеленого; тарелок оловянных — 5; игол — 57; табака — 20 фунтов». И далее: «Приказали принять тебе показанные вещи и велеть, чтобы ты такую к себе милость всегда чувствовал и со сродниками твоими обходился добропорядочно и никаких бы им обид не оказывал и пр.». В указе от 20 августа 1782 г. тому же Тютрину, присланному иркутским губернатором генерал-майором Ф. Н. Кличкой, сообщается о посылке ему за полученного в 1781 г. от него в подарок бобра кафтана красного сукна «с выкладкою золотого гасина» [Хлебников, 1979, с. 174].

Бот «Климент» купцов Пановых с мореходом и передовщиком А. Очерединым в плавание 1778—1785 гг. провел зиму 1778/79 г. на Уналашке. Отсюда он ушел в июле 1779 г. на Кадьяк с 60 алеутами, взятыми для промыслов. Но враждебные отношения с конягами не позволяли даже отлучаться от судна. Перезимовав на Кадьяке, «Климент» вернулся для промыслов на Лисьи острова [АГО, р. 60, он. 1, № 2, л. 78 об.—79].

Бот «Николай» купцов Пановых с мореходом и передовщиком Д. Полутовым в плавание 1778—1785 гг. зиму 1778/79 г. стоял вместе с судном «Климент» у Уналашки, а на следующий год — у Унимака. В январе 1781 г. Полутов отправился на байдарках (с алеутами на байдарках) на Унгу и далее вдоль южного берега п-ова Аляска. В августе того же года он вернулся обратно. После прибытия сюда в сентябре судна «Евпл» с мореходом Д. Паньковым обе компании договорились о совместных промыслах. Полутов предложил поселить артели с алеутами за Унгу, около п-ова Аляска и о-вов Семиди, где бобров было много, хотя знал, что аляскинские коняги питают древнюю вражду к алеутам и без войны не обойдется. Русским при этом отводилась роль стражей при алеутах на промыслах; кроме того, они должны были посещать селения конягов и вовлекать их в российское подданство. Однако встреча с конягами Катмая превратилась в затяжное сражение с безуспешной осадой. Полутов и Паньков 19 июля ушли

обратно. Первый остался зимовать в бухте Колюгида Кенайского залива, а в следующем году вернулся со своей партией в гавань на Уналашке [там же, л. 79—82 об.].

Судно «Евнл» купцов Пановых с мореходом и передовщиком Д. Паньковым 3 сентября 1781 г. подошло к Унимаку (плавание 1780—1786 гг.). Договорившись с Д. Полutowым об общих промыслах, Паньков ввел судно в ту же гавань, где стоял бот Полutowа «Николай» (гавань Креницына). С мая по 24 июля 1782 г. Паньков вместе с Полutowым ходил к конягам п-ова Аляска. Оттуда он направился на двух байдарках на Уналашку, где застал судно «Алексей» купцов Пановых. В 1783 г. Полutow, Паньков и Деларов согласились вести промыслы сообща. Таким образом, несколько селений на о-вах Уналашка, Акун и Акутан были заняты тремя соединенными компаниями Пановых, а Паньков остался начальником над ними. Полutow же и Деларов отправились с партией промышленников и алеутов к берегам Америки для поисков новых мест промыслов. По пути на Камчатку у о-ва Амля, где собирались забрать оставленную ранее артель, «Евнл» потерпел крушение. 37 человек из команды и восемь алеутов прибыли в 1786 г. на Камчатку на судне «Изосим и Савватий» [там же, л. 83 об.—84 об.].

Экипаж судна «Алексей» компании купцов Пановых с передовщиком и мореходом Е. Деларовым по прибытии в 1782 г. на Уналашку (плавание 1781—1789 гг.) объединился (как было указано) для общих промыслов с командами двух других судов компании Пановых. В 1783 г. Деларов вместе с Полutowым и партией алеутов отправился в Чугачский залив. Из-за недостатка там продовольствия, потери людей от нападения эскимосов чугачей он вернулся в апреле 1784 г. на Унгу, а оттуда перешел на Акун.

В 1786 г. с частью людей Деларов возвратился в Охотск, остальные промышленники были оставлены на Лисьих островах [там же, л. 87 об.].

Судно «Иоани Предтеча» купцов И. И. Голикова и Г. И. Шелихова с передовщиком П. Лисенко, мореходом А. Сапожниковым в плавание 1779—1785 гг. все время находилось на Ближних и Андреяновских островах. В 1785 г. судно возвратилось в Охотск, и «на нем прибыли из любопытства познакомиться с русскими обычаями тоен с Атхи и 15 алеутов с Атхи, Амли, Чугула, Канаги и Амчитки» [там же, л. 82 об.—83].

Судно «Михаил» купца А. Холодилова с передовщиком Л. Нагаевым и мореходом Ф. Мухоплевым осенью 1782 г. пришло на Умнак (плавание 1780—1786 гг.), а на следующий год отправилось с судном «Александр Невский» (мореход П. Зайков) к Америке. В 1784 г. «Михаил» вернулся оттуда на Саннах, и его команда объединилась с людьми компаний купцов Орехова и Пановых для производства промыслов по Лисьей гряде и островам, лежащим на южной стороне п-ова Аляска.

«В сентябре 1784 г. по Лисьей гряде и на Унге, — пишет А. С. Полонский, — находилось девять судов; у каждой компании были огромные партии алеутов обоего пола, и трудно допустить, чтобы хотя один алеут на всем пространстве остался в своем селении и свободным; кроме того, сюда свезены были алеуты с островов Ближних, Крысых и Андреяновских. На Унгу увезены компаниями целые поселения алеутов, и оттого между ними происходили постоянные ссоры за места промыслов, доходившие до ружейных выстрелов, причем в компании Лебедева[-Ласточкина] один убит и трое ранено» [там же, л. 85 об.].

Галиот «Георгий» купца П. С. Лебедева-Ласточкина с передовщиком Е. Поповым и мореходом Г. Прибыловым, оставив артель на Командорах, прибыл в августе 1783 г. на Умнак (плавание 1781—1789 гг.). В 1784 г. люди компании Лебедева-Ласточкина расположились для промыслов на Уналашке, но так как здесь в 1785 г. участились споры между компаниями за места промыслов, то в 1786 г. Прибылов отправился к северу от Уналашки и открыл остров, богатый морскими бобрами и котиками (о-в Святого Георгия). Оставив на острове артель промышленников, он ушел на Уналашку. Передовщик Попов в 1787 г. обнаружил рядом и другой остров, названный им островом Святого Павла. Эта группа островов именовалась Котовыми (по обилию здесь морских котиков), затем — Zubовскими (в честь графа Зубова), но уже вскоре за ней закрепилось название о-вов Прибылова (по имени их первооткрывателя) [там же, л. 85 об.—86 об.].

Судно «Павел» (или «Петр и Павел») купца Л. Алина с передовщиком Я. Невидимовым и мореходом казаком Т. Сапожниковым находилось в плавании в 1781—1787 гг. Мореходу были вручены «гербы Российской империи для раздачи тоенам на знатнейших островах в удостоверение иностранцам, что они подданные России». Для промыслов судно остановилось на Амчитке, но три года провело на о-ве Медном. 29 августа 1785 г., отправляясь к Камчатке, «Павел» потерпел крушение у Амчитки. Из собранных остатков разбитых судов (своего и потерпевшего здесь крушение японского), а также из плавника промышленники к 1 июля 1787 г. построили небольшое судно и на нем в этом же году возвратились на Камчатку. Они привезли с собой девять японцев. Японское судно, лишившееся во время шторма руля и мачты, носило в море 8 месяцев и, наконец, в августе 1783 г. прибило к южной стороне Амчитки. Из 17 членов его экипажа один умер еще в море, а семь — от цинги в течение четырехлетнего пребывания на Амчитке [там же, л. 86 об.—87 об.]. Один из японцев, Д. Кодая, был привезен в Петербург, дважды был принят Екатериной II, а позже вместе с двумя другими своими спутниками вернулся на родину; двое японцев остались в Иркутске и стали преподавателями школы японского языка. История и значение этих первых контактов русских с японцами хорошо освещены в литературе [см., напр.: Кацурагава, 1978; Иноуэ, 1977, 1984].

Судно «Александр Невский» купца И. Орехова с передовщиком В. Шишевым и мореходом П. Зайковым во время плавания 1781—1791 гг. пошло на Уналашку и оттуда в 1783 г. вместе с судном «Михаил» купца А. Холодилова отправилось на южную сторону Аляски для отыскания промысловых мест. Зимовали на о-ве Сукли в Чугачском заливе; опасаясь воинственных чугачей, промыслами занимались мало. 15 июля 1784 г. судно прибыло на Уналашку. Там его экипаж объединился для совместного ведения промыслов с командами ботов «Михаил» и «Варфоломей и Варнава»; «огромные по обычаю их партии алеутов расположились для того в селениях по Лисьим островам». По возвращении прапорщик Белокопытов представил собранный ясак: 127 бобров, 149 лисиц чернобурых, 281 — сиводушек и 92 — красных [там же, л. 87 об.—88].

Судно «Изосим и Савватий» компании купцов Киселевых с передовщиком И. Луканиным и мореходом П. Савельевым в плавание 1782—1791 гг. остановилось на Атхе для ведения промыслов по островам Андреяновской гряды. В 1786 г. оно сходило на Камчатку с командой потерпевшего крушение судна «Евпл», а в 1788 г. с Атхи прошло к Уналашке. В 1789 г. команда промышляла на о-ве Святого Георгия, в 1790 г. — Святого Павла. «На „Из. и С.“ прибыл в Охотск тоен Атхи Овечкин, избранный прочими, с собранными ими на Андреяновских островах ясаками: 41 бобр, 29 маток и 2 кошлока. За такое его усердие дан ему похвальный лист и как старейшему и почтенному из алеутов Андреяновской группы пожалована парка по алеутскому образцу, из алого сукна, обложенная золотым газом и широкою бахромою, голубая бархатная шапка, также обложенная, и красные козловые сапоги. Тоен умер в Охотске, и по желанию его подарки эти отправлены старшему сыну его на Амлю» [там же, л. 88—88 об.]. По сведениям К. Т. Хлебникова, на этом же судне в 1786 г. выезжал в Нижнекамчатск тоен Андреяновских островов С. Паньков, получивший 10 июня 1787 г. от коменданта Охотской области Г. Козлова-Угренина «лист» на замещение «по древности своих нравов и обычаев место покойного своего брата Тайягул Айягитку, управлявшего при жизни тоенством своего рода». Также на судне «Изосим и Савватий» в 1791 г. «выходил в Охотск острова Амли тоен Каснис Канглас, который представил в Охотске сполна собранный с алеутов Андреяновских островов ясак и там помер, восприняв пред смертью христианскую веру» [Хлебников, 1979, с. 189]. Согласно акту от 27 августа 1792 г. от охотского коменданта коллежского асессора И. Г. Коха через иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля, государыня «пожаловала тоена Сергея Дмитриевича Панькова паркою тонкого алого сукна, подбитою голубою тафтою и обложенною золотою бахромою и гасином, [пожаловала] шапку голубого бархата, подбитую тафтою и обложенную такой же бахромою и гасином, алые козловые сапоги, обложенные золотою бахромою» [там же, с. 190].

Судно «Варфоломей и Варнава» купцов Пановых с передовщиком С. Черепановым и мореходом С. Корелиным пришло из Охотска на Уналашку в августе 1783 г. (плавание 1782—1791 гг.). Его команда соединилась для общих промыслов с компаниями судов «Михаил» и «Александр Невский», производя их по островам Лисьей гряды. Сборщиком ясаков представлено бобров — 90, маток — 63, кошкоков — 39, лисиц чернобурых — 30, сиводушек — 67, красных — 65 [АГО, р. 60, оп. 1, № 2, л. 88 об.—89].

Компания камчатских купцов Козицына и других занималась преимущественно промыслами на Командорах, а в 1798 г. на судне «Николай» отправилась оттуда на Ближние острова. «По приближении судна к о-ву Атту навстречу ему выехал на байдаре тоен с 12 алеутами, чтобы указать удобный вход в гавань. Алеуты взошли на судно, оставив байдару у его борта, но усилившимся ветром байдару оторвало, а самое судно отнесло к Камчатским берегам, и бот поневоле вошел в р. Камчатку». Исправленное судно вновь пошло на Атту для промыслов и «возвращения тоена с родниками», но у о-ва Медного опять было повреждено и вернулось на Камчатку. Так как к этому времени привилегия снаряжать суда на Алеутские острова принадлежала уже только Российской-Американской компании, то алеуты были отправлены из Охотска на Атту на ее судне [там же, л. 92—92 об.].

Судно «Изосим и Савватий» компании купцов Киселевых с передовщиком И. Свиным и мореходом Д. Бочаровым в плавание 1792—1802 гг. заходило на Андреяновские острова для выдачи тоенам, Свиному и Панькову, «высочайше пожалованных листов и подарков». Но эту компанию всеми средствами вытесняла с островов активно развивающая свою деятельность в Северо-Западной Америке компания купцов Г. И. Шелихова и И. И. Голикова, посылавшая в те годы сюда ряд своих судов («Михаил», «Феникс», «Александр», «Георгий», «Северо-восточный орел», «Симеон и Анна»). В частности, Меркулев, передовщик судна «Симеон и Анна», помимо «стеснения» промышленников судна «Изосим и Савватий» в производстве промыслов и обеспечении продовольствием назначил других главных тоенов «по всей гряде» — алеутов А. Г. Шелихова и П. Ф. Мухоплева, своих приверженцев. Но у Свиного в свою очередь были сторонники из алеутов, «искавшие у него защиты от своеволия тоена Шелихова». Таким образом, алеуты оказались втянутыми в конкурентную борьбу компаний. В это время на островах для крещения алеутов находился член первой американской духовной миссии (прибывшей на Кадьяк в 1794 г.) иеромонах Макарий, составивший донесение в Синод о злоупотреблениях компаний Шелихова—Голикова. 25 июля 1796 г. Свиный отправился из Уналашки в Охотск, забрав с собой иеромонаха Макария. «С Свиным следовали ясаки под охранением трех тоенов, которые под этим предлогом везли секретные жалобы (в Петербург. — *Р. Л.*) на компанию Голикова и Шелихова» [там же, л. 93—94].

Как известно, Г. И. Шелиховым и иркутским генерал-губернатором И. В. Якобием в 1787—1788 гг. был выдвинут проект сильной монопольной компании для колонизации в основном уже открытых и обследованных русскими промышленниками земель в Северо-Западной Америке, отклоненный тогда Екатериной II. Он получил одобрение только в 1798 г. при вступлении на престол императора Павла I (уже после смерти Шелихова).

Компания Шелихова—Голикова борьбу с конкурентами за монополию вела и непосредственно на островах и побережье Северо-Западной Америки. Причем борьба шла не только за обладание промысловыми угодьями, но и за возможность использовать труд коренного населения. В частности, в 1792—1796 гг. стычки происходили на Алеутских островах между людьми названной компании и компании купцов Киселевых. Последние, по-видимому, пользовались большим расположением алеутов и выступали в защиту их от «работных» людей Шелихова—Голикова. В пользу этого свидетельствуют донесения в Синод иеромонаха Макария и три жалобы алеутов, хранящиеся ныне в архиве Сената и Синода [ЦГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 103].

Первая жалоба — от тоенов Лисьих островов в Синод — написана толмачом Н. Луканиным со знаками (вместо подписей) 22 тоенов этих островов, засвидетельствована его подписью и подписью главного тоена И. Глотова, датирована 30 мая 1796 г. Следующие две жалобы — на имя Павла I — от того же Луканина, уроженца Андреяновских островов, и Н. Свиньина, с Лисьих островов, — датированы 30 мая и 10 июня 1798 г.

В жалобах алеуты писали о том, что после посещения в 1791 г. островов судами экспедиции Биллингса—Сарычева они были «в покое». Но в 1792 г. к ним прибыли люди от компании купца Г. И. Шелихова с передовщиком И. Кочутиным, а с ними вместе толмачи из тоенских детей, А. Г. Шелихов и П. Ф. Мухонлев, которые были объявлены главными тоенами, тогда как главным тоеном уже был И. Глотов, назначенный таковым руководством экспедиции Биллингса—Сарычева. В 1794 г. появились еще 60 человек компании Шелихова—Голикова под управлением Д. Широкого. От всех этих промышленников жители терпели «крайние бедствия». С марта и до поздней осени приказом тоенов Шелихова и Мухонлева алеутов посылали верст за 50 в бобровую партию. После возвращения охотники не имели возможности заготовить продовольствие на зиму, ибо периодический ход рыбы уже заканчивался; не могли они добыть и необходимые для шитья парок шкурки птиц, которые к тому времени уже отлетали на зиму. Жен и детей заставляли без всякой платы запастись для артелей промышленников коренья, а также делать для них другую работу. Женщин насильно брали в наложницы. И даже заготовленные для государственного ясака меха не давали тоену Глотову опечатывать и отбирали в свою компанию. И только заступничество за Глотова и алеутов иеромонаха Макария и «случившихся здесь»

людей компании купцов Киселевых с передовициком И. Свиным спасло их от расправы.

Н. Луканин писал и о том, что главный тоен Андреяновских островов С. Паньков «без согласия и совету народов» принял компанию Шелихова «и сам вошел во услужение... и отдал всех народов той компании под иго работ невольного иленичества». Вместе с тем в жалобах говорилось о «защите» их иеромонахом Макарием, а также компанией Киселевых, помощь от которой находили и андреяновские, и лисьевские алеуты, и их тоены.

Алеуты попали на прием к Павлу I, но надежды их (и компании купцов Киселевых) на меры против компании Шелихова—Голикова не оправдались, хотя алеуты и были приняты «с ласковостью», награждены подарками. К этому времени вопрос о создании монопольной Соединенной Российско-Американской компании был уже решен окончательно. Н. Луканин и Н. Свины не доехали обратно до своих островов, оба умерли в Иркутске.

С 70-х гг. XVIII в. Лисья гряда, по словам А. С. Полонского, представляла собой сборный пункт компаний, но при этом «у них не было никакого постоянного и прочного утверждения для промышленности и торговли» [АГО, р. 60, оп. 1, № 2, л. 175]. О том же пишет и К. Т. Хлебников: «До соединения компании Шелихова и Голикова с Иркутскою все частные компании не имели нигде оседлостей, а каждое судно останавливалось, где могли надеяться иметь промысел, и потом переменяли место» [1979, с. 153]. То же сообщается и в ряде других источников. Поэтому мы все же не можем согласиться с весьма заманчивым предположением С. Г. Федоровой, что на Уналашке существовало постоянное русское поселение, основанное И. Соловьевым между 1772 и 1775 гг. [1971, с. 108, 109; 1972, с. 228—236; см. также: Хлебников, 1985, с. 3], еще до организации Г. И. Шелиховым первого постоянного русского поселения на Кадьяке. Русские строили себе в местах длительных стоянок судов, называемых обычно Гаванью, казармы, сходные с алеутскими жилищами, но с русскими нововведениями, складские помещения, бани, кузницы, а также иногда «острожки» и «крепостцы». Последующие экспедиции могли возвратиться на те же места, но оснований говорить о каком-либо постоянном русском поселении на Алеутских островах до 1796 г. нет. В этом же году, как указывает К. Т. Хлебников, на судне «Николай» компании Г. И. Шелихова был отправлен с целью организовать поселение на Уналашке купец Е. Ларионов, ставший затем первым правителем Уналашкинских конторы и отдела [1979, с. 104—106].

Хищническую деятельность части промышленников трудно было сдерживать из-за крайней отдаленности правительственной администрации, которая была серьезно озабочена сохранением на присоединенных к российскому государству новых землях местного населения, обязанного платить ясак в пользу государства.

Известия о «насилиях» и «злодеяниях» частных промысловых компаний поступали в Охотскую и камчатские канцелярии, затем

к иркутскому губернатору и, наконец, в Петербург. Некоторых промышленников по возвращении отдавали под суд. Но только в 1787 г. («июня 15») охотским комендантом Г. Козловым-Угрениным были приняты некоторые меры к пресечению бесчинств промышленников и островитянам был отпущен «Лист обитаемым в Северо-Восточном океане, на Алеутских островах подданным Российской державы тоенам и народам». В нем было написано следующее: «При вступлении моем во вверенную мне Охотскую и Камчатскую области дошли до меня ваши собственные просьбы: 1-е, чрез сержанта Алексея Буйлова, 2-е, Андреяновского острова тоенского сына Изосима Полутова, 3-е — Лисьевского острова алеута Тукулан Аюгнана, из которых с сердечным моим сожалением усмотрел я бесчеловечные к вам промышленных российских судов поступки, о которых правительство до нынешнего времени совершенного сведения не имело, а ежели бы знало, то, конечно, все те наглости и противные законам поступки были прекращены. . . Всем приходящим российским судам показывайте сей лист, который дается вам в охранение, с тем, чтобы всякий житель своего острова оставался при своем жилище, а не повиновался из принуждения отдаляться на другие неизвестные им острова, а ежели который и согласится ехать своею охотою, то не иначе, чтоб они были возвращены в свои места. . .». Такие листы в дальнейшем алеуты действительно показывали при подходе судов с промышленниками. А на листе, с которого была снята данная копия, стояли подписи: «. . . читал подштурман Гаврило Прибылов. . . читал штурман Потап Зайков . . . читал переводчик Леонтий Нагаев».

Одновременно Г. Козлов-Угренин издал и «Лист. . . обитающим в морском вояже на разных компанейских промышленных судах предводителям с работными людьми», где предложил «неистовые поступки с островными жителями. . . прекратить и стараться последовать мыслям милосердной государыни, которая печется о размножении и сохранении всякой страны народа» [Тихменев, 1863, Прил., с. 19—21; Хлебников, 1979, с. 133—136].

В то же время последовал и именной указ от 13 августа 1787 г. сибирскому военному губернатору генерал-поручику И. В. Якобию «О воспреещении промышленникам на островах Восточного моря чинить жестокости и грабительства природным жителям» [ПСЗ, т. XXII, № 16563, л. 881—882].

Отправившаяся в 1785 г. из Петербурга Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция под руководством И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева получила в «наставлении» от Адмиралтейств-коллегии среди прочих инструкций и рекомендаций, как избежать стычек с островитянами, завязать с ними дружбу и «положить твердое основание собиранию ясака». Дополнительные же инструкции по поводу расследования поведения промышленников были получены в Иркутске [Сарычев, 1952, с. 288, 289]. Кроме научных целей данная экспедиция, как из-

вестно, имела своей задачей закрепить права России на открытые в Восточном океане русскими мореплавателями и промышленниками земли. Поэтому вопросам, связанным с аборигенами, члены экспедиции уделили большое внимание. Они проводили активную работу по объяснению населения, принимали меры по ограждению его от притеснений промышленников, расследовали «злодеяния» последних. Собраны были и обширные, очень ценные этнографические материалы.

Для обложения ясаком из членов экспедиции была учреждена комиссия. Она составила подробные поименные списки по островам и селениям с указанием ясачных алеутов, сняла копии с квитанций, которые до нее выдавались алеутам сборщиками ясака. Для «обласкивания» с привлечением в российское подданство алеутов экспедиция была снабжена большим количеством самых разнообразных вещей: «золотых медалей — 74, серебряных — 292, медных — 612, зеркал — 520, ножей — 315, ножниц — 420, корольков — 1 бочка весом 3 пуда 13 фунтов»; далее в списке названы бисер, ленты, сережки, иглы, булавки, листы меди, латуни, стали, проволока медная, сахар, табак и т. д. Наиболее влиятельным и отличившимся по службе тоенам выдавали медали (писали медальные листы на александрийской бумаге). Так, тоену Атхи С. Панькову была дана золотая медаль; кроме того, он получил серебряные и медные медали для раздачи подчиненным тоенам, 14 ножниц, 14 ножей, 10 зеркал, 22 фунта табака. Тоену Умнака И. Глотову тоже была вручена золотая медаль, «так как он еще был в бывшей на здешних островах экспедиции у г. капитана Креницына и после в Камчатке сверх всего обучен российской грамоте, как читать, так и писать» [ЦГАВМФ, ф. 214, оп. 1, д. 29, л. 101].

По поводу расследования «худых с островитянами поступков» Г. А. Сарычев пишет в своем сочинении, что жители селения Иллююк подтвердили справедливость «доноса» сержанта А. Буйлова и получили заверения о наказании виновных. Имевшие место злоупотребления Сарычев относит к той части промышленников, «которые или от невозддержанного поведения своего, или от приключившихся с ними каких-либо несчастий пришли в разорение и доведены до того, что принуждены удалиться в столь отдаленные страны и искать там с великими трудами и опасностью своего пропитания», и считает, что эти «люди не токмо низкого и грубого состояния, но многие из них и пороками себя обесславившие, на отдаленных и никем, кроме самих островитян, необитаемых островах дерзают иногда впадать в предосудительное бесчинство» [1952, с. 144].

Хотелось бы обратить внимание на утвердившиеся в современной литературе завышенные данные о численности алеутов ко времени прихода на острова русских — вплоть до 16—20 тыс. человек [Hrdlička, 1945; Collins et al., 1945; Laughlin, 1963b; Lantis, 1970, 1984; Milan, 1974; Ляпунова, 1975a]. Эти данные основываются главным образом на сведениях И. Вениаминова. Но, по-

видимому, не принималось во внимание, что он определяет численность восточных алеутов в 12—15 тыс. человек (соответственно численность всех алеутов должна быть несколько большей) для «лучшего времени» алеутов, т. е. до начавшихся еще намного ранее прихода русских истребительных войн их между собой и с эскимосами аглегмютами и конягами. К моменту прибытия русских, пишет Вениаминов, восточных алеутов оставалось вдвое меньше [1840, II, с. 177, 186], — следовательно, 6—7.5 тыс. Если к этим цифрам прибавить численность центральных и западных алеутов, составлявших, вероятнее всего, менее половины, а по данным А. С. Полонского — около четверти, восточных, то общая численность алеутов ко времени прихода русских может быть определена примерно в 8—10 тыс. человек. Такие данные более согласуются и с рядом других свидетельств. Полонский (по материалам плаваний промышленников) полагал, что алеутов на Ближних, Крысыих и Андреяновских островах (т. е. западных) к приходу русских было 2200 человек, а на Лисьих (восточных) — не менее 10 тыс. [АГО, р. 60, он. 1, № 3, л. 55]. Очевидно, эта численность была завышенной, ибо, как, в частности, писал В. Н. Берх, «казаки всегда старались увеличивать число народа, дабы придать более важности своему открытию» [1823, с. 55]. С другой стороны, число жителей, как отмечали, например, в своих «изъяснениях» С. Пономарев и С. Глотов, «точно исчислить и показать... невозможно», поскольку «те люди с острова на остров переезжают часто» [Русские открытия... , 1944, с. 24]. К тому же случалось, что численность увеличивалась в последующих копиях по сравнению с первоначальными донесениями. Л. Блэк приводит пример, как 4 семьи из сообщения о жителях о-вов Большой Ситхин и Тагилак в копии Адмиралтейского департамента превратились в 400. Берх перевел последние данные в число людей, и получилось жителей на каждом острове по 1200 человек. Эта цифра, считает Блэк, нереальна уже по одному тому, что названные острова вообще непригодны для постоянного местожительства по условиям рельефа и из-за отсутствия источников пресной воды; их посещали только для временных промыслов [Black, 1984, р. 3, 4]. П. Н. Головин, ревизовавший в 1860 г. подведомственные компании территории, пишет, что ко времени появления русских алеутов было почти 10 тыс. [1862, с. 22].

Уменьшение численности алеутов от «лучших времен» И. Вениаминов рассматривает по трем «эпохам»: от начала междоусобий у алеутов до первого прихода к Лисьим островам русских судов (т. е. до 1760 г.); от появления русских и до прибытия на остров экспедиции Биллингса—Сарычева; от времени ухода этой экспедиции и до приезда на острова его самого [1840, II, с. 183—199]. Весьма задолго до прибытия русских, пишет Вениаминов, алеуты стали вести войны с соседними эскимосскими племенами — аглегмютами и конягами. Старики рассказывали, например, что алеуты совершенно истребили аглегмютское селение на р. Нуша-

так, находившееся на месте построенного русскими Александровского редута. Уничтожали они целые селения и на Кадыяке. Но случалось, естественно, и обратное. И даже при успешных походах бывали большие потери. Кроме того, не всегда нападения кончались победой. Так, по материалам Г. И. Давыдова, незадолго до прихода Г. И. Шелихова на Кадыяк четыре байдары лисьевских алеутов (байдара вмещала около 40 человек) прибыли туда в Уяцкую бухту с намерением напасть на конягов на рассвете. Но те их заметили и ночью перебили, оставив только пять женщин (предназначенных в невольницы) [1812, с. 108]. Напоследок, по свидетельству стариков, войны стали так часты, что жители, к примеру, Шумагинских островов или были в походе, или сидели в своих укреплениях на неприступных островах. Поскольку из-за такого образа жизни алеуты не успевали делать запасов продовольствия на зиму, то умирали от голода. Подобная же участь ждала селения, где в походах погибали мужчины-охотники [Вениаминов, 1840, II, с. 184, 185].

Кроме этих «заграничных войн» было и множество внутренних. Известны таковые, например, между алеутами о-вов Умнак, Уналашка, Унимак, Шумагинских, Креницына и п-ова Аляска. И. Вениаминов подробно рассказывает об одной из них — между акутанцами и умнакцами, где взаимное мщение прекратилось только с приходом русских [там же, с. 96—98]. Эти войны, пишет Вениаминов, начавшись между членами семейства, переходили в семейства, роды и племена и заканчивались не иначе, как совершенным истреблением ослабевшей стороны [там же, с. 95]. Вениаминов утверждает даже, будто некоторые старики говорили, что если бы русские не пришли на здешние острова, то их жители были бы полностью истреблены войнами и междоусобицами [там же, с. 186].

Подобные же сведения сообщает К. Т. Хлебников относительно населения Ближних островов. «Тоен Голодов, — пишет он, — наслышавшийся от старожил о деяниях праотцов, уведомил, что Ближние острова и Семичи до прихода русских были довольно многолюдно населены. Но алеуты Андреяновской гряды часто приезжали байдарками в большом числе, нападали врасплох, убивали всех без изъятия и взятых в плен жестоко и бесчеловечно мучили. И сими поступками навели такой страх, что оставшие[ся] жители, опасаясь понасться к ним в руки, убивали сами себя. Осталось предание, что на Атту одна женщина избегла смерти и скрывалась несколько лет неизвестно каким образом. Впоследствии вновь приехавшие неприятели нашли ее убежище и вместо смерти даровали ей жизнь и оставили другое семейство на острове, от коих и расплодился настоящие жители» [1979, с. 173]. Андреяновские алеуты, по сведениям И. Вениаминова, так же как и лисьевские, будто бы утверждали, что «у них было время, когда все они жили мирно и дружно со своими соседями, но впоследствии по разным случаям у них начались оскорбления, потом ссоры,

а наконец, под видом мщения за обиду начали нападать друг на друга, истреблять, где и как только могли; и только постоянное пребывание у них русских заставило их прекратить междоусобия и убийства» [1840, III, с. 15]. Более сильные и многочисленные лисьевские алеуты наносили большой урон андреяновским, приезжая почти каждое лето отрядом от 50 до 100 однолючных байдарок, нападая и истребляя последних, так, что те вынуждены были на лето укрываться в неприступных местах, на утесах и кекурах. Но и здесь иногда благодаря долговременной осаде уналашкинцы одерживали победу. Андреяновские же алеуты нападали только на отдельных отлучившихся на промыслы уналашкинцев (например, на о-ва Сегуам, Амля, Амухта и др.) [там же, с. 15—17]. Атхинцы же, не имея возможности совершать набеги на уналашкинцев, нападали на своих слабейших соседей — алеутов Крысых и Ближних островов [там же, с. 17]. Записанные образцы алеутского фольклора изобилуют подобными сюжетами [Вениаминов, 1840, II, с. 279—290; III, с. 23, 24; Golder, 1909; Иохельсон, 1915, 1923].

Следует отметить такое положительное явление, как затухание, а затем и совершенное прекращение в связи с приходом русских истребительных войн между разными группами алеутов, между алеутами и аглегмютами и наиболее жестоких — между алеутами и конягами.

В литературе особенно остро ставился вопрос о резком снижении численности алеутов в первый период освоения Аляски. По заключениям ряда авторов, количество их уменьшилось примерно на $\frac{1}{8}$, если считать, что в доконтактный период их было 15—20 тыс. (а не 8—10 тыс., как мы предполагаем) [Collins et al., 1945; Hrdlička, 1945; Lantis, 1970, 1984; Milan, 1974; Laughlin, 1980].

Среди причин убыли населения главными называются вооруженные конфликты с отдельными промысловыми партиями русских, особенно «истребление алеутов» И. Соловьевым, а уже затем — завезенные из Охотска и Камчатки эпидемии и создавшиеся экономические условия. Выше, говоря об «отмщении» Соловьева, мы отмечали, что цифры о погибших алеутах явно преувеличены. Это подтверждает и американский антрополог К. Тернер, называя другие причины сокращения их численности. Результаты четырехлетнего изучения археологических и антропологических материалов и литературных данных привели его к выводу, что исторические контакты сопровождались болезнями и нарушениями экологического баланса, вызывавшими резкую убыль населения [Тернер, 1976, р. 27]. Мнение ученого разделяет и американская исследовательница Л. Блэк [Black, 1980a, р. 105].

Уменьшение численности населения вследствие завозимых русскими болезней могло начаться сразу же после первых контактов с ними, а затем и другими европейцами, на что справедливо указывает К. Т. Хлебников. Болезни, пишет он, «кои между

европейцами будучи обыкновенны, у новооткрытых народов гибельны. В целом мире примеры доказывают сию истину» [1979, с. 103]. Правда, за время плавания на Алеутские острова промышленников там не зафиксировано сведений об эпидемиях, смертности аборигенов от болезней. Но безусловно русские завозили какие-то болезни, губительные для островитян, впервые вступающих в контакты с европейцами, как это имело место и в последующие годы.

С. С. Шашков сообщает, что в сентябре 1768 г. оспа из Охотска завезена на Камчатку, а оттуда проникла на Алеутские, Курильские острова и далее, позже к ней присоединились «горячка и лихорадка» [1898, с. 595]. Т. И. Шмалев в письме Г. Ф. Миллеру от 1 февраля 1771 г. пишет, что на Камчатке свирепствует оспа [Русская тихоокеанская эпопея, 1979, с. 24].

В 1801 г. отправившийся из Охотска галиот «Александр Невский» потерял в пути 15 человек «в какой-то заразной горячке», зимовал на о-ве Атха, где «сообщил болезнь сию жителям, жестоко от оной потерпевшим» [Давыдов, 1810, с. 195]. От этой «горячки» еще в 1800 г. сильно пострадало население Камчатки [Живописная Россия, 1895, т. 2, с. 32]. Видимо, такую же болезнь (со смертельными исходами), завезенную на Кадык в июне 1804 г. судном «Эклипс» американца О'Кейна, описывает иеромонах Гедеон [Валаамские миссионеры. . ., 1900, с. 225]. В 1807—1808 гг. в Уналашкинском отделе было «поветрие» «колотьем, кашлем и кровавым поносом», самая большая смертность от которого отмечена в главном селении острова [Вениамин, 1840, II, с. 198; Хлебников, 1979, с. 109]. Страдали аборигены от завозимых болезней и позже. И совершенно невероятно, чтобы этого не было во времена плавания промышленников в период самых первых контактов.

Уменьшение численности алеутов в исконных местах заселения шло также за счет вывоза их в качестве промысловиков морского зверя в другие местности. Началось это еще во времена плаваний отдельных промысловых компаний. В частности, Г. И. Шелихов привез в 1784 г. с Уналашки на Кадык 70 семей алеутов [Головнин, 1861; Русские открытия. . ., 1948, с. 190, 191, 193], которые так и не были возвращены обратно. Небольшое число алеутов периодически увозилось на открытые в 1786 г. о-ва Прибылова. Точных данных по динамике численности алеутов за этот период нет.

А. С. Полонский пишет, что, когда в 1779 г. по распоряжению Большерецкой канцелярии «были посланы на разных промышленных судах нарочные для произведения подлинного исчисления островных жителей, оказалось, что на одиннадцати островах Лисьей гряды сохранилось 2850 человек. Помимо этого, на Унимаке, островах Креницына, оконечности полуострова Аляски и на Унге — в восьми селениях насчитывалось 946 человек» [АГО, р. 60, оп. 1, № 3, л. 55]. Таким образом, получается, что числен-

ность населения Лисьих островов (восточных алеутов) в тот год была 3790 человек. Но именно тогда промышленники стали увозить алеутов для промыслов на Кадьяк, по побережью и островам Южной Аляски (см. выше).

Г. А. Сарычев приводит в своем труде сведения, по которым на Лисьих островах в 1791 г. было 915 мужчин (из них «ясашных» — 571, «неясашных», «старых и малых», — 344), а на Лисьих и Андреяновских вместе — 1178 (о Ближних островах сведений нет). Общую численность алеутов Лисьих островов (не считая живущих на о-вах Прибылова) Сарычев определяет более чем в 2500 человек [1802, с. 156, 174]. «Ясашных» и «неясашных» мужчин Андреяновских островов числится у него 262 человека. Следовательно, жителей обоего пола на Андреяновских островах было около 550 человек. Если к этой цифре прибавить число обитателей Ближних островов (не более 100 человек), а также алеутов, увезенных с родных мест, то численность всех алеутов в эти годы достигала примерно 3100—3200 человек.

Безусловно, за время плаваний на Алеутские острова отдельных промысловых компаний численность алеутов значительно сократилась, но, как мы уже это отмечали, в литературе данный факт получил преувеличенное освещение, а вместе с тем и тенденциозную трактовку.

Об этнических процессах в Русской Америке в период плаваний промышленников на Алеутские острова, занявший полстолетия, как нам представляется, нельзя говорить только в плане влияния русской культуры на алеутскую. Особенностью культурных изменений, происходивших в это время, стало сложение в результате тесного взаимодействия, взаимовлияния местного и пришлого населения смешанной алеутско-русской культуры, синтеза двух культур. Прежде всего это относится к материальной культуре.

Промышленники по 2—4 года и более жили на островах; нередко, возвратясь из одного плавания, пускались в следующее. У них складывался определенный образ жизни, который передавался по традиции. Навыки же существования в специфических суровых условиях приобретались через заимствование замечательных достижений алеутской культуры, ее приспособленности к климату и экологии островов. Вместе с тем они дополнялись, усвершенствовались знаниями, опытом, бытовыми чертами русского народа, которые в свою очередь усваивали алеуты. Начался активный обмен культурными ценностями.

Промышленники стали строить для себя углубленные в землю дома — юрты или казармы, используя опыт сооружения жилищ алеутами, учитывающий суровые (особенно с сильными ветрами) климатические условия островов при отсутствии здесь топлива (плавленника было мало, даже пищу часто варили, зажигая сухую траву). Отличались казармы русских только входом: не сверху через люк и посредством лестницы, как у алеутов, а сбоку,

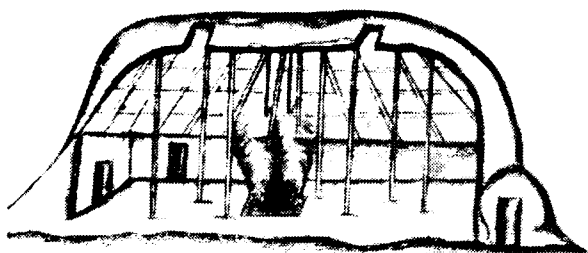
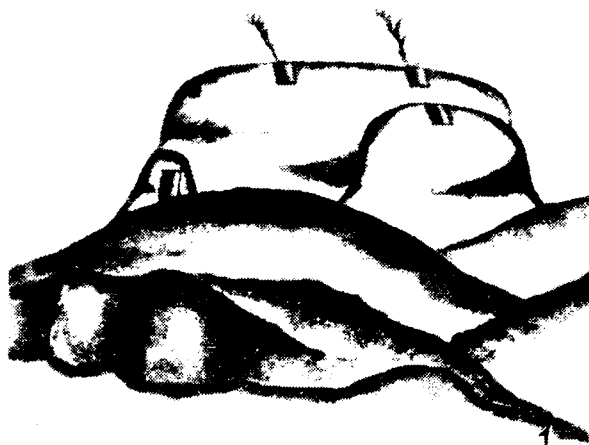
через дверь. В стене часто делали оконце, затянутое слюдой. Постепенно к подобным жилищам начали переходить и алеуты.

Русские стали носить на островах столь необходимые там непромокаемые алеутские камлейки из кишок или сивучьих горл в качестве плащей, а также парки из меха и птичьих шкурок, стали шить себе сапоги с голенищами из сивучьих горл или русской кожи и подошвами из сивучьих ластов, с тем только отличием от традиционных алеутских, что делали их с передами (головками) из сивучьих горл. Такой же тип обуви — торбаса с передами — начал распространяться и среди алеутов, тогда как раньше торбаса шили мешком. Кроме того, алеуты переняли у русских обычай ношения штанов, иногда получая от них готовые (нанковые), а иногда изготовляя из местных материалов (кишок, сивучьих горл). Мужчины стали носить холщовые, льняные и хлопковые рубашки, а женщины — русские платья и платки.

Не привозя с собой больших запасов продовольствия, промышленники переходили на пищу алеутов: мясо и жир китов и других морских животных, рыбу, юколу, настои из ягод, а летом — ягоды и корни местных растений (сарана, макарша и др.). В связи с недостатком муки для выпечки хлеба вместо него употребляли запеченную икру лососевых рыб. Хлеб считался лакомством. Не случайно капитанам кораблей экспедиции Дж. Кука при посещении ими в 1778 г. Уналашки находившимися тогда там мореходами Г. Измайловым (судно «Павел») и Я. Сапожниковым («Евпл») были преподнесены ржаные пироги с лососиной [Кук, 1971, с. 389, 396]. Но, судя по тому, что еще С. Черепанов отмечал любовь алеутов «к провианту. . . российскому», а А. Толстых одаривал их мукой, алеуты, очевидно, довольно скоро оценили достоинство хлеба и научились кое-что изготовлять из муки (лепешки, кашу, похлебку и др.). С появлением в быту алеутов котлов (от русских) они стали чаще варить пищу, тогда как раньше лишь изредка запекали мясо или рыбу между двух камней с углублениями (с замазанными глиной щелями).

Ранее алеуты очень высоко ценили редко попадавшее к ним железо (на случайно выкидываемых морем обломках судов или обменом через Аляску). С приходом русских они охотно выменивали его на меха. Из железа выделявали наконечники гарпунов, длинные мужские ножи и женские — «некулки» (эскимосские «улу»), орудия для обработки дерева и прочие инструменты, которые становились более совершенными.

Многие промышленники знали ремесла. Среди них были плотники, судостроители, кузнецы, бондари, сапожники и прочие мастера. Об этом можно судить, в частности, даже по упомянутым выше фактам строительства новых судов из обломков «но их разбитии», выковывания якорей, копий и т. п. Как пишет И. Вениаминов, «все ремесла и искусства, какие только могли русские перенести с собою в Америку, алеуты перенимают с охотою, так, что теперь между алеутами можно найти мастеров от сапожника до

2

Юрта (казарма) команды экспедиции 1764—1769 гг.
Рисунок М. Д. Левашова.

1 — внешний вид, 2 — внутренний.

часовщика» [1840, II, с. 322—323]. Приведенное высказывание, конечно, относится уже к более позднему времени, но начало этому было положено безусловно еще в XVIII в.

Большим спросом пользовались новые материалы для украшений: крупные бусины — «корольки», более мелкие, бисер, козья шерсть, цветные шерстяные и хлопковые нитки. Разнообразные бусы шли на отделку знаменитых деревянных головных уборов алеутов; из них изготовляли подвески, ожерелья, браслеты. Разноцветные нитки употреблялись для тончайшей алеутской вышивки на одежде, головных уборах, украшения бахромой плетеных изде-

лий, сумок из кишок и сивучьего горла, а также швов на байдарках и т. д.

В социально-экономическом плане, как мы видели, алеуты все более стали превращаться в работников отдельных промысловых компаний. Институт тоенов начал приводиться в соответствие с низшим звеном административного управления инородцами Сибири. В области семейно-брачных отношений можно только отметить, что русские широко пользовались существовавшим у алеутов обычаем гостеприимного гетеризма, получением за калым одной из жен, а также приобретением их за подарки от родителей. Вместе с тем появлялись безусловно и семьи русского типа, особенно с проникновением к алеутам православной религии.

Уже участники экспедиции Дж. Кука отмечали следы влияния русских на алеутов по многим признакам: по особенностям поведения, деталям одежды, употреблению европейских материалов. Алеуты привозили также к кораблям Кука оловянные коробочки с записями об уплате ясака как доказательство, что они подданные России [Кук, 1971, с. 339, 345 след.].

Свидетельствами дружеских отношений алеутов с русскими являются многие факты из приведенных нами при описании плаваний промышленников: алеуты охотно выполняли функции переводчиков, лоцманов при русских судах, проводников, почтальонов, курсируя между группами русских. Они стали активными участниками экспедиции Г. А. Сарычева при исследовании им заливов Уналашки [1952, с. 199—208].

Общение с русскими выводило из состояния застоя культуру алеутов, давало ей новый импульс. И именно поэтому, очевидно, последние проявляли большой интерес к русским, их культуре, хотя, как и в каждом обществе, там наравне со сторонниками этих тенденций находились их противники. Приход русских прервал изоляцию алеутского региона от внешнего мира, положил начало новому этапу исторического развития его населения. И. С. Вдовин справедливо указал на такое значение контактов с русскими для коренных жителей как северо-востока Азии, так и северо-запада Америки [1984].

Наряду с нововведениями в материальной культуре алеуты охотно стали воспринимать элементы духовной культуры новопришельцев, что наиболее четко проявилось в распространении среди них православия уже на первом этапе русского периода.

Академик А. И. Окладников, говоря о деятельности И. Вениаминова как миссионера, справедливо отмечал: «Успех ее в конечном счете свидетельствовал о живом интересе алеутов к европейской культуре, потеснившей традиционную духовную культуру предков с ее ритуальными танцами, обрядами и шаманами. Элементом этой новой культуры в глазах алеутов и было православие, усиленно к тому же насаждавшееся начальством» [1976, с. 125].

Как известно, христианизация составляла важнейший элемент политики царизма по отношению к инородцам, была призвана служить целям более успешной колонизации и объективно являлась средством сближения их с русским населением. На Алеутских островах по сравнению с Сибирью она имела свои особенности. Введение христианства среди алеутов началось еще с конца 50-х гг. XVIII в. Крестить алеутов стали первые же появившиеся на островах промышленники, преследуя при этом, как утверждает И. Вениаминов, преимущественно личные выгоды: окрещенные алеуты делались «приверженными» своим крестным отцам и «промыслы свои отдавали исключительно им» [1840, II, с. 152, 153]. Создавалось промысловое партнерство, которое по алеутским традиционным нормам составляло особый вид родства. Таким путем завязывались крепкие взаимные дружеские отношения, свидетельством чего служат, в частности, прочно вошедшие в обычаи алеутов отношения крестных (отца и матери) и крестника. Произошло любопытное явление — перенос некоторых функций, принадлежавших ранее дяде по матери, на крестного отца [Файнберг, 1964, с. 77].

И, очевидно, именно то обстоятельство, что первыми наставниками в новой вере были русские промышленники (крестьяне, посадские, казаки и прочие люди простого звания), а не священнослужители, явилось причиной быстрого и ненасильственного восприятия новой религии. Дело в том, что промышленники передавали алеутам христианскую религию не в виде канонического ортодоксального вероучения, а в ее обыденном народном варианте. Эта «массовая, реально существовавшая религия представляла собой сложный комплекс практических верований и обрядов, многие из которых имели дохристианское происхождение» [Шульгин, 1979, с. 288; см. также: Носова, 1975]. Такая религия была более понятна, легко усваивалась алеутами. Включила она в себя безусловно и какие-то идеи, представления из их традиционной духовной культуры. Соответствовало восприятию новой религии и поклонение иконам со святыми — новыми «заступниками» и «помощниками» алеутов, культ которых весьма характерен для их прежних представлений. И именно поэтому уже во времена Вениаминова невозможно было различить, где кончаются исконно алеутские традиции и начинаются православные христианские, усвоенные русской народной культурой. В частности, Вениаминов отмечает, что жизненные «правила и мнения» алеутов, собранные им почти через столетие со времени знакомства их с русскими, имеют сходство с правилами христианской веры, видимо, потому, что алеуты «умеют перенимать». Среди таких их «умствований» он называет сохранение преданий и обычаев, за нарушение которых бывает всеобщее бедствие и наказание; умение за добро платить добром, за зло — злом, а также принимать странников, ибо все люди между собой братья; представление о свете и воде как о животворных началах. У алеутов считалось постыдным

украсть, при делении добычи выказывать жадность, хвастаться своими делами, особенно небывалыми, проявлять слабость в походе и т. д. [Вениаминов, 1840, II, С. 141—143].

Как можно судить по упоминавшемуся выше факту о разбросанных при разгроме русских судов (в 1763 г.) священных книг и иконах, а также о таковых, найденных в юртах русских, они обязательно сопровождали промышленников в их плаваниях.

Первыми проповедниками христианства в Русской Америке И. Вениаминов называет С. Глотова и его товарищей, которые уже во время посещения в 1758—1762 гг. о-ва Умнак подружились с его жителями (но, как мы видели, «обращение» алеутов началось даже раньше). Тоен Умнака позволил окрестить своего малолетнего сына, а потом и вывезти его на Камчатку. Мальчик, названный Иваном и получивший фамилию крестного, прожил на Камчатке несколько лет, выучился русскому языку и русской грамоте и возвратился на родину с властью главного тоена, полученной им от управляющего Камчатки. И. Гловтов затем «весьма много содействовал к распространению христианства между алеутами» [там же, с. 151]. Известно также (по Вениаминову), что мореход Гловтов и его товарищи поставили на Умнаке большой крест, где впоследствии была выстроена часовня святого Николая. Интересны легенды, связанные с этим крестом. Вениаминов приводит рассказ очевидцев, что другими русскими крест был употреблен для нар при постройке казармы. Но как только строители перебрались в нее, «между ними открылась какая-то необыкновенная болезнь, от которой померло больше половины живших в этой казарме, тогда как алеутов, живших подле, она не коснулась . . . И потому ныне тамошние алеуты не смеют взять щенки, лежащей близ часовни» [там же, с. 152]. Любопытно, что и поныне на Умнаке свято хранятся в специально построенном маленьком домике рядом с церковью святого Николая куски древесины, называемые остатками алеутского «древа жизни», стоявшего якобы здесь до прихода русских [Бенк, 1960, с. 160]. По утверждению современных алеутов, пока сохраняются остатки этого дерева (как фетиш, чисто «языческий» источник магической силы, но связанной с православным крестом), будут существовать с. Никольское на о-ве Умнак и его люди [Конопацкий, 1976; Laughlin, 1980].

И. Вениаминов отмечает, что первый официальный священник, крестивший алеутов на Алеутских островах, иеромонах Макарий, не имел надобности и средств применять насильственные меры к крещению алеутов, потому что они с охотой его принимали. «Лучшим доказательством этому может быть то, что о. Макарий переезжал с места на место и, отправляясь в дальние селения, не имел при себе никого для своей безопасности, кроме одного русского для прислуги. Те же самые алеуты перевозили, питали и берегли его, которых он должен был крестить» [Вениаминов, 1840, II, с. 145]. Мы полагаем, что причина этого — прежде всего доброжелательное отношение к русским, а также то, что

алеуты были уже подготовлены предыдущими контактами с промышленниками к принятию новой веры. Так, в «сказке» С. Черепанова о плавании 1759—1762 гг. приводится случай, когда пожелавший креститься, очевидно по убеждению промышленников, больной мальчик поправился после этой церемонии, что «доказало» алеутам превосходство новой веры, новых богов. Названный Леонтием, он затем был вывезен в Охотск. Черепанов также пишет: «... для ходу на байдарках, умолкнув, то же говорят, что и мы: „Бог нам на помощь“». И весьма понятельны к православной христианской вере и не сомневаются, чтоб неправда в нас была» [Русские открытия. . ., 1948, с. 117, 118].

Я. Нецветов сообщает в своем журнале, что алеуты Ближних, Крысых и Андреяновских островов, так же как и Лисых, приняли православную веру еще до 1790 г. через крещение мирянами (т. е. промышленниками), кроме отдельных случаев, когда кто-нибудь из них выезжал с островов. Нецветов нашел здесь к своему прибытию в 1829 г. полностью окрещенное местное население, соблюдающее православные обряды [The Journals. . ., 1980, p. 13].

По словам И. Вениаминова, алеуты проявляли удивительную приверженность православной религии, особенно при сравнении их с кадьякцами. Причем такие привлекающие к крещению обстоятельства, как освобождение на три года от уплаты ясака, явно не имели для них значения, ведь такое же правило распространялось и на кадьякцев, а многие из них противились принятию христианства. Постоянное пребывание у алеутов священника началось только с 1824 г., после прибытия самого Вениаминова. До этого «они видели одного только священника — о. Макария — крестителя их, один раз, в 1795 г., и на весьма короткое время», а также еще трех священников на бывавших здесь в главном селении на Уналашке судах: в 1792 г. — священника на судне Г. А. Сарычева «Слава России», в 1807 г. — иеромонаха Гedeона на пути его с Кадьяка в Охотск, священника со шлюпа «Открытие» экспедиции М. Н. Васильева. Последние не могли передать им, пишет Вениаминов, «при всем своем усердии. . . ясных и необходимых понятий о христианской вере сколько за неимением хороших толмачей, столько и по краткости времени». Христианские обряды алеутов до приезда к ним священника сводились к крещению новорожденных, дозволенному мирянам, и к общественной молитве в часовнях (которые стали строить русские промышленники) и домах, где могли найтись люди, умеющие читать [Вениаминов, 1840, II, с. 147—161].

Очевидно, еще до прибытия И. Вениаминова у алеутов стали складываться особые представления, являющиеся соединением полученных от промышленников своеобразных сведений о христианской религии с их собственными религиозными концепциями и понятиями. В дальнейшем это сыграло определенную роль при формировании существующей и поныне особой «алеутской веры»

и особой «алеутской церкви» — православной религии с алеутскими инновациями, составляющей самую характерную черту современной национальной культуры американских алеутов.

Времена Российско-Американской компании (1799—1867)

С созданием Российско-Американской компании массовый стихийный контакт русских промышленников с алеутами прекратился и уступил место организованному управлению, регламентировавшему хозяйственную жизнь района обитания алеутов (так же как и всей Русской Америки) путем назначения компанией из числа русских правителей отделов и контор, приказчиков и байдарщиков — организаторов промыслов на отдельных островах.

Для управления колониями в 1798 г. были созданы две конторы — на Кадьяке и Уналашке: первая (Северо-Восточная) должна была заведовать всеми островами от побережья Аляски до Ситхи; вторая (Северная) — всеми Алеутскими островами, Курильскими и о-вами Прибылова. Правителем первой конторы был назначен А. А. Баранов, второй — Е. Г. Ларионов, иркутский купец, прибывший в 1796 г. на Уналашку для основания здесь поселения. С 1802 г. по распоряжению директоров компании Уналашкинская контора была подчинена Кадьякской под главным управлением Баранова, что было оформлено актом 1804 г. Правителем Уналашкинских отдела и конторы остался Ларионов [Хлебников, 1979, с. 104—106].

Согласно предписанию А. А. Баранова, с 1803 г. начался вывоз русских промышленников из Уналашкинского отдела с тем, чтобы на Лисьих островах было только 50 человек, а на о-вах Прибылова — 10. В последующие годы из Уналашкинского отдела на Кадьяк было вывезено 74 русских промышленника, «на полупаях» остались — 42, на жалованье — 20 [там же, с. 106].

Таким образом, если в конце 60-х—80-х гг. русских промышленников в районе Лисьих островов было примерно 500 (или даже 600) человек, то теперь их здесь стало в 10 раз меньше. В дальнейшем численность русских еще более сократилась. В 1831 г., по сообщению Ф. П. Врангеля, в Уналашкинском отделе (без о-вов Прибылова) русских на службе компании было 20 человек, креолов — 13, алеутов — 50 [там же, с. 139].

Среди пяти (а позже — шести) колониальных отделов Российско-Американской компании в Северо-Западной Америке алеуты составляли население сперва двух, а затем трех: Уналашкинского, включавшего южную часть п-ова Аляска с Шумагинскими островами, о-ва Лисьи, а также Прибылова; с 1823 г. — Атхинского, куда входили о-ва Андреяновские, Крысы, Ближние и Командорские; с 1839 г. — Курильского, созданного на одноименных островах. На них завозили для промысла морских бобров

алеутов с Уналашки и Кадьяка (к этому времени бобры вновь появились на Курилах, после того как исчезли в конце XVIII в., распуганные интенсивными промыслами). Остальные отделы русских владений в Америке — Ситхинский (северо-западное побережье Северной Америки от мыса Святого Ильи к югу до 54°40' с. ш. и все острова на этом пространстве), Кадьякский (берега и острова заливов Кука и Принс-Вильям, побережье п-ова Аляска до меридиана Шумагинских островов, Кадьяк, Укамук со всеми прилежащими островами, берега Бристольского залива), Северный (бассейны рек Юкона и Кускоквима и берега залива Нортон до Берингова пролива). С 1812 по 1846 г. существовал также Россинский отдел — колония Росс в Северной Калифорнии. В Ситхинский и Кадьякский отделы тоже иногда отправляли на промыслы и другие работы алеутов.

Острова Атхинского отдела до 1823 г. не были включены в состав колоний, поскольку добыча бобров и песцов на них стала незначительной, а сообщения с другими отделами колоний были неудобными. Они подчинялись Охотской конторе Российско-Американской компании на основе особых правил.

В последний период существования компании функционировали два колониальных отдела: Ситхинский, с подчиненными ему 10 управлениями, и Кадьякский. Среди 10 управлений алеутскими были восемь: Уналашкинское, Унгинское, Атхинское, Аттовское, Беринговское, Медновское, на о-вах Святого Павла и Святого Георгия.

В период деятельности Российско-Американской компании алеуты (вместе с эскимосами Кадьяка, конягами, которых также тогда называли алеутами) стали основными работниками компании — добытчиками пушнины и местного продовольствия. Таким образом, Российско-Американская компания полностью наследовала традиции использования промышленниками труда алеутов. Даже в официальных бумагах алеуты и кадьякцы числились «действительно зависимыми», тогда как другие народы Русской Америки — «полузависимыми» (индейцы атапаски) или «не совершенно зависимыми» (тлинкиты), хотя фактически последние две группы были совершенно независимыми от компании. «Действительно зависимые» народы по положению приравнивались примерно к крепостным крестьянам [Окунь, 1939, с. 181—202]. «Ни негр Гвиней, ни кули Китая, ни рабочий из Европы алеута заменить не могут в искусстве и в привычке к промыслу зверей», — отмечалось в документах Российско-Американской компании уже почти накануне ее ликвидации [там же, с. 182]. Именно поэтому компания стремилась сохранять и поддерживать традиционные хозяйство и материальную культуру алеутов (так же как и кадьякцев), в высочайшей степени приспособленные к промыслу морских животных. На данную тенденцию в деятельности компании уже обращали внимание некоторые исследователи [Bergeton, 1954, 1955; Бенк, 1960; Файнберг, 1964, с. 77].

Шкуры морских бобров являлись главным предметом вывоза до 30-х гг. XIX в., так как были наиболее ценившимся видом пушнины (затем шли меха морских котиков, лисиц, песцов и др.). Охота на бобров в море, как мы уже говорили, требовала высокого мастерства, чем славилась алеуты и коняги (первые были метко названы И. Вениаминовым «морскими казаками»). Вениаминов пишет об алеутах: «На море во время волнения они всегда разочтут падение и скорость волны и всегда отличат простое волнение с россыпью на чистом море от волнения на отмели и подводниках. По этой причине промыслять бобров в море могут одни только алеуты, а русские, как бы ни сделались искусны в байдарочной езде, никогда не могут быть бобровыми промышленниками» [1840, II, с. 13—14]. Полная неспособность русских, так же как и других европейцев, к морским промыслам подтверждена многими свидетельствами.

В первые десятилетия существования компании организовывалось несколько партий, которые составлялись из алеутов, кадьякцев и чугачей. Главная партия, около 500 байдарок, отправлялась в апреле с о-ва Кадьяк вдоль северо-западного побережья Американского материка до бухты Бобровой, возвращаясь обратно только к концу августа. Вторая партия, около 200 байдарок, с апреля до конца августа плавала вдоль островов к северу от Кадьяка. Третья, из 40 байдарок, занималась промыслом на островах севернее Кадьяка и одновременно перевозила необходимые припасы с одного острова на другой. Четвертая партия, 50 байдарок, уходила в западном направлении от Кадьяка. Много было при этом случаев гибели промысловиков в море, значительный урон флотилиям наносили нападения тлинкитов. Снижали численность населения вообще эпидемические заболевания. В результате всего этого в 1860 г. снаряжалось уже не более 300 байдарок.

В 30-х гг. XIX в. партии по промыслу морских бобров также отправлялись в основном с Кадьяка. Из Уналашкинского отдела одна партия, около 30 байдарок, из алеутов с Акуна, шла на северо-запад к Четырехсопочным островам, на Юнаску и Амухту; вторая, тоже из 30 байдарок, составлялась на Умнаке и занималась промыслами в окрестностях своего острова; третья, около 25 байдарок, из уналашкинцев, промысляла бобров около о-ва Спиркина и у берегов Уналашки; четвертую и пятую партии, до 50 байдарок, составляли алеуты Унги и Бельковского селения на Аляске — они шли от полуострова к юго-востоку, к Гусиным и Чернобурым островам и далее к Саннаху [Хлебников, 1979, с. 121, 122]. В последние десятилетия существования компании из Уналашкинского управления отправлялось около 100 двухлючных и однолючных байдарок, а из Унгинского — 45. В партии назначались наиболее ловкие охотники-промысловики.

Атхинские алеуты промысляли морских бобров у о-вов Сегуам, Четырехсопочных, Амухта и Юнаска. Отправлялись они на промысел в последних числах марта и возвращались в августе, сен-

тябре и даже октябре. Партия состояла обычно из большой компанейской «десятибеседочной» (т. е. с 10 банками) байдары; в нее помещались 20—25 мужчин, 4—8 женщин и 16—20 однолючных и двухлючных байдарок. При отправлении на промысел байдарки ставились в байдару; при возвращении же байдара бывала наполнена мясом и жиром морских животных, а байдарки двигались следом. Наряду с этой партией к Адаху посылались для промыслов 5—6 однолючных байдарок и 2—3 двухлючные, которые возвращались в августе. Аттовцы промышляли обычно на о-вах Семичи, куда шли в двух «семибеседочных» байдарах, вмещавших 70 промысловиков [Тихменев, 1863, с. 370].

Охотничье снаряжение промысловик должен был обеспечить себе сам. Каждый алеут мог построить байдарку, хотя были особые мастера этого дела. Изготавливали охотники также «бобровые стрелки», т. е. гарпуны с метательными дощечками, конья. Женщины шили кишечные камлейки, птичьи парки, торбаса, байдарочные обтяжки, сучили тетиву из китовых сухожилий. Компания снабжала промысловиков путевой провизией (юколой, китовиной, жиром), а также выдавала ружья и рыболовные снасти. Добытую пушнину алеуты сдавали в компанию за определенную плату.

По уставу компании на промыслы должны были высылаться алеуты не моложе 15 и не старше 50 лет. Но это правило не соблюдали сами алеуты: без старого и опытного «партовщика» (т. е. руководителя партии) они не выходили в море, а молодых приучали к промыслу с 11—12 лет, чтобы из них получались ловкие охотники. За такими учениками надзирали старые промышленники. «Само собой разумеется, что в первое время ни одному из этих учеников не удастся убить ни одного бобра, но зато старые промышленники уделяют им всегда часть своей добычи» [Головин, 1862, с. 84].

Ведение промыслов сохраняло традиционный характер. Партия разбивалась на группы, которые окружали и «гоняли» бобров. Соблюдались крайняя осторожность и тишина, чтобы не спугнуть животных. Употреблялись только «бобровые стрелки», а не огнестрельное оружие, так как, стреляя с байдарки при волнении, редко можно рассчитывать на верный выстрел.

Самое удачное описание промысла морских бобров принадлежит Ф. П. Врангелю. «Обыкновенная гоньба бобров производится таким образом: вся партия байдарок выезжает в тихую погоду в море, где предполагают быть бобрам, и располагается в одну линию на таком расстоянии между каждыми двумя байдарками, чтобы был с оных виден бобр... Оттого вся линия байдарок занимает огромное пространство; напр[имер], буде партия из 20 байдарок, то верст на 10 или 14. В этом положении внимание алеутов обращено на воду вокруг себя, не увидит ли бобра. Буде [бобр] показался и он не успел в него бросить стрелку, то тотчас гребнет на то место, где нырнул бобр, и подымет

весло вверх, не трогаясь с места. По этому знаку все байдарки располагаются в равных меж собою расстояниях вокруг байдарки с поднятым веслом, образуя преогромный круг, в центре коего поднятое весло. Теперь только центральная байдарка тронется с места и гребет туда, где полагает, что нырнувший в воду бобр (коль скоро бобр увидит байдарку, то тотчас надолго скрывается под водой, минут на 15—20) должен вынырнуть. Если он оказался и или не попал в него готовую стрелкою или не смертельно его ранил, так что бобр опять нырнет, то он опять подымет весло и тотчас образуется новый, уже маленький круг около него, ибо уставший бобр в другой раз гораздо ближе и скорее должен вынырнуть. Коль скоро он появится то обыкновенно несколько стрел в него летит и тому бобру принадлежит, чья стрела всех ближе к голове попала. Часто случается что бобр сделает еще несколько понырок; то, чтобы не занять всех байдарок одним бобром, который уже уйти теперь не может, обыкновенно отряжается 10 байдарок для окончания промысла, а прочие обращаются к поиску других бобров. Удивительная быстрота и правильность в действиях байдарок и искусство стрелков в бросании стрелок дают сему роду промысла занимательную живость.

Отважнейшие промышленники лисьевских алеутов добывают бобров и зимою из ружья или дубиной. В самые жестокие бури выползает бобр на берег какого-либо необитаемого острова, свертывается в кольцо, как собака, и спит. Два алеута отправляются в двух однолючных байдарках к таковому им уже известному острову или отдельному камню в самую бурю. Подъезжают с подветренной стороны, выбирая отвесную скалу и выжидая вплоть у нее большой волны; становится смельчак ногами на байдарку, в одной руке весло, в другой — ружье, готовый соскочить на скалу, коль скоро волной подбросит байдарку поближе, что с удивительной ловкостью и смелостью совершает, между тем, как другой алеут в своей байдарке заботится поймать и сберечь пустую байдарку товарища своего. Теперь промышленник подкрадывается с подветра к бобру и застреливает его. Стоило бы изобразить это хорошему живописцу!» [см.: Хлебников, 1979, с. 145].

Не отправляющиеся в бобровые партии алеуты в разное время выезжали группами в байдарках на птичий, сивучий, моржовый и китовый промыслы и возвращались в конце августа. Оставшиеся в селениях алеуты, мужчины, женщины и дети, уже с мая занимались сооружением запруд в реках для идущей на нерест рыбы, ловлей ее в море и заготовлением юколы.

В «Правилах» и «Привилегиях» Российско-Американской компании, утвержденных в 1799 г., ничего не было сказано о коренных жителях; в «Правилах» 1821 г. уже есть раздел «Об островитянах», где существующий порядок закреплен, правда, с некоторыми поправками, ограничивающими использование их труда. Так, § 51 этого раздела гласит: «Островитяне и прочие обязаны служить компании для ловли морских зверей. — По сему устанавливается, что

из всех их мужского пола, не старше 50 и не моложе 18 лет, половинное число могут быть потребованы на службу компании». В § 52 сказано, что при этом «чтобы сколько возможно избираемы были из тех семейств, где более одного мужчины находится, дабы не оставить жен и детей без помощи и пропитания». В § 53 говорится: «Наряженных на службу компании островитян компания должна снабжать пристойною одеждою, пищею, байдарками и сверх того производить им плату за уловленных зверей не менее пятой части противу того, какую прежде получали русские. — Наряжаемые не должны быть в службе компании более трех лет, после коих переменяются другие». В § 55 оговаривается женский и детский труд: «Если компания найдет нужным употребить по каким бы то ни было занятиям женщин, также взрослых детей, менее 18 лет имеющих, то сие не иначе дозволяется, как с обоюдного согласия и за условленную плату» [Тихменев, 1861, Прил., с. 55—59]. Устав компании 1844 г. повторяет эти правила в разделе «Об оседлых инородцах», к которым причислены «обитатели островов Курильских, Алеутских, Кадыка с принадлежащими к ним островами и полуостровом Аляска; также племена, живущие по берегам Америки, как-то: кенайцы, чугачи и проч.». Только в § 267 в отличие от § 53 «Правил» 1821 г. сказано, что «наряженные не должны быть разлучаемы со своими семействами более двух лет» [Тихменев, 1863, с. 56—63].

Опыт промысловых купеческих компаний показал, что система общинного управления алеутов может быть с успехом применена для использования их труда. И поскольку она была уже несколько подорвана действиями первых промышленников (не всегда выделявших тоенов из рядовых алеутов), то стала восстанавливаться уже по инициативе Российско-Американской компании. Ставка на вождей селений делалась отдельными промысловыми компаниями и раньше: задабривая тоенов подарками, пытались использовать их в целях воздействия на рядовых алеутов. Во времена же существования Российско-Американской компании тоены превратились уже в компанейских служащих, получавших определенное жалованье, награды и другие поощрения, находившихся под надзором управляющих и байдарщиков. И. Вениаминов пишет, что в настоящее время «родовые тоены их суть не что иное, как нарядчики» [1840, II, с. 164].

Существовали и «Правила для тоенов, избираемых в старшины». Согласно им, старшина должен был назначать алеутов в промысловые отряды: летом — для добычи бобров, котиков и птиц, а зимой — на «кленешный и стрелебный» промыслы. Кроме того, он должен был «иметь неослабный надзор, чтобы промышленники радели о промысле . . . а не теряли времени в бездействии и праздности». Тоены в декабре собирались в главные селения для сдачи добытых шкур, и здесь же велись переговоры о предстоящих в будущем сезоне промыслах. Каждый тоен объявлял, какое число байдарок может быть послано из его селения,

условливался о начальниках партий и т. и. С общего согласия определялось, в какое время и куда именно должны выехать бобровые партии, когда следует начать промысел птиц, когда высылать отряды для боя сивучей, нерп, китов, когда приступать к добыче «земляных» зверей и сколько женщин и стариков нужно послать для ловли рыбы и заготовления юколы. В 1832 г. компания даже постановила, чтобы из обычных родовых тоенов избирались два или три главных, которые утверждались бы ее Главным правителем.

Такая система управления под эгидой компании, конечно, оказалась возможной только благодаря тому, что общинные традиции алеутов были еще очень сильными. Эта система закрепляла использование компанией труда алеутов и их полностью зависимое положение от нее. Алеуты охотники обязаны были служить компании и заниматься промыслами зверей. Добытую пушнину они могли продавать только компании за установленную ею (разумеется, низкую, но со временем все более повышаемую) плату, которая выдавалась товарами или компанейскими марками (принимаемыми только в магазинах компании). Старики и подростки посылались на ловлю птиц. Из их шкурок алеутские женщины шили парки, которые компания продавала тем же алеутам и другим своим работникам и служащим. Женщинам вменялись такие работы, как заготовка рыбы, выкапывание съедобных корней, сбор ягод.

Промысел котиков производился алеутами, отправляемыми на о-ва Прибылова (главным образом с Уналашки) на несколько лет.

В рассматриваемое нами время средством существования алеутов являлись те же продукты морского промысла, рыболовства и собирательства, что и в доконтактный период. Товарами через компанейские магазины (за сданные шкуры или жалованье) удовлетворялась лишь частичная потребность в одежде, бытовых предметах, табаке и немногих продуктах питания (чай, сахар, мука, крупа). Компания всегда держалась принципа не приучать алеутов к «роскоши», т. е. мучной нище и др. Подвоз продовольствия из России составлял одну из главных неразрешимых проблем [Головин, 1862, с. 24, 40].

Хлебопашество во всех владениях Российско-Американской компании было невозможно из-за климатических условий. Некоторым успехом увенчалось введение русскими огородничества: на восточных островах Алеутской цепи и на п-ове Аляска картофель и репа давали довольно хорошие урожаи. О Павловском селении на полуострове И. Вениаминов пишет, что жители его раньше всех, еще до 1800 г., занялись огородничеством: сажали картофель, репу, капусту и другие овощи [1840, II, с. 241; см. также: Хлебников, 1979, с. 116, 117]. Но в целом огородничество на островах прививалось слабо. Необходимость выезжать на промыслы именно тогда, когда следовало бы обрабатывать и засеивать

огороды, отвлекала половину населения, а остающиеся занимались заготовкой рыбы на зиму и иными работами.

Делались усилия привить на островах скотоводство. Были завезены сюда коровы, свиньи, куры, утки, но они шли главным образом на удовлетворение потребностей русских. Попытки раздать скот алеутам на первых порах не дали больших результатов.

Положение алеутов при компании привело к социальному уравниванию состава населения. Так, И. Вениаминов пишет: «В нынешнее время все алеуты, можно сказать, составляют одно сословие работников, потому что и самые родовые тоены их суть не что иное, как нарядчики, очень часто работающие вместе со своею командою, и которые почти совершенно ни в чем не отличаются от прочих. Только в последнее время главные тоены, утверждаемые начальником колоний и избираемые алеутами из их тоенов, пользуются некоторым предпочтением, и то смотря по его отношениям к правителю конторы» [1840, II, с. 164].

Уже в самом начале своего существования Российско-Американская компания запретила аборигенам иметь рабов. Рабы, принадлежавшие алеутам (а также кадьякам и чугачам), были отобраны у них и определены «на вечное услужение» компании. Они стали называться в ее документах каюрами (камчатское слово, обозначающее наемного работника).

Богатство у алеутов на втором этапе русского периода стало измеряться уже не числом рабов, как прежде, а денежной стоимостью имущества. Богатыми считались алеуты, имущество которых оценивалось по тогдашнему курсу в 200—500 р., а рядовыми — в 50 р. Богатые — это те, «кто имеет свою юрту, байдарку в новой оболочке и с полным количеством промысловых орудий, ружье, топор, чайник и котел, две перемены платья для себя и семейства» [там же, с. 238]. Алеуты в эти годы иногда продолжали жить в своих прежних селениях, но слишком малолюдные из них прекращали существование. Так, на Угамаке остатки жителей ранее крупного селения в 1826 г. переместились на Тигалду; на Умнаке до 1830 г. было селение Егорковское, жители которого переехали в Речешное (ныне с. Никольское). Происходило много перемещений и по распоряжению компании. Например, население о-ва Саппах (чтобы умножить на нем количество бобров) было переведено на п-ов Аляска. Алеутов для промыслов и других работ вывозили за пределы Алеутских островов, туда, где не имелось или не хватало людей. Главными местами, куда переселяли алеутов, являлись о-ва Кадьяк, Прибылова, Командорские и Курильские. На о-ва Кадьяк, Прибылова и Курильские увозили алеутов с Уналашки, а на Командоры — преимущественно с Атту и Атхи.

Вместе с тем нельзя не сказать и о постепенном улучшении положения аборигенного населения Русской Америки, и в частности алеутов. Это отмечает К. Т. Хлебников: «С заведением постоянных оседлостей начальство компании постоянно наблюдало, [чтобы] приписывать все средства не только к облегчению

участи природных жителей, но и образованию их, о внушении правил св[ятой] веры, о здоровье и достаточном продовольствии. Все сии части совокупно требовали и жертвования значительной суммы, и компания определила в разное время статьи для каждого отделения в особенности. С сим вместе увеличивалось и число людей на жалованье и содержании компании» [1979, с. 115].

Среди прогрессивных черт деятельности русских в Северо-Западной Америке не должна остаться незамеченной имевшая место тенденция защиты коренного населения от чрезмерной эксплуатации его сначала частными компаниями, а затем Российско-Американской. Значительной представляется роль прогрессивно настроенных представителей интеллигенции той эпохи (военных моряков, отдельных служащих компании, миссионеров и других лиц, посещавших Русскую Америку), выступавших проводниками этой тенденции, а также осуществлявших практическую работу по улучшению положения аборигенов и, как хорошо известно, по изучению этнографии и языков коренного населения.

Большую тревогу за судьбу островитян, все более сокращавшихся численно, подвергавшихся явной эксплуатации со стороны Российско-Американской компании, высказывали находившиеся на ее службе морские офицеры (особенно Г. И. Давыдов и Н. А. Хвостов), посещавшие острова руководители и участники русских кругосветных экспедиций (наибольшую активность среди них проявили Ю. Ф. Лисянский и В. М. Головнин). В результате постепенно в Русской Америке много внимания стали уделять преобразованиям и нововведениям, целью которых было поднятие экономики и культуры края, улучшение положения коренного населения. И именно следствием такой политики (начиная с 1818 г.) явилось новое правило — назначать на пост Главного правителя колоний только заслуженных морских офицеров высшего ранга с безупречной репутацией. Среди них были известные в отечественной истории имена, связанные с многими географическими и этнографическими исследованиями (и не только в пределах Русской Америки), с положительными преобразованиями в колониях, направленными на поднятие уровня жизни, здоровья и культуры их населения (открытие больниц, введение оспопрививания, организация школ и училищ): М. И. Муравьев, П. Е. Чистяков, Ф. П. Врангель, И. А. Купреянов, А. К. Этолин, М. Д. Тебеньков и др.

В литературе последних лет уже обсуждался вопрос о том, что деятельности Российско-Американской компании, будущности Русской Америки уделялось значительное внимание в декабристских кругах Северного общества. В должности начальника канцелярии Главного правления компании в 1824—1825 гг. находился К. Ф. Рылеев. Служащими компании являлись также декабристы Г. С. Батеньков, О. М. Сомов и В. П. Романов. Был близок к декабристским кругам и один из директоров компании — И. В. Про-

кофьев. В «Алфавите декабристов» фигурировало и имя К. Т. Хлебникова. В. П. Романов во время своего пребывания в Новоархангельске сблизился с Главным правителем Русской Америки в 1820—1825 гг. М. И. Муравьевым, отличавшимся прогрессивными взглядами и инициативностью. Среди воззрений декабристов на настоящее положение и будущее заокеанских владений России не последнее место занимала позиция оказания помощи коренным народам Русской Америки в подъеме их жизненного уровня, распространения среди них просвещения и культуры [Болховитинов, 1966, 1974, 1975; Орлик, 1984].

Критика действий компании в отношении коренного населения не осталась совершенно бесследной. Но, правда, вся отработанная система эксплуатации местного населения, поскольку она являлась основой благосостояния компании, продолжала существовать (при некотором улучшении положения аборигенов) до продажи русских владений в Америке.

И. Вениаминов следующим образом определяет положение алеутов к началу 40-х гг. XIX в.: «...они пользуются покровительством законов наравне с крестьянским сословием и освобождены от всяких повинностей и податей, но вместо этого обязаны служить компании от 15 до 50 лет своего возраста и, разумеется, за плату от компании. Все промысла, какие они могут приобрести, должны они продавать исключительно компании за известную и правительством утвержденную цену» [1840, II, с. 172].

Наиболее подробное и точное описание структуры местного управления и организации хозяйственной жизни отделов к этому времени мы находим у К. Т. Хлебникова. Главным селением Уналашкинского отдела было Гаванское (Гавань), по-алеутски Иллюлюк (ныне — Уналашка). Называлось оно также селением Доброго Согласия, после того как его в июле 1805 г. посетил Н. П. Резанов и остался «чрезвычайно доволен распоряжениями правителя Ларионова в рассуждении хозяйства и тем, что все алеуты и русские отзывались о нем с самой выгодной стороны» [Хлебников, 1979, с. 109]. Из русских в главном селении жили правитель отдела, конторщик, приказчик, священник, дьячок, эконом и шесть плотников. Из креолов и алеутов служащими на жалованье компании были ученик медицины командир бота, служащий при конторе, кузнец, медник, матросы (6) и стрелки (2). 21 алеут и 13 алеуток выполняли работы при компании с получением от нее жалованья. До 1822 г., пишет Хлебников, служившие при компании алеуты назывались каюрами и получали от нее только пищу и одежду. С этого года по предписанию Главного правителя колоний М. И. Муравьева им стали платить также и жалованье. Остальные алеуты назывались вольными и привлекались для промыслов и других работ с последующей оплатой от компании: добывали рыбу, охотились на китов, запасали сено для скота, собирали плавник, заготавливали ягоды и корни [там же, с. 116].

С 1826 г. при отделе состояло парусное судно, бот «Сивуч», построенное на верфи Новоархангельска, под командой ученика мореходства креола Степанова; оно обслуживало перевозки внутри территории отдела.

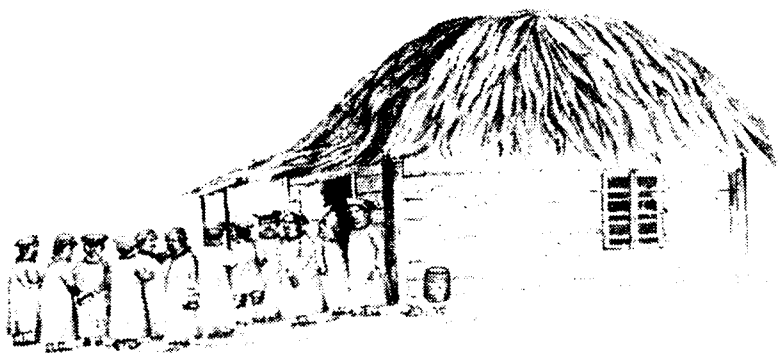
Для промысла китов на Уналашке набирали до 10 стрелков из вольных алеутов Гаванского селения. Китов промышляли традиционным способом с однолючных байдарок: бросанием с метательной дощечки копья с обсидиановым наконечником. Убитого или раненого (и уже позже погибшего) кита выбрасывало на побережья разных островов Лисьей гряды, но больше всего — Уналашки и Акуна. По наконечникам копий (с метками собственности) в теле кита узнавали имя охотника и сообщали об этом конторе и стрелку. Последнему отдавали половину туши, которая, естественно, потреблялась всем селением, и выдавали плату за другую половину, которую брала компания. Иногда в сильно раненого и ослабевшего кита метали гарпун с поплавком на сухожильном лине и так буксировали его к ближайшему берегу. Мясо и жир китов шли в пищу; сухожилия, кишки, ус (соответственно традиционному алеутскому применению их) — на изготовление линий, нитей, камлеек, сшивание байдарочных обшивок, скрепление их решеток. Из спермацета кашалотов делали свечи. Для промысла птиц тоены назначали людей, и они собирались в Гавань в начале апреля и отправлялись байдарой (17 человек) на Четырехсопочные, а потом и на Птичь острова из группы Шумагинских. В августе байдара возвращалась в Гавань обычно с 7000 шкурок птиц (примерно на 150—160 парок). Дома алеутки за плату выделявали шкурки, шили парки, передавая их компании. На Уналашке кроме Гавани служащие компании жили в селениях около мест промысла рыбы: в Макушинском (2 русских и 2 алеута), Кошигинском (1 русский и 2 алеута), Веселовском (семейство креолов).

В составе Уналашкинского отдела находились пять артелей: Унгинская, Сапнахская, Унимакская, Акунская и Умнакская, — каждая во главе с байдарщиком — русским или креолом. Жившие при тех артелях служащие компании (русские и алеуты) занимались организацией промыслов пушнины и заготовкой рыбы силами местных алеутов.

Унгинская артель располагалась в трех селениях: в одном — на Унге и в двух — на п-ове Аляска (Бельковское и Моржовское). При ней от компании состоял русский байдарщик с 13 работниками на жалованье: на Унге — 2 русских, 1 креол, 8 алеутов; в Бельковском — 1 русский; в Моржовском — 1 алеут. Байдарщик снабжал вольных алеутов клычками для промысла лисиц, потом собирал их, а также руководил изготовлением новых (добытые шкуры сдавались за плату компании). Кроме того, он занимался подготовкой партии для промысла морских бобров, которая отправлялась отсюда к мысу Иванова на п-ове Аляска, где к ней присоединялось несколько байдарок из Бельковского селения.

Селение Иллююк на о-ве Упалашка. Рисунок И. Г. Вознесенского. 1843 г. МАЭ, № 1142-20.

Воскресный день в селении Иллююк. Рисунок И. Г. Вознесенского. 1843 г. МАЭ, № 1142-23.

Команда стрелков из вольных алеутов промышляла сивучей и вела заготовку лафтаков, кишок и горл. Отдельная партия отбывала к северной стороне полуострова бить моржей (для добычи клыков). Еще одна партия охотилась на оленей для получения мяса и шкур. Алеутки готовили впрок рыбу, собирали ягоды, коренья. Алеуты заготавливали также сено для скота, сажали и убирали картофель. При других артелях также находились служащие от компании: русские, креолы или алеуты, которые организовывали промыслы исходя из местных ресурсов.

Во времена И. Вениаминова в Уналашкинском отделе было 25 селений с общим числом жителей (на 1934 г.) 1484 человека [1840, II, с. 202, 203]. Селение Гаванское, или Согласия, он описывает следующим образом: «Оно лежит в восточном предместье Капитанской гавани, на ровной и низкой косе, шириною от 50 до 100 сажень, и образуемой с двух сторон — Гаванскою бухтою, а с третьей — речкою, вытекающей из озера. Это селение, говорят, основано Соловьем. Строений здесь находится: церковь деревянная с колокольнею, 5 домов и 3 магазина деревянных, 5 домов, обложенных дерном, и скотный двор, принадлежащий компании, имеющей здесь контору, под управлением правителя, при котором находятся конторщик и три приказчика, 27 юрт, принадлежащих креолам и алеутам. Жителей в 1834 г. было: алеутов мужского пола 90, женского — 106, а обоего — 196, сверх того русских и креолов до 75, а всех до 275 (271. — *Р. Л.*) душ. Здесь, кроме конторы Российско-Американской компании, заведывающей всем здешним отделом (кроме островов Прибылова), находится первоначальное училище, открытое 12 марта 1825 г., состоявшее в 1834 г. из 22 человек креолов и алеутов — сирот; больница на 8 человек, и при ней фельдшер; воспитательный дом для сирот девушек, находящихся ныне в числе 12, и главное скотоводство компании.⁵ У некоторых из служащих компании водятся свиньи, куры и утки; и почти у каждого хозяина имеются огороды, засеваемые репою и картофелем; последний здесь родится сам-5 и 8; в 1833 г. со всех огородов собрано было его до 120 бочонков. Церковь здешняя, в память Вознесения Господня, основана 1825 г. 2 июля, а освящена 1826 г. 29 июня» [Вениаминов, 1840, I, с. 173—174].

На Ближние, Крысьи и Андреяновские острова до организации в 1823 г. Атхинского отдела отправлялись на особом судне от Охотской конторы по контракту на 4 года управляющие и промышленники. Условия контракта предусматривали добычу зверей русскими промысловиками, а также получение мехов путем обмена с алеутами. Плата алеутам за меха в те годы, как и везде в Русской Америке, назначалась по усмотрению правителя.

⁵ «В 1835 г. сделано здесь преобразование по училищу и скотоводству. В училище определено содержать не более 12 мальчиков. А скотоводство предположено уменьшить до 10 штук рогатого скота, а прочих коров раздать алеутам» [Вениаминов, 1840, I, с. 174].

Мельница на о-ве Уналашка. Рисунок И. Г. Вознесенского. 1843 г. МАЭ, № 1142-22.

Отправленный в 1841 г. на судне «Новая Финляндия» из Охотска на Андреяновские острова для доставки товаров и вывоза мехов штурман И. Ф. Васильев сообщает в своих «Записках» некоторые сведения об отделе [1816]. На о-ве Атха он нашел семь русских промышленников во главе с Саламатовым, с 15 каюрами при них и с таким же количеством женщин. Число «природных жителей» на Атхе Васильев определяет примерно в 100 человек и отмечает, что селение при Гавани состояло из малого числа земляных юрт, холодных и темных. Плотники из его команды с помощью алеутов поставили в две недели первую здесь русскую избу для Васильева, совершавшего плавание вместе со своей семьей. В «Записках» сообщается также, что обратно на Амчитку перевезены ее коренные жители, 6—7 лет назад переехавшие на Атху.

По данным К. Т. Хлебникова, в Атхинском отделе в 1827 г. обитаемыми были о-ва Атха, Адах, Чугул, Амчитка, Атту и Беринга. Им прилагается «верная и подробная» перепись населения этих островов: на Атхе — 200 человек (русских — 11, креолов — 59, алеутов — 130); на Адахе — 193 (алеуты); на Чугуле — 62 (алеуты); на Амчитке — 42 (алеуты); на Атту — 117 (русских — 4, креолов — 6, алеутов — 97); на о-ве Беринга 110 человек (русских — 17, креолов — 48, алеутов — 45) [Хлебников, 1979, с. 161]. Хлебников пишет также, что в пути с Атту на Атху находится еще 17 человек, а кроме того, несколько семейств с Амчитки выехали для промыслов на Кыску. Все жители имеют русские

имена и фамилии (т. е. крещены). Следует отметить, что в таблице, приводимой им, нет сведений об о-ве Амля, хотя он сам далее упоминает о нем как об имеющем население и об этом же свидетельствуют другие сообщения, в частности Я. Нецветова.

До 1827 г., сообщает К. Т. Хлебников, на Атхе жили только служащие компании, а прочие жители — на Амле и Адахе. Но в связи с благоустройством селения на Атхе, снабжением его всем необходимым алеуты стали добровольно переезжать туда. Еще в 1826 г. компанейское селение на Атхе было перенесено от подножия горы на мыс у моря. Там был поставлен из привозного леса дом правителя отдела, позднее — дом для священника и церковь; из плавника — дом для конторы и приказчиков. Казармы для русских и алеутов были построены традиционным способом: из досок, углубленными в землю, крытыми дерном, с люками для освещения сверху или окнами сбоку, но с печами. Селение алеутов занимало мыс у входа в гавань. Здесь была сооружена огромная дощатая юрта, углубленная, покрытая дерном; строилась и другая. Дом для главного тоена был возведен таким же образом, но имел стеклянные окна, печь, особую комнату для гостей, спальню, кухню и сени; в комнатах сделаны иолы и потолки [там же, с. 153—177].

Я. Нецветов сообщает нам некоторые дополнительные подробности, касающиеся Атхинского отдела. На 1829 г. он называет обитаемыми следующие острова: Атха, Амля, Амчитка, Атту, Медный и Беринга (не упоминает Чугул и Адах, которые указывает К. Т. Хлебников). На Атхе находилась контора с управляющим отделом И. И. Сизых и конторщиком П. Г. Корсаковским. На обитаемых островах были местные управляющие — байдарщики.

Общая численность отдела по подсчетам Нецветова достигала 800 человек. В компании служили, пишет он, все поселившиеся здесь русские, креолы и часть алеутов, которые также получали жалованье от нее. Все остальные алеуты не зависели от компании. Большинство из них жили на Амле под управлением своего тоена Н. В. Дедюкина. Он являлся и главным тоеном Андреяновских островов, ведал всеми касающимися алеутов делами.

Селение на Атхе, пишет Я. Нецветов, носит название Гавань, поскольку здесь была постоянная стоянка судна, совершавшего ежегодный объезд островов отдела. Судно находилось в ведении управляющего. В селении было семь жилых домов; из них четыре занимали служащие компании, остальные — казармы или юрты, где совместно проживали русские, креолы и алеуты. Кроме того, имелись следующие служебные помещения: склад для товаров и шкур; магазин, где жителям продавали товары (при нем — склады для них и для компанейского снаряжения, выдаваемого промысловикам); «кормовая барабора», где хранились все запасы пищи, главным образом местной; скотный двор и некоторые другие подсобные постройки [The Journals. . . , 1980. p. 12—14].

Селение на о-ве Унга (Шумагинские острова). Рисунок И. Г. Вознесенского. 1843 г. МАЭ, № 1142-25.

Относительно размещения и условий жизни населения отдела после 1833 г. имеются сведения, принадлежавшие, очевидно, Ф. П. Врангелю: «Переселившиеся алеуты со всех мест Андреяновского угодья на остров Атху ныне все переведены на Амлю, как на изобильнейший остров рыбою и другими для пищи служащими продуктами, где и живут как одно семейство, имея все общее, состоя под надзором избранного ими тоена». И далее: «Остров Амля имеет ныне чернобурых лисиц, а жители развели всякого рода домашних птиц и скот. Огородные овощи рождаются в изобилии, особенно же картофель» [Хлебников, 1979, с. 161, 164, примеч. «е» и «з»].

В 1952 г. К. Бергсланд на Атке записал со слов алеута Ф. Л. Снегирева (1890—1965) исторические предания о жизни в течение русского периода [Bergslанд, 1979]. В них рассказывается, что селение раньше было расположено у Старой гавани и называлось сначала Никольским, затем — Коровинским (по-алеутски — Saġu-ugaġ). Там имелась большая церковь. Верно передаются в этих преданиях условия и образ жизни алеутов в те годы. Лучшими продуктами называются мука и сахар, получаемые через магазин. Кроме того, все сажали картофель, как научили их русские, и его было всегда вдоволь. Однако основу пищевого рациона составляла все же традиционная алеутская еда, которую добывали на острове и в море. Магазин снабжал также русской одеждой, но ее было мало; носили в основном алеутскую: парки из птичьих шкур, кишечные камлейки, обувь из шкур животных. С приходом весны алеуты отправлялись на промыслы сивучей, тюленей для получения мяса, шкур, сухожилий. Мясо затем сушили, а желудки сохраняли и наполняли вяленой рыбой. Добывали и птиц, мясо

которых сушили на зиму. В речке и в море ловили рыбу. Ее тоже сушили и солили. Все эти запасы хранились в специально построенном доме. Там же держали и шкуры для изготовления лодок, материалы для одежды и разного снаряжения и т. д. Рассказчик подчеркивал, что провизии заготавливалось много и она шла для распределения алеутам в течение осени и зимы, когда промыслы были невозможны. И все это делалось для того, чтобы жители зимой не голодали.

Кроме партий для заготовки съестных припасов весной снаряжались и партии для добычи пушнины. С ними шло большое судно. Промышляли на маленьких, обтянутых кожей лодках. Были и крупные лодки из шкур.

Так же жили алеуты и на Амле. Рассказчик передает, что когда алеуты узнали, что пришли американцы, а русские ушли, то они очень плакали [ibid., p. 2—44].

На о-ве Атту компанейское селение располагалось в гавани Чичагова. Там был построен русским байдарщиком Саламатовым бревенчатый дом из плавника. Казармы для русских промышленников, алеутские юрты и часовня были сооружены традиционными алеутским способом, но с печами, окнами и дверью в стене. Алеутское селение находилось в Убиенной гавани (названной так после первой стычки алеутов с русскими) [Хлебников, 1979, с. 177]. На о-ве Беринга дом байдарщика, казармы для русских и алеутов тоже были выстроены углубленными в землю, из досок, сверху обложены дерном, с печами, с окнами в стене или люками вверх для света, с входом сбоку. На о-ве Медном, по замечанию правителя И. И. Сизых, плававшего в 1827 г. по островам Атхинского отдела на боте «Сивуч» под командованием А. Ингенстрема, имелась аналогичная казарма для русских, а для алеутов — традиционные юрты.

Морских бобров в Атхинском отделе добывали около Амли, на Сегуаме и на Дальних островах Андреяновской гряды. В частности, в 1827 г. была снаряжена партия из 50 байдарок под надзором тоена Измайлова, при котором находился один русский. Летом промышляли с байдарок, а осенью — сетями. Здесь по окончании промысла все алеуты должны были отдавать добычу тоену; он распределял доходы, уравнивая доли охотников, чем алеуты оставались довольны. На Ближних островах бобров добывали у западной оконечности Атту, на южной стороне Агатту, но более всего — у о-вов Семичи. Летом промысел вели в море с байдарок или сетями у прибрежных камней. В ноябре и декабре, когда во время сильных штормов бобры выходили ночью из моря и ложились дальше от берега, алеуты, тихо подкравшись с подветренной стороны, били их дрегалками. Иногда охотились и из ружей, если встречали животных спящими днем на берегу или на ближайших к нему камнях в море.

В Атхинском отделе большое внимание уделялось также забору сивучей (на лафтаки — для байдарок и байдар, кишки — для кам-

лей и сумок, мясо и жир — в пищу; последний нужен был и для освящения, смазывания байдарок и т. д.), промыслу птиц (для изготовления парок), добыче песцов и котиков (на Командорах). Женщины шили птичьи парки и кишечные камлейки, излишки которых отдавали в компанию за положенную плату. В связи с недостатком здесь китов их усы (нужные для связывания решеток байдарок) и сухожилия (для шитья камлей, парок, обтяжек на байдарки и изготовления гужей на клянцы) привозили из Ново-архангельска. Мясо и жир китов для здешних алеутов (так же как и для привыкших к ним русских) являлись редким лакомством.

На о-ве Беринга еще в 1805 г. штурманом компанейского брига «Константин» Я. Потаповым была высажена артель русских промышленников из 13 человек во главе с байдарщиком Шипицыным для промыслов котиков и песцов. Затем артель переехала на о-в Медный, оставив Я. Мынькова для охраны мехов. Лишь через 3,5 года к острову Беринга подошло судно «Финляндия» под командованием И. Ф. Васильева, но Маньков был опять оставлен на нем, правда, вместе с другим промышленником.⁶ Шипицын сообщил Охотской конторе о появившихся вновь около Медного морских бобрах и потребовал присылки сюда алеутов для их добычи. Но только в 1825 г. были присланы с Атту 17 алеутов с семьями, что положило начало появлению на Командорах постоянного населения.

На о-вах Прибылова после открытия их в 1786 г. находилось много русских промышленников. В 1798 г. туда были завезены на судне компании Г. И. Шелихова «Доброе намерение святого Александра» (мореход И. Ладыгин) и атхинские алеуты. Но из-за избыточного промысла котиков в прежние годы А. А. Баранов в 1803 г. распорядился прекратить их совсем и оставить на островах только 10 русских промышленников и до 15 алеутов, что и было сделано в течение 1806—1807 гг. С 1808 г. там вновь стали вести промыслы и начали отправлять туда уналашкинских алеутов. Смену их партиям присылали через 3—4 года, но многие по собственному желанию оставались и на больший срок.

До 1818 г. о-ва Прибылова были подведомственны Уналашкинской конторе, а с этого года — непосредственно главной, Ново-архангельской. На о-ве Святого Павла находился управляющий (по-старому — нередовщик), а на о-ве Святого Георгия — байдарщик, т. е. руководитель артели.

В 1825 г. на о-ве Святого Павла жили 130 человек (русских — 13, креолов — 7, алеутов — 108, индейцев — 2); на о-ве Святого Георгия — 96 (русских — 8, креолов — 7, алеутов — 81) [там же, с. 202]. В 1830 г. на первом острове жили 164 человека (русских —

⁶ Этот уникальный случай робинзонады привлек внимание писателя Л. М. Пасенюка, автора многих книг и рассказов о северо-востоке нашей страны, истории мореплаваний в Тихом океане, исследований о Русской Америке [1981].

Селение на о-ве Святого Павла. Рисунок И. Г. Вознесенского. 1843 г. МАЭ, № 1142-8.

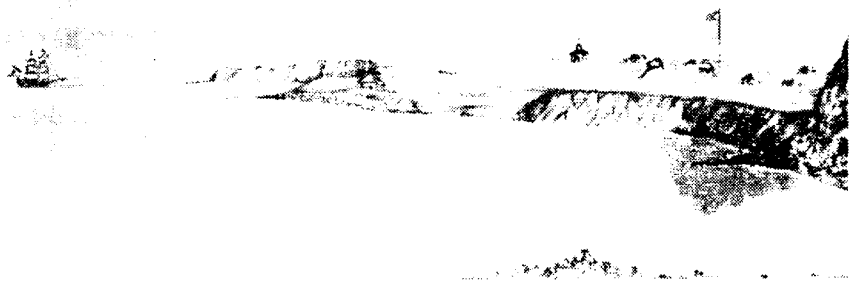
11, креолов — 26, алеутов — 127), а на втором — 80 (русских — 6, креолов — 17, алеутов — 57) [там же, с. 203].

Начальниками промыслов были русские или креолы; они получали особые оклады, так же как и находящиеся на жалованье компании алеуты. Остальные алеуты были на общем положении с алеутами других островов: получали плату за свои промыслы. Им полагалось к тому же от компании по 1 пуду муки на месяц, а также крупы и гороха — к праздникам.

Основным занятием населения о-вов Прибылова был котиковый промысел. Серьезное внимание уделялось также добыче сивучей, песцов, птиц, ловле рыбы, сбору плавника. Наибольшее количество котиков промыслили на о-ве Святого Павла (примерно в пять раз больше, чем на о-ве Святого Георгия), но зато у о-ва Святого Георгия больше водилось сивучей. Котиков и сивучей добывали здесь отгоном: отрезали от берега стадо, отпуская не подлежащих забою маток, секачей, холостяков, и гнали его ближе к селению, где зверей убивали ударом дрегалки.

Селение на о-ве Святого Павла расположено на южной стороне. Здесь были построены два бревенчатых дома для конторы и проживания управляющего, часовня. Казармы для русских рабочих и алеутов, кладовые, сараи и прочие сооружения были возведены традиционным алеутским способом, но с входом через дверь сбоку и с печами. На восточном мысу и в западной половине острова вблизи имеющих здесь лежбищ котиков также были построены казармы. На о-ве Святого Георгия селение расположено в северной его части. Все жилища здесь были устроены традиционным способом, но с входом через боковую дверь и с печами.

И. Вениаминов, проживший 10 лет вместе с алеутами, неизменно пользовавшийся их большим доверием, любовью и уважением, сам много сделавший для поднятия благосостояния и куль-

Селение на о-ве Святого Георгия. Рисунок И. Г. Вознесенского. 1843 г. МАЭ, № 1142-24.

турного уровня аборигенов, вполне определенно отмечает происшедшие в те годы положительные изменения в жизни алеутов, благоприятное в целом влияние управления компании. Он пишет: «Теперь спрашивается: хорошо ли нынешнее управление алеутами и хорошо ли их состояние? Отвечаю: хорошо. Потому, что алеуты, кроме служения компании, пользуются совершенною свободою, а служение их бывает временное и всегда за плату. Компания более и более обращает свое внимание на то, чтобы занимающий должность правителя Уналашкинского отдела был человек благо-разумный и строгий исполнитель распоряжений главного начальства. Если уже прежняя свобода алеутов (впрочем, более мнимая) и правление (и также слишком несовершенное) невозвратимы, то переменять нынешнее правление алеутов, к которому они уже привыкли, на какое-либо другое нет нужды; и всякая другая перемена их управления для них будет вредна и даже гибельна. И если что можно пожелать для блага алеутов, то разве только того, чтобы все товары и вещи, которые получают за свои промысла, были *на их руку* и ценами как можно соразмернее с платою, получаемою ими за промысла. И еще — чтобы главные тоены или один из них, избранный самими алеутами, имел право всегда видеть в конторе бумаги и расчеты, касающиеся до алеутов, и как они, так и прочие тоены были бы снабжены письменными наставлениями для их руководства, в которых бы на основании положений и учреждений о тамошнем крае ясно были бы означены как их власть, так и влияние их на дела общественные» [Вениаминов, 1840, II, с. 172—174]. Последнее пожелание Вениаминова было осуществлено А. К. Этолиным в 1840—1845 гг. в бытность его Главным правителем. Он составил и ввел в употребление по всем отделам «Правила для тоенов, избираемых в старшины. . .» [Тихменев, 1863, Прил., с. 74—79].

Очень беспокоил И. Вениаминова вопрос об управлении колониями, которое он считал делом первостепенной важности. Об этом он пишет в письме К. Т. Хлебникову в Новоархангельск 16 августа 1829 г. из Уналашки: «Весьма благое намерение и самое полезнейшее учреждение и пожертвование на сие без исполнителя или, по крайней мере, при неусердном исполнении не достигнет цели. Итак, исполнитель много значит, что Вы ни прикажете почтеннейшего, но если, по крайней мере, не так исполнится, то все тщетны ваши намерения, учреждения, постановления, приказания и усилия. . . Ибо теперь, кажется, ничего недостает для возможного блага алеут — нужно одно только исполнение. Ибо алеуты (как я думаю и уверен) без компании существовать не могут — кто бы как ни думал, а я так думаю и готов утверждать» [ГАПО, ф. 445, д. 161, л. 17 об.—18].

На втором этапе русского периода убыль населения в целом продолжалась до 40-х гг. XIX в. за счет завозимых эпидемий (оспы, инфлюэнцы, коклюша, «злокачественного катара») и других болезней. Мы уже упоминали о появлявшихся на островах болезнях в первые годы существования Российско-Американской компании (см. с. 87—88). К этому можно добавить и следующие факты. После крушения у о-ва Санпах в 1809 г. судна американца О'Кейна «там появился кровавый понос, как говорят, от употребления в пищу подмоченного рису. Потом эта болезнь распространилась далее и коснулась и тех, кои совсем не употребляли этого рису» [Вениаминов, 1840, II, с. 198]. Осенью 1830 г. «началось поветрие кашлем и стиснением в груди», от которого умерло более 30 человек, в основном молодых и здоровых мужчин, в то время как детей, женщин и стариков оно не коснулось. Самая большая смертность была на Унге, где эта болезнь началась раньше, чем на других островах, распространившись потом по всей Аляске. В 1838 г. у алеутов появилась оспа, последствия которой благодаря проведенному оспопрививанию были не столь ужасны, как на остальной Аляске [там же]. Следует отметить, что вакцинация началась в Русской Америке с первых лет XIX в., особенно успешно она шла у алеутов. В 1848—1849 гг. во владениях компании распространилась эпидемия кори, особенно много смертных случаев от которой было в Уналашкинском отделе [Доклад Комитета. . ., 1863, с. 40, 83]. Немало людей гибло при длительных переездах в байдарках и байдарках в разные годы. Например, в 1804 г. погибла партия в 20 байдарках у Четырехсopочных островов; в 1809 г. — байдарка с 40 промысловиками (начальник — Невзоров) при переезде с Амака на побережье п-ова Аляска; в 1811 г. — с 33 (Усов); в 1828 г. — с 15 (Меркульев) при переезде через Акутанский пролив [там же, с. 195, 196].

Согласно проведенной по указанию Н. П. Резанова переписи островитян Лисьей гряды, последних на 1 января 1806 г. было 1898 человек (937 мужчин и 961 женщина) [Хлебников, 1979, с. 109]. По переписи 1813 г., сделанной по предписанию А. А. Ба-

рапова и проверенной вступившим тогда в должность управляющего Уналашкинским отделом И. Крюковым, алеутов Лисьей гряды оставалось 1158 человек; кроме того, отправлено на Кадьяк и Ситху 150 человек, на о-ва Прибылова в 1810 г. откомандировано 200 человек. Следовательно, всего было 1508 алеутов. «Повальные болезни, — пишет К. Т. Хлебников, — истребили (с 1806 г. — *Р. Л.*) 390 душ» [там же, с. 108—110]. Уменьшение числа алеутов продолжалось до 1822 г., когда лисьевцев было уже 1474 человека (695 мужчин, 779 женщин). С этого года по 1829 г. численность оставалась на одном уровне, а с 1829 по 1839 г. (т. е. до эпидемии оспы) — стала расти [Вениаминов, 1840, II, с. 178].

Андрейновских алеутов в 1827 г. было (как мы уже отмечали) 714 человек. На о-вах Прибылова в 1830 г. жили 184 алеута и 43 креола (см. выше).

Таким образом, в 30-х гг. XIX в. численность всех алеутов определялась примерно в 2400 человек. После эпидемии оспы она вновь восстановилась к 60-м гг.

К концу русского периода в результате многих административных мер, налаживания хозяйства, медицинской помощи наметилась тенденция к увеличению численности алеутов; в 1860 г. их насчитывалось (без креолов) 2428 человек (1236 мужчин и 1192 женщины) в обоих отделах: Уналашкинском и Атхинском [Головин, 1862, с. 28].

Следует помнить о том, что со времени образования Российско-Американской компании указываемая численность алеутов часто включала и данные по эскимосам конягам, только для более точного определения их различали тогда соответственно колониальным отделам: ахтинские, уналашкинские (лисьевские) и кадьякские.

Официальный статус алеутов во времена Русской Америки был приближен к статусу других инородцев России. Вначале, до 1799 г., они платили, как все инородцы, ясак. А после образования Российско-Американской компании появилось много особенностей в связи с их положением в качестве работников этой компании. Однако до «Привилегий» компании, утвержденных правительством в 1821 г., не существовало официального определения статуса. Согласно «Привилегиям» 1821 г., алеуты (вместе с кадьякскими эскимосами, кенайцами, чугачами и курильцами) были отнесены к особому сословию «островитян», признанному «наравне с другими российскими подданными». По уставу компании 1844 г. их (вместе с другими «островитянами») приравнивали к оседлым инородцам.

Но в это время население Алеутских островов, как и Русской Америки в целом, составляли уже не только коренные жители, но и русские, и креолы. Соответственно сословному делению общества России того времени и определению в связи с этим его податности в Русской Америке встал вопрос об определении сословной принадлежности вновь образующегося населения из русских и креолов.

В Русскую Америку в период частных промысловых плаваний прибывали исключительно мужчины, в основном молодые, а после образования Российско-Американской компании — иногда с семьями. Нередко промышленники обзаводились на островах семьями, взяв в жены алеуток или эскимосок Кадьяка (реже — индианок). Имея такие семьи в колониях, они возобновляли контракты с компанией, а затем и оставались в Америке навсегда. Впервые вопрос об их статусе встал в 1806 г., но только три десятилетия спустя правительство пошло на создание в Русской Америке так называемого колониального гражданства. К нему могли причисляться лица, безупречно прослужившие в компании 15 лет. Подушные подати с «колониальных граждан» взимались соответственно их первоначальному сословному званию (в основном это были крестьяне или мещане), и выплачивала их компания.

Вместе с тем в колониях (в целом) с каждым годом увеличивалось число креолов. В 1821 г., по официальным данным, их насчитывалось около 300 и они были выделены в особое сословие, приписываемое к сословию мещан. Это позволяло им продвигаться по служебной лестнице на гражданской службе и достигать офицерских чинов — на военной. Креолы были освобождены от государственных налогов, податей и повинностей, но за полученное ими на средства компании образование обязаны были отработать в компании: обучавшиеся в России — 10 лет, а в самих колониях — 15. Таких креолов причисляли к «обязанным» креолам. По истечении указанного срока они могли или выехать из колоний, или остаться на службе компании в разряде «вольных» креолов, которые никаких обязанностей перед компанией не имели. Многие «обязанные» креолы, отслужив положенный срок в компании, селились затем на островах. К 1861 г. креолов в колониях насчитывалось уже 1896 человек.

Основные вопросы статуса населения Русской Америки освещены в работах П. Н. Головина [1862], П. А. Тихменева [1861, 1863], С. Б. Окуня [1939] и С. Г. Федоровой [1971, 1973].

Как нам представляется, на Алеутских островах далеко не все дети, рожденные от русских отцов, причислялись к креолам и получали их статус. Это подтверждает и замечание И. Вениаминова, что некоторые, называющие себя чистыми алеутами, в действительности ими не являются, потому что на поколение алеутов средних лет большое влияние оказало пребывание на островах значительного числа русских во времена частных компаний [1840, II, с. 5, 6]. Если не составлялась семья русского типа с русским отцом (хотя и посредством гражданского брака, а не церковного, поскольку до прибытия на острова Вениаминова и Нецветова, первых официальных священников, таковой брак невозможно было совершить, а гражданские браки преследовались начальством колоний), то ребенок, естественно, считался алеутом, рос в алеутской семье, общине, где воспитание детей было делом родственников со стороны матери и отца. Следует принять во внимание, что,

согласно традиционным нормам брака и семейных отношений (соответствующим переходному периоду от материнской родовой общины к отцовскому роду), бытовавшим у алеутов к приходу русских (а отголоски их наблюдались еще в первой половине XX в. и даже позже), допускалось и многоженство «по достатку», так же как многомужество наиболее «проворных» женщин (способных «обеспечить своими рукоделиями» одежду и охотничье снаряжение мужей и т. д.). Существовал обычай возвращения детей в род матери, а также авункулат: брат матери играл большую роль в воспитании, чем отец; часто племянник воспитывался у дяди со стороны матери [Файнберг, 1964, с. 151—160]. К тому же, как заметил Вениаминов, «в полуалеутах характер матери почти всегда одерживает верх и даже иногда совсем уничтожает характер отца. Это можно видеть в некоторых так называемых креолах» [1840, II, с. 20]. Но так или иначе, креольское население связывало в единое целое алеутов и русских, культурные традиции двух народов.

Креолы, как правило, отличались лучшими способностями, были более образованными и уже к 30-м гг. XIX в. занимали многие средние должности в компании, такие как управляющие островами и промыслами, судостроители, мастеровые, медицинские работники, учителя, духовенство разных рангов. Именно поэтому, очевидно, Л. Блэк сделала вывод, что определение «креол» в Русской Америке отражало социальный статус, а не биологическое понятие и что наиболее авторитетные алеуты именовались креолами, например алеут К. Шаешников, бывший управляющим промыслами на о-вах Прибылова с 20-х гг. XIX в. и до своей смерти в начале 60-х гг. [The Journals. . . , 1980, р. XXVI]. Естественно, что звание «креол» уже ассоциировалось с социально выделенной группой. Отголоски более престижного самоопределения — креолами — мы встречаем и на Командорских островах вплоть до 70-х гг. XX в.

Следует добавить, что название «алеут», как нам думается, тоже имело социальное содержание, уходящее своими корнями в происхождение этого слова (см. с. 90), определявшего затем аборигена — промысловика морского зверя для компании. В наши дни оно сказалось на определении в качестве самоназвания не только собственно алеутов, но и кадьякцев, и других тихоокеанских эскимосов. Несколько подробнее мы остановимся на этом ниже.

Этнокультурные изменения во второй половине русского периода явились естественным продолжением начавшихся ранее, столетия назад, процессов взаимовлияния алеутской и русской народной культуры. Но эти изменения были обусловлены рядом новых конкретно-исторических условий. Одним из них, как мы уже отмечали, явилось резкое сокращение численности русских на островах. Вместе с тем большее значение приобрело регулирование администрацией колоний хозяйственной деятельности, образа жизни алеутов.

Соответственно устремлениям компании сохранить традиционное хозяйство алеутов как удобнейший и надежнейший источник получения прибылей не подвергалась резким изменениям и материальная культура алеутов, включив лишь ряд инноваций, усовершенствований, дополнений из русской культуры. Основное место в ней по-прежнему занимала кожаная байдарка с традиционным охотничьим снаряжением. Не изменился набор орудий для морской охоты и рыболовства (гарпуны разнообразных видов, копья с метательными дощечками, удочки). Среди байдарок самыми употребительными стали двухлюбные, как более безопасные в дальних путешествиях и допускающие охоту с ружьем. Шире распространились трехлюбные байдарки — для перевозки в среднем люке администраторов, миссионеров и др. (в первом и третьем люках сидели гребцы). Продолжали использовать и многовесельные кожаные байдары; пововведением стали тканые паруса на них (иногда и на байдарках). Как транспортное средство русскими были введены сани. Алеуты делали их с широкими полозьями из китовых костей. На Атхе для подвоза груза к Коровинскому заливу через замерзшее озеро на них ставили паруса.

Под влиянием русских несколько видоизменились и жилища алеутов, хотя принципиальная конструкция их осталась прежней, как наиболее целесообразная в тех погодных условиях и при недостатке строительного материала и топлива. Дома стали сооружать менее углубленными в землю, ставить в них печи, вместо люков вверху для входа и освещения делать сбоку двери и окна (одно-два), затягивая их пузырями, а позже — вставляя стекла; со стороны двери начали пристраивать сени (коридор). Обезжвавший в 1852 г. отделы колоний доктор З. С. Говорливый высказал мнение, что устройство посещенных им домов в селениях Иллюлюк и Имагна на Уналашке «в гигиеническом отношении совершенно соответствует тем климатическим условиям, в каких находятся алеуты. При устройстве жилища необходимо, во-первых, чтобы оно служило защитой от метеорологических изменений климата и, во-вторых, чтобы оно имело достаточно чистый воздух. Оба эти условия выполнены в здешних юртах в возможной полноте». Поразила Говорливого и чистота в алеутских юртах [1861]. Стены и потолок обычно окрашивали белой или желтой глиной. Пол настилали только посередине, по сторонам жилища делали нары. Одежду вешали на стенах. В сенях устраивали небольшой очаг, где почти постоянно кипела вода для чая, который стал излюбленным напитком алеутов. Около юрт были выстроены лабазы (навесы), где вялились рыба, китовое, сивучье и нерпичье мясо, хранились пузыри с жиром, рыбьей икрой и печенью, кадушки с ягодами и прочие съестные припасы, а также котлы для топки жира и т. д. Здесь же на подставках стояли байдарки с охотничьим снаряжением, орудиями и рыболовными снастями. Под окнами землянок в ямах держали картофель и другие овощи и корни.

1

2

Алеуты. Рисунок Н. Н. Михайлова. 1827 г.

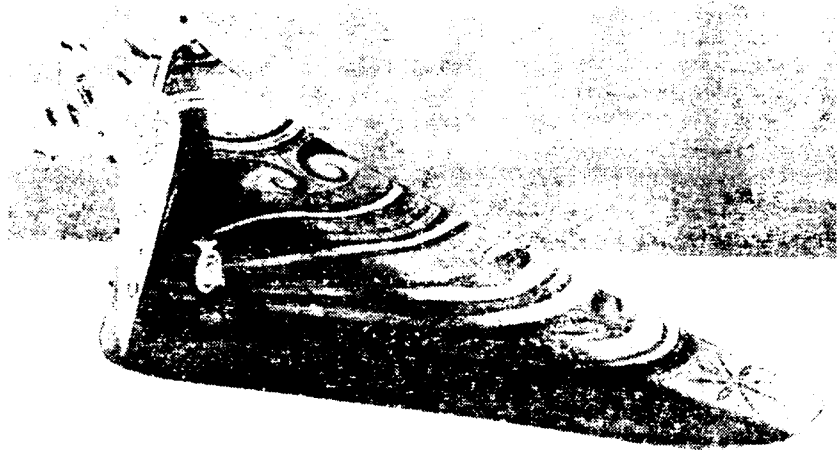
1 — в будничной камлейке, 2 — в нарядной.

Алеуты вполне оценили достоинства русской парной бани и стали ее строить сами.

С приходом русских усилился процесс дифференциации отдельных малых семей, выделения их из большесемейных общин (в которых уже до прихода русских происходило имущественное и социальное расслоение). Это отразилось и на характере жилищ: вместо больших жилищ все чаще стали строить дома для одной малой семьи.

В этот период алеуты восприняли многие русские орудия труда: железные топоры, долота, ножи, пилы, а так называемый алеутский топорик (в виде шляхты) был популярен и среди русских. Незаменимыми при обработке шкур, рыбы оказались и алеутские «пекулки», которые распространились по всей Русской Америке. Вошли в алеутский быт металлические чайники, котлы, а затем ложки, вилки, фарфоровая посуда, самовары и такие русские народные бытовые предметы, как коромысло, валёк и др.

Традиционная алеутская одежда продолжала бытовать весь русский период. Изменились отчасти лишь материалы: исчезли из обихода алеутов парки из меха котиков (бобровые перестали шить еще раньше), большее распространение получили птичьи парки, кишечные камлейки, в том числе и наиболее прочные и дорогие — из сивучьих горл. Позже стали шить одежду традицион-

Конический деревянный головной убор. МАЭ, № 2868-106.

ного покроя и из европейских тканей. Появились нововведения и в изготовлении обуви: шитье торбасов с передами на колодках, в виде бродней. Делали обувь как из традиционных материалов (лафтаков, сивучьих горл, кожи с ласт сивучей), так и из привозной кожи. Брюки шили из сивучьих горл и кишечных полос. В конце русского периода, особенно в селениях при конторах Российско-Американской компании, стали повседневными и праздничными русские одежда и обувь, тогда как промысловая одежда оставалась прежней.

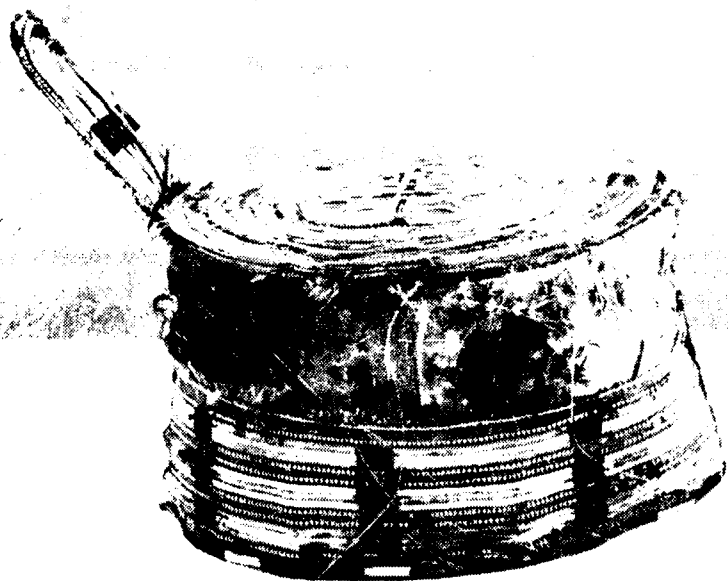
Как неоднократно отмечалось посетителями островов и живущими там русскими, без традиционной алеутской одежды не мог обойтись здесь ни один русский. И. Вениаминов, в частности, пишет: «... до тех пор, пока я не начал употреблять парку во время моих переходов, я весьма много терпел от холода и ветров, при всех средствах, какие представляют фриззы и даже меха ... Удобство и польза камлейки ничем не заменимы в отношении цели, для которой они изобретены. Это я также испытал несколько раз; при самой дурной погоде, какая только может быть, в камлейке и легко, и тепло, и удобно, как нельзя лучше» [1840, II. с. 212—214].

В повседневной жизни все чаще стали употребляться не бытовавшие ранее головные уборы (прежде алеуты надевали особые деревянные конические шапки только на промыслах в море, а празднично-обрядовыми были другие) сначала из традиционных материалов (кожи, птичьих шкурок, кишок морских животных), но по образцу русских, а затем и привозные русские.

Традиционные предметы материальной культуры и искусства алеутов, а также их трансформацию под влиянием русской культуры можно видеть сейчас в музеях. Особое внимание привлекают деревянные конические охотничьи головные уборы и подобные им, но с открытым верхом шляпы-козырьки. Конические головные уборы алеутов широко известны и поражают своей совершенной, искуснейшим образом выделанной формой, полихромной раскраской, сюжетными рисунками, великолепно выполненной костяной миниатюрной скульптурой, костяными пластинками с горельефной, рельефной и ажурной резьбой, цветной гравировкой на них [публикации коллекций головных уборов МАЭ см.: Иванов, 1928; Иванов, 1954, 1963; Ляпунова, 1975а, 1985б]. Известная американская исследовательница Д. Рей справедливо обращает внимание на то очень интересное обстоятельство, что искусство изготовления конических головных уборов алеутов получило удивительное развитие в русский период истории Аляски. Более того, она даже склонна утверждать, что до контактов с русскими у алеутов имелись только шляпы-козырьки, а конические головные уборы с их богатейшими украшениями появились лишь в начале XIX в., что примечательным образом совпадает с изменениями, внесенными русскими в институт вождей-тоенов. Мало выделявшиеся прежде из среды рядовых членов общины тоены при русских стали приобретать авторитет и власть; русские награждали их золотыми, серебряными и бронзовыми медалями. И именно к началу XIX в. относятся многие свидетельства бытования у алеутов богато украшенных и очень дорогих конических деревянных головных уборов — знаков отличия тоенов. Для XVIII в. таких свидетельств нет, за исключением сообщения К. Мерка, участника экспедиции Биллингса—Сарычева [Этнографические материалы... , 1978, с. 83].

Вполне вероятно, что в дорусский период конические шляпы были большой редкостью, а расцвет искусства их изготовления и широкого распространения падает на русский период, наряду с тем, что в данное время происходило также особое развитие у алеутов резьбы по кости и дереву, гравировки с раскраской. Вместе с тем нельзя не видеть, что эти головные уборы являются продуктом самобытного развития именно алеутских художественных традиций на основе собственных идеологических представлений, аналогии которым отмечены у эскимосов. Русское культурное влияние ограничивалось, но-видимому, лишь включением в очень немногие экземпляры чисто цветочных фрагментов раскраски, употреблением бус, шелковых и шерстяных нитей для украшений.

Также поражают своим высочайшим художественным мастерством и другие алеутские изделия русского периода (хотя ранние предметы тоже имели достаточно высокий художественный уровень). Таковы тончайшие, с большим художественным вкусом выполненные отделки из меха, вышивки-аппликации кожей, волосом, шелком, шерстяными нитями на одежде и головных уборах.

Обрядовый головной убор. МАЭ, № 536-14.

Выплетенные из травы сумочки, футляры, кошельки и т. п. предметы украшались шелковыми и шерстяными нитями, рядами ажурных узоров; они справедливо заслужили оценку лучших в мире среди подобных изделий по своему высокому художественному мастерству [Ляпунова, 1975б; Black, 1982]. Великолепна и миниатюрная костяная скульптура, относящаяся к этому времени. Здесь и прекрасно выполненные фигурки морских животных, птиц, людей и скульптурные группы [Иванов, 1949; Ляпунова, 1967а]. Вырезали и украшали ажурной резьбой, цветным гравированным орнаментом задние и боковые пластинки для деревянных конических шляп [Ivanov, 1928; Ляпунова, 1985б], костяные коробочки, ложки, вилки и т. д. Интересно отметить, что ни самые ранние этнографические, ни археологические материалы не дают свидетельств существования столь высокохудожественной резьбы по кости у алеутов [публикации коллекций см.: Black, 1982].

Возможно, что художественное творчество алеутов в русский период стимулировалось большим интересом, который проявлялся в те годы к их художественным изделиям. Сбором коллекций занимались уже первые посетители островов, затем — участники русских кругосветных экспедиций, а также экспедиций других стран; далее шел сбор коллекций для музеев Академии наук.

Лучшему качеству изделий способствовали, конечно, и новые, более совершенные инструменты, материалы. В целом же, не боясь преувеличения, можно говорить о своеобразном расцвете художественного творчества алеутов в русский период, что надежно подтверждено музейными собраниями, причем хранящимися не только в СССР, но и за рубежом [ibid.]

Сохранялся в течение русского периода и оригинальный алеутский фольклор. Образцы его — мифы, героический эпос, сказки, исторические предания, бытовые рассказы, песни (всего 127 текстов) — были записаны В. И. Иохельсоном на Алеутских островах в 1909—1910 гг. [1915, 1919, 1923; Jochelson, 1933; см. также: Bergsland, 1959; Гурвич, 1963; Stories . . ., 1979; Ляпунова, 1984].

В области общественных отношений в русский период наблюдалась тенденция сохранения традиционных норм жизни и управления. Но для проведения своего влияния, достижения экономических выгод местное управление подводилось под непосредственный контроль администрации Российско-Американской компании (с введением централизованного управления).

Однако в результате переселений началось разрушение большеfamilialных общин, составлявших раньше алеутские селения. На первое место стали выдвигаться семейные и соседские связи. Если и раньше у алеутов уже начинали выделяться малые семьи, то сейчас данный процесс усилился. Особенно это видно по жилищам: большие дома все более уступали место отдельным для каждой малой семьи. Старые большесемейные общины распались и из-за того, что нарушались их производственные функции. Теперь все алеуты получали за свой труд плату от компании и снабжались через нее продовольствием. Но традиционный обычай взаимопомощи сохранялся. Мясо добытых крупных животных делилось на все селение. П. Н. Головин оставил любопытное наблюдение, относящееся к 1860 г., т. е. к самому концу существования компании: «Обычаи и нравы туземцев, населяющих колонии, в особенности алеутов, таковы, что престарелый, увечный и сирота никогда не останутся без призрения. Каждый снискивает себе насущный хлеб своими трудами, но считает долгом уделять часть неимущему. У алеутов в особенности это развито в такой степени, что на промыслах опытные промышленники уделяют всегда часть молодым, изучающим ремесло под их руководством, а также больным и престарелым, которые сами не могут промыслять добычи. Возвращаясь с рыбной ловли, алеут весь улов свой оставляет в байдарке, предоставляя каждому нуждающемуся взять для себя необходимое, а сам довольствуется остатками, зная, что в случае нужды он точно так же может воспользоваться частью добычи своего товарища. Это правило обоюдно помогать друг другу вкоренилось в нравах алеутов, и странно было бы видеть, если бы кто-нибудь стал просить, чтобы ему оказали пособие; он пользуется этим пособием по праву. Поэтому есть туземцы зажиточные, есть бедные, но нищих нет. Управляясь вообще общиной с помощью избирае-

мых тоенов, туземцы никогда не допустят своего соплеменника впасть в нищету. Сирот по общему уговору также всегда пристроят, и принявшие их на свое попечение заботятся о них совершенно, как о собственных детях. Само собой разумеется, что компании не было никакой надобности ослаблять этот похвальный обычай и брать на себя издержки для заведения богадельни, сиротских домов и проч., когда некого было призывать» [1862, с. 78]. Старались русские не нарушать и традиционных норм общественного распределения пищи. Особенно это видно по введенным Российско-Американской компанией системам оплаты на Командорских и Прибылова островах: они основывались на коллективных нормах распределения с учетом и нетрудоспособных членов общины, и разных общественных нужд.

С массовым введением христианства у алеутов с конца XVIII в. стали утверждаться некоторые русские обычаи в семейных отношениях (сватовство, венчание и др.), но к традиционным алеутским нормам брака проявляла определенную терпимость даже православная русская церковь. Постепенно внедрялась и русская система родства, сосуществовавшая с традиционной алеутской [Файнберг, 1964, с. 151–160].

Характерной чертой Русской Америки XIX в. было распространение там просвещения, образования в среде коренного населения, а также введение мер по охране здоровья. Начатая еще первыми русскими промышленниками просветительская деятельность со времени организации Российско-Американской компании стала систематически вестись через организуемые ею школы и училища.

Первая русская школа в Америке, на Кадыяке, была открыта в 1784–1786 гг. Г. И. Шелиховым. Перед школой ставились задачи обучения наиболее способных из числа юных аборигенов не только русскому языку, но и математическим наукам, навигации, ремеслам и художествам с тем, чтобы приспособить местное население к новому образу жизни, необходимым для него работам и профессиям. Первыми учителями были промышленники, мореходы, миссионеры [Русские открытия. . . 1948, с. 188, 211, 237]. В 1805 г. ревизовавший владения компании Н. П. Резанов преобразовал эту школу в училище. Большую роль в перестройке и организации обучения в училище сыграл перомонах Геден, находившийся по поручению Синода на Кадыяке с 1805 по 1807 г.; он первый осуществил и перевод молитв на язык аборигенов [Ляпунова, 1979в]. Часть училища в последующие годы была переведена в Новоархангельск, на Ситху. Обучение и пансион шли за счет средств компании, за что лица, получившие образование, должны были отработать в ней 6–10 лет. Кроме общеколонийного училища в Новоархангельске и на Кадыяке имелись школы для мальчиков. Закончившие обучение занимали в колониях должности писарей, конторщиков, мастеровых, дьячков, матросов и т. п. Имелись и школы для девочек, где их обучали домоводству и рукоделиям.

В начале 40-х гг. XIX в. в Новоархангельске было организовано духовное училище, а в 1845 г. туда была переведена духовная семинария с Камчатки, слившаяся с этим училищем (в 1859 г. она была переведена в Якутск). В семинарии дополнительно к обычному курсу было введено обучение «туземным языкам» и врачебному искусству в таком объеме, что выпускники могли «замещать посредственных лекарей» [ЦГИА, ф. 796, он. 134, д. 1861]. Преподавание медицины вели приглашенные на службу компании доктора, работавшие и в новоархангельской больнице. Кроме того, при больницах состояли ученики лекарей, большей частью из креолов. Убедительным свидетельством заботы о состоянии здоровья населения является создание больниц в колониях и медицинской службы в целом. На о-вах Уналашка и Атха имелись больницы с фельдшерами. Самая большая в колониях больница была в Новоархангельске: на 40 коек, с двумя докторами, тремя фельдшерами и четырьмя учениками; несколько меньшая — на Кадьяке: на 10 коек, с одним доктором, двумя фельдшерами и пятью учениками. Кроме того, доктора и фельдшера объезжали для оказания медицинской помощи и другие места колоний [Головин, 1862, с. 70—77]. В 1859 г. в Новоархангельске было учреждено общее училище российско-американских колоний (для мальчиков), соответствующее по программе трехклассным сибирским уездным училищам, но с добавлением некоторых специальных предметов, готовящих одних для поступления на морскую службу, других — в конторщики, третьих — в духовное звание.

Помимо указанных училищ и школ при всех церквях и многих часовнях имелись церковноприходские школы, где обучали грамоте. Воспитанников, показавших в школах и училищах хорошие успехи, отправляли для продолжения образования в Петербург, в Кронштадтское штурманское училище или в другие учебные заведения, а также для обучения разным ремеслам; с 1816 г. специально решено было учить их также в Петербургской медико-хирургической академии. Первая группа креолов была отправлена в Петербург по распоряжению Н. П. Резанова в 1805 г. В дальнейшем в России ежегодно находилось от 5 до 12 человек, обучавшихся морским, коммерческим, медицинским наукам и необходимым в колониях ремеслам. Однако высокая смертность креолов, связанная с переездом с Аляски, и отсутствие у них иммунитета к ряду инфекционных заболеваний снижали эффективность этого предприятия. Из числа креолов, обучавшихся, например, в Кронштадтском штурманском училище, вышли такие известные мореплаватели и исследователи Аляски, как А. Глазунов, А. И. Климовский, А. Ф. Кашеваров, П. Ф. Колмаков, П. В. Малахов и др. [Головин, 1862, с. 64—70; Тихменев, 1863, с. 270—276; Федорова, 1971, с. 191—195, 218—222].

Училище на Уналашке было организовано И. Вениаминовым в 1825 г., вскоре после его прибытия туда. В своих «Записках...» он отмечал удивительную склонность алеутов к обучению, появле-

ние большого числа грамотных среди них. Вениаминов писал: «...в этом отношении они не уступят многим просвещенным народам. В последнее время, т. е. когда появились переводы на их язык, умеющих читать было более, чем шестая часть (подчеркнуто Вениаминовым. — *Р. Л.*); и есть селения, где из мужчин более половины грамотных, а на одном острове (Св. Павла) почти все до одного умеют читать. Грамотность между алеутами распространяется сколько через училище, существующее с 1825 г., а более самоучкою. И, судя по их желанию и охоте к учению, можно утвердительно сказать, что со временем алеуты все будут грамотны» [1840, II, с. 322]. И действительно, как сообщал уже в 1860 г. П. Н. Головин, училище на Уналашке находится «в цветущем состоянии», доказательством чего служит то, что все алеуты здесь грамотные; «училище это помещается в компанейском доме, обучением занимаются священнослужители. В 1860 г. в училище находились 50 мальчиков и 43 девочки, большей частью алеуты» [1862, с. 69]. В отчете о состоянии епархии за 1866 г. отмечается, что в училище на Уналашке занимаются 90 мальчиков и девочек; преподают им пономарь, дьячок, священник и его жена. В училище Атхинского отдела (главное селение которого было переведено на Амлю) обучением детей занимается причетник, а иногда сами алеуты. «В дальних селениях по островам алеуты учатся грамоте друг от друга» [ЦГИА, ф. 796, 1866 г., он. 147, д. 2133].

Овладение грамотностью, новым языком, желание приобщиться к новой культуре — все это свидетельства проявления интереса алеутов к европейской культуре, а в данном случае — русской, о котором писал А. П. Окладников, отмечая успех миссионерской деятельности И. Вениаминова среди алеутов (см. с. 92). На это указывал и тот факт, что алеуты быстро переняли от русских новые для них ремесла, успешно применяя их в быту, в своей деятельности. Вениаминов пишет об этой «переимчивости» алеутов: «Между ними есть хорошие столяры, плотники, купоры, слесари, кузнецы и сапожники». И далее он говорит о том, что «из здешних алеутов никто не имел случай обучаться в высших училищах; но из тех, кои здесь имели случай выучиться мореходству, некоторые считались знающими свое дело (я не говорю о креолах). Напр.: некто Устюгов, природный алеут, очень хорошо знал морское дело; его морская карта реки Нушегака (первая из всех) и по сие время считается очень верной» [Вениаминов, 1840, II, с. 15—16]. Алеуты были главными строителями уже при сооружении в 1825 г. церкви на Уналашке; причем церковь «внутри украшена довольно порядочным иконостасом с колоннами и резными позолоченными рамами работы самих алеутов» [там же, I, с. 174]. Сам Вениаминов, владея многими ремеслами, обучал алеутов плотничьим, столярным, сапожным работам, иконописному искусству и даже часовому делу.

Обращала также на себя внимание посетителей островов в качестве иллюстрации хороших способностей, природного ума

алеутов их игра в шашки и шахматы, воспринятая от русских. Г. А. Сарычев писал, что алеуты играют «в шашки, большую игру, называемую шах, так хорошо, что никто из спутников наших не мог у них выиграть» [1952, с. 218]. Со времен плаваний промышленников обучились они и игре в шахматы. Причем король назывался у них «старым человеком», а королева во всех позициях должна была обязательно находиться слева от короля, поскольку женщина по алеутским обычаям не могла стоять с правой стороны мужчины [Laughlin, 1980, p. 131], т. е. они сделали игру более «алеутской». И. Вениаминов пишет, что алеуты «большие охотники до шахматной игры, и очень многие из них играют очень хорошо, даже есть такие игроки, которых с трудом может обыграть и отличный игрок» [1840, II, с. 308].

Большие изменения в жизни алеутов, особенно в формировании их духовной культуры, связаны с пребыванием на Уналашке в качестве священника Уналашкинского отдела И. Вениаминова (см. с. 49). Его деятельность на Аляске и Алеутских островах как миссионера, ученого-этнографа и просветителя хорошо известна [см.: Барсуков, 1883; Степанова, 1947; Shenitz, 1967; Окладников, 1976, 1983; Окладников, Васильевский, 1976; Арсеньев, 1979]. Огромной научной заслугой Вениаминова стало и создание алеутской письменности, составление грамматики и словаря алеутского языка, сохраняющих уникальное научное значение и до наших дней [1846]. Вениаминов считается сейчас основателем «алеутской церкви», которая прочно вошла в жизнь аборигенов благодаря присутствию в ней определенным образом трансформированного духовного наследия алеутов, их традиционной духовной культуры.

Мы уже отчасти касались вопроса о формировании под влиянием православной религии «алеутской веры» и «алеутской церкви», говоря о первом этапе русского периода. Начавшиеся в те годы процессы активно продолжались во времена существования Российско-Американской компании.

Как известно, идейной основой политики христианизации инородцев Сибири была русификация. Иркутский архиепископ Вениамин прямо высказывался по этому поводу: «С принятием христианства обратятся в русских» [Харламович, 1904]. Но такая христианизация алеутов, как мы уже отмечали, не состоялась ввиду особых исторических условий проникновения к ним христианства на первом этапе, а именно через простых русских промышленников в его народном, бытовом варианте. Результатом было то, что алеуты привнесли в русское православие многие черты своих традиционных представлений и понятий, по-своему трансформировали преподнесенную им веру. Мы приводили мнение И. Вениаминова, что уже в его время трудно было различить, где христианское вероучение, а где алеутское традиционное [1840, II, с. 141 — 143]. В качестве еще одного примера можно отметить описанный В. Лафлиным сохранившийся у современных алеутов традицион-

ный институт, называемый «anaaqisagh», заключающийся в особых отношениях, связях между взрослым человеком и не состоящим с ним в непосредственном родстве ребенком начиная с его рождения. Они предполагают заботу такого человека о ребенке — его питании, одежде, своевременном и надлежащем обучении. В свою очередь ребенок ответственен перед партнером по anaaqisagh и, достигнув взрослого возраста, должен проявлять заботу о нем [Laughlin, 1980, p. 59]. В этом обычае ясно усматриваются, с одной стороны, отношения крестного отца или матери и крестника либо крестницы (хотя Лафлин на это и не указывает), а с другой — свойственное традиционной культуре алеутов воспитание детей не родителями, а братом матери (особенно мальчиков) или другими родственниками, что было характерно для переживаемой ими до прихода русских стадии перехода от материнского рода к отцовскому [Файнберг, 1964, с. 77, 151—160].

Наиболее отличительной чертой изменений, происходивших в духовной культуре аборигенов, явилось участие самих алеутов в лице их наиболее влиятельных лидеров, подготовленных предыдущими контактами с русскими к культурным переменам, в создании и распространении новой «алеутской веры», в разработке алеутской письменности. Как пишет Л. Блэк, в ареале восточных островов Алеутской гряды таким лидером, «активным участником событий, сделавших православную церковь в очень глубоком смысле „алеутской церковью“ и алеутскую письменность — наследством алеутского народа», был И. Паньков. На Андреяновских островах сходную роль играл тоен Амли В. Дедюкин [Black, 1977, p. 94]. Не преуменьшая заслуг И. Вениаминова в его просветительской деятельности среди алеутов, а особенно в создании письменности на алеутском языке, Блэк на основании изучения архива Аляскинской церкви и архива Вениаминова (журнала и «бумаг», хранящихся ныне в библиотеке конгресса США) показала ту большую роль, которую сыграли Паньков, другие алеуты и ранее, следовательно, русские промышленники в распространении новой, более высокой культуры, русской грамотности и, наконец, в создании письменности на алеутском языке.

Интересно, что именно просветительская и миссионерская деятельность первых русских промышленников и поселенцев послужила побудительным толчком, склонившим И. Вениаминова к согласию поехать на отдаленные Алеутские острова. По указу Синода 1823 г. из Иркутска туда должен был быть направлен священник. Но желающих не нашлось; отказался и Вениаминов. Убедил его ехать к алеутам прибывший в Иркутск русский поселенец Лисьих островов И. Крюков, почти 40 лет проживший среди алеутов. Крюков был женат на алеутке, построил там в 1806 г. первую часовню. Его сын, С. Крюков, стал управляющим компании на Умнаке, а впоследствии главой селения на этом острове (потомки Крюковых и поныне живут в с. Никольском). Как писал сам Вениаминов, «...чего-чего не рассказывал он мне об Америке

вообще, и об алеутах в особенности, и чем-чем он не убеждал меня ехать на Уналашку». Однако согласился ехать он не сразу, но вдруг неожиданно для себя самого «... весь загорелся желанием ехать к таким людям», хотя спутниками в трудной дороге должны были стать его мать, жена, сын и брат [Барсуков, 1883, с. 11—12].

Ко времени прибытия И. Вениаминова на Алеутские острова И. Панькову было 46 лет, он являлся тоном Тигалды (о-ва Креницына) и одним из влиятельных алеутских лидеров в ареале восточных Алеутских островов. Паньков свободно владел русским языком, был грамотен и знал православную теологию. Вениаминов относит к заслугам Панькова склонность алеутов к принятию христианской религии, их осведомленность в основных ее правилах, что он заметил уже во время первого посещения о-вов Креницына. И этим Вениаминов объясняет тот хороший прием, который был ему оказан по прибытии на Лисьи острова вообще и Креницына в частности [Black, 1977, p. 97].

По архивным документам Аляскинской церкви Л. Блэк установила, что И. Вениаминов встретился с И. Паньковым вскоре после своего прибытия на Алеутские острова и что с тех пор Паньков стал его постоянным гидом, наставником, переводчиком и поручителем в общении с алеутами, часто путешествовал с ним по приходу Уналашкинской церкви (в который входили Лисьи и Шумагинские острова, п-ов Аляска, о-ва Прибылова).

Иван Паньков был сыном Гаврилы Панькова, уже крещеного алеута, на что указывают его имя и фамилия. И, очевидно, крестил его и установил с ним промысловое партнерство мореход Д. Паньков, посещавший о-ва Креницына во время своих плаваний на Алеутские острова в 1758—1763, 1770—1774 и 1780—1786 гг. Как вполне обоснованно предполагает Л. Блэк, Иван мог быть в свою очередь малолетним крестником того же Панькова (в его последнее плавание). Поскольку, по свидетельству И. Вениаминова, И. Паньков, будучи «природным алеутом», безо всякого акцента говорил по-русски, был грамотен, то, следовательно, обучался языку еще в детстве и юности, очевидно, в одном из городов Камчатки или в Охотске, живя, может быть, в доме крестного отца и посещая школу [см.: Black, 1977, p. 103].

И. Вениаминов неоднократно отмечал в предисловиях к изданиям священных текстов на алеутском языке и в письмах к архиепископу Михаилу в Иркутск активное участие И. Панькова в работах по переводам и созданию алеутской письменности. Подобные сведения содержатся и в его архиве: «...но моему приглашению и моему прошению в начале этого месяца прибыл тоном Тигалды Иван Паньков. Вместе мы проверили мой перевод катехизиса до „Символа веры“ и начали работу над дальнейшими главами. . . На Пасху мы закончили работу над катехизисом и в течение нее проверили его» [ibid.]. О причастности Панькова к созданию алеутского алфавита свидетельствует замечание Вениаминова, что он исправлял диакритические знаки на буквах во время работы над катехизисом [ibid.].

В мае 1826 г. Вениаминов послал переписанный экземпляр катехизиса архиепископу Михаилу для представления его затем в Синод, чтобы получить разрешение печатать. Экземпляр катехизиса сопровождала петиция алеутских лидеров, знающих русский язык, подписанная ими. Первым в списке подписей — И. Паньков. В архиве Синода хранится дело на 47 листах «...о дозволении напечатать христианский катехизис, переведенный на алеутский язык», с письмом Вениаминова и прошением алеутов, а также сам текст катехизиса [ЦГИА, ф. 796, 1828 г., он. 109, д. 1686; документы о следующих переводах Вениаминова с их приложениями см.: ЦГИА, ф. 796, 1832 г., он. 113, д. 1798; 1833 г., он. 114, д. 1308; 1839 г., он. 120, д. 784]. В сопровождающем письме Вениаминова читаем: «...не доверяя своим знаниям, я обращался за помощью к тоену Ивану Гавриловичу Панькову, лучшему переводчику по всей цени. Он природный алеут, но знает русский язык хорошо, говорит он с нем без всякого акцента и грамотен. Ему 49 лет от роду, живет он в селении, где живут одни алеуты, так что не может быть сомнений в его совершенном знании его собственного языка. Катехизис был переведен с его помощью; но я, не думая, что работа уже завершена, делал следующее: читал из этой работы в собрании алеутов во время своих вояжей по восточной части моего прихода, обсуждал текст с наиболее знающими алеутами и спрашивал их мнение о качестве работы; они одобрили текст и выражают желание иметь его» [ЦГИА, ф. 796, 1828 г., он. 109, д. 1686; см. также: Black, 1979, p. 103].

Синод не утвердил присланного текста, ибо им уже был принят к распространению новый, сокращенный катехизис, который был отправлен Вениаминову для перевода. Вениаминов вновь призывает Панькова. И в июле 1830 г. второй вариант катехизиса был закончен (он используется алеутами и сегодня). Учитывая длительность пересылок в те годы, перевод был сделан очень быстро. В 1832 г. он был одобрен Синодом.

Далее Вениаминов с Паньковым занялись переводом «Евангелия от Матфея». Блэк сообщает, основываясь на записях в журнале Вениаминова, что работа не продвигалась, если отсутствовал Паньков. Во время встреч они трудились целыми днями, а иод конец, как пишет Вениаминов, — целыми сутками. «Мы работали следующим образом: с раннего утра до ночи занимались переводами; вечерами в собрании наиболее образованных алеутов и в присутствии всех желающих мы читали текст, переведенный в течение дня» [см.: Black, 1977, p. 104]. Вениаминов отмечает, что известие об их работе распространилось по селениям и островам и многие алеуты даже из отдаленных селений и островов приезжали послушать и понаблюдать за работой [ibid.]. Любопытно, как объясняет Вениаминов замену при переводе двух стихов из евангелия (VII-17 и IX-17) стихами из других проповедей на тему страданий Христа: первого — из-за отсутствия в местном языке названий для употребляемых там понятий; второго — из-за неясности «сущности значений» [ibid.]. Это безусловно было сделано с учетом мнения

Панькова и благодаря проявленной Вениаминовым гибкости, тактичности, адаптации текста применительно к религиозным представлениям алеутов. Из сказанного можно сделать также вывод, что и весь текст перевода приводился в соответствие с существовавшими тогда уже несколько трансформированными традиционными понятиями алеутов. Ведь еще до прибытия Вениаминова у алеутов стали складываться особые представления, являющиеся соединением полученных ими первых своеобразных сведений о христианской религии (о чем мы уже упоминали выше) с их религиозными концепциями и понятиями. В дальнейшем это сыграло определенную роль при формировании существующей и поныне «алеутской веры» — православной религии с алеутскими инновациями. На такой синкретизм указывает ряд фактов.

Например, в документах из архива Аляскинской церкви указывается, что в конце своей жизни И. Паньков организовал силами самих алеутов строительство двух церквей на о-вах Креницына: на Акуне (в 1842 г.) и на Тигалде (в 1844 г.) — с иконостасами «прекрасной алеутской работы», а построены они были, очевидно, около мест, считавшихся священными для алеутов докоптактного периода [Black, 1977, p. 98]. Таким же примером религиозного синкретизма является и приводимый И. Вениаминовым в письме к архиепископу Михаилу рассказ о шамане и тоене о-ва Акун И. Смиренникове (крещенном иеромонахом Макарием), который предсказывал своим сородичам прибытие Вениаминова на Акун. Об этом шамана будто бы предупреждали являвшиеся к нему вот уже 30 лет духи, напоминавшие по виду православных ангелов и обучавшие его правилам христианского вероучения [Барсуков, 1883]. А. П. Окладников писал по данному поводу: «Так обнаружился своеобразный алеутский христианско-шаманский синкретизм. Сказалась удивительная смесь древних шаманских воззрений с обрывками новой, православной мифологии» [1976, с. 125]. Так же причудливо сплелись христианская (и даже дохристианская) мифология и алеутские легенды в предании о древе жизни алеутов и об его остатках, хранящихся ныне около церкви в с. Никольском на Умнаке (см. с. 94).

Д. Джонс, изучавшая жизнь современных алеутских общин в нескольких селениях, среди главных причин приверженности алеутов православной церкви называет адаптирование определенных церемоний из алеутских обычаев, службу как на алеутском, так и на русском языке [Jones, 1976, p. 19].

В церкви Вознесения на Уналашке сейчас находится первое издание (1840 г.) подготовленного И. Вениаминовым евангелия. Книга имеет богатое серебряное покрытие, украшенное миниатюрными иконами на эмалевых вставках; в тексте есть пометки, сделанные рукой Вениаминова для чтения годового цикла служб. На титульном листе этого евангелия, так же как и на титульном листе катехизиса 1826 г., вслед за именем Вениаминова следует имя тоена И. Панькова. Отдает Вениаминов должное заслугам Панькова и в предисловиях к переводам катехизиса и евангелия.

Таким образом, алеуты непосредственным образом участвовали в создании и своей «алеутской церкви», и своей письменности.

Мы уже упоминали о заслугах креола Я. Нецветова в просвещении атхинских алеутов. Интересно несколько более подробно остановиться на деятельности и биографии этого замечательного человека, что стало возможным благодаря исследованиям Л. Блэк в архиве Аляскинской церкви, публикации ею журнала Нецветова [The Journals. . ., 1980]. Вместе с тем важно на примере Нецветова, его братьев и сестры показать судьбу креолов Русской Америки, а на примере его отца — судьбу представителя ранних русских поселенцев Алеутских островов, создавшего здесь одну из первых алеутско-русских семей.

Яков был старшим сыном русского байдарщика, тобольского мещанина Г. В. Нецветова, в прошлом — ямщика [ЦГИА, ф. 796, 1828 г., оп. 109, д. 415]. В 1794 г. Нецветов прибыл на судне Г. И. Шелихова «Доброе намерение святого Александра» на Атху; в 1798 г. с группой алеутов Атхи отправился на о-в Святого Георгия, где был, по крайней мере до 1818 г., управляющим промыслами, но жил там и в дальнейшие годы. Он взял себе в жены алеутку, очевидно, с Атхи. У них было четверо детей: три сына и дочь. Второй сын Г. В. Нецветова, Осип, в 1822 г. с группой креолов (среди которых находились А. Ф. Кашеваров и З. П. Чиченев) был послан в Петербург для обучения в Кронштадтском штурманском училище. Он вернулся в Ситху в 1831 г. и работал судостроителем на верфи Новоархангельска. Его женой стала креолка Е. Носова. Младший сын, Антон, очевидно, тоже был послан в Россию для получения образования. Он вернулся в Ситху в 1836 г. и стал «вольным штурманом», мореходом, командуя судами компании. Жена его — креолка по имени Прасковья. Дочь Г. В. Нецветова, Елена, вышла в 1829 г. замуж за креола Г. К. Терентьева, приказчика главной конторы компании в Ситхе, также получившего систематическое образование сначала в училище компании, а затем в Петербурге. Впоследствии Терентьев стал управляющим Атхинского отдела колоний.

Я. Нецветов родился в 1804 г. на о-ве Святого Георгия и жил там, работая в компании. В 1823 г. он был отправлен на учебу в Иркутскую духовную семинарию, куда выехал вместе с отцом и сестрой; в 1826 г. закончил семинарию и был назначен дьяконом в одну из церквей Иркутска. К этому времени компанией было начато строительство церкви на Атхе и сделан запрос в Иркутск архиепископу Михаилу о священнике для нее. Единственным кандидатом стал Нецветов, который был посвящен вскоре в священники и направлен на Алеутские острова. Вместе с ним из Иркутска выехали его молодая жена Анна (русская), отец и сестра. Г. В. Нецветов остался с тех пор жить на Атхе, где и умер в 1837 г. (у церкви святого Николая до сих пор сохраняется могильная плита с его именем и краткими биографическими сведениями).

Я. Нецветов с энтузиазмом занялся своими пасторскими обязанностями и организацией школы на Атхе, строительством

специального нового здания для нее (силами самих учеников под его руководством). Активно вводил он на острове и огородничество.

Я. Нецветов успешно проводил обучение детей, и многие из молодых людей, который стекались к нему и с других островов Алеутской гряды, стали его последователями. Среди них наиболее известны креол Л. Саламатов, который был сначала чтецом в церкви, затем дьячком, а после перевода в 1844 г. Нецветова на Юкон заменил его в должности священника, и алеут И. Шаешников, ставший в 1848 г. первым алеутом — священником церкви Уналашкинского отдела. Наряду со своими церковными и школьными делами Нецветов в свободное время изучал медицину, а также изготовлял препараты рыб и морских животных для музеев естественной истории в Петербурге и Москве. Но, конечно, самые значительные его занятия — перевод на алеутский язык священных и мирских текстов, участие в создании алеутской письменности.

Я. Нецветов поддерживал тесные связи с И. Вениаминовым, занимаясь вместе с ним разработкой алеутской письменности применительно к атхинскому диалекту. Но сперва он начал переводить священные и мирские тексты на атхинский диалект самостоятельно, а лишь затем объединился с Вениаминовым. Вот что написал Вениаминов об этом и о самом Нецветове: «Достойный пастырь, который как примерно благочестивою жизнью своею, так и словом своим весьма много сделал для блага церкви. В последнее время он, просматривая мои переводы евангелия и катехизиса на алеутском языке, сделал пояснения для атхинцев и перевел еще несколько из Нового завета с пояснением для уналашкинцев» [1840, II, с. 158–159]. И еще: «Священник Яков Нецветов, проверив мой перевод, решил вместо особого перевода для атхинцев (как он намеревался сделать и уже начал делать) добавить к переводам комментариев для своих прихожан, которые говорят на том же языке, но другого диалекта, чем уналашкинцы. Так мой перевод будет служить для обеих групп». Он сделал это, как утверждается в его введении к атхинскому катехизису, в надежде, «что читающие на одном языке, на том же самом диалекте, могут придти к появлению общего диалекта и через этот общий диалект все алеуты станут братьями, неотделимыми в духе христианского учения, как они теперь братья через общих предков. В дополнение к упомянутым [выше текстам] отец Яков перевел на атхинский диалект первую главу Луки и две начальные главы Деяний апостолов, добавив к ним пояснения для уналашкинцев» [Вениаминов, 1857, с. 234].

Ценным вкладом в науку являются этнографические материалы Я. Нецветова. Он собрал для И. Вениаминова сведения о культуре атхинских алеутов — центральных и западных групп, отметив некоторые ее отличия от культуры восточных алеутов. Эти материалы включены в ч. III «Записок...» Вениаминова с соответствующей

пометой [1840]. Другой его большой научной заслугой является составление обширного словаря атхинского диалекта, снабженного семантическими пояснениями.⁷ Перевел он также некоторые статьи на алеутский язык, написал проповеди на этом языке и ввел обучение церковной музыке.

Я. Нецветов пользовался большим уважением и любовью своих прихожан, а также авторитетом у Главных правителей колоний Ф. П. Врангеля (1830—1835), И. А. Купреянова (1835—1840) и А. К. Этолина (1840—1845). В 1835 г. Нецветов был пожалован камилавкой в знак признания его церковных заслуг и вклада в обучение детей Атхинского отдела. В 1842 г. во время посещения И. Вениаминовым (уже в качестве епископа Камчатского, Алеутского и Курильского) Атхинского отдела Нецветов был награжден нагрудным крестом за переводы священных текстов. Когда Вениаминов счел возможным установить миссионерский пост в отдаленном регионе Нижнего Юкона, в окрестностях редута Святого Михаила, то выбор пал на Нецветова.

В 1844 г. Я. Нецветов направился в Икогмют (ныне — Русская миссия), на Юкон, где пробыл миссионером до 1863 г. Его сопровождали ученики и помощники (И. Шаешников, К. Лукин и В. Нецветов). В Икогмюте Нецветов изучил еще один язык, построил еще одну церковь и создал православную общину. В конце своей деятельности он получил сан протоиерея, высший немонашеский сан православной церкви.

Личная жизнь Нецветова сложилась неудачно. Его жена вскоре по приезде заболела и в 1836 г. умерла. Детей у них не было. В новый брак Нецветов не вступил. В 1863 г. он вернулся в Ситху, где и умер в 1864 г.

Мы уделили такое значительное внимание сложению «алеутской церкви», поскольку в последующие годы она стала средством групповой солидарности, этнической идентификации, а в целом — одним из основных консолидирующих алеутскую народность факторов. Это отмечали и американские авторы [Berreman, 1954, 1955; Jones, 1976; Black, 1977].

Лучшим свидетельством того, что «алеутская церковь» выступала как средство групповой активности и солидарности, пишет Л. Влэк, является негативное отношение к ней в американский период Бюро по делам индейцев, а также лиц, экономически эксплуатировавших район. Она приводит один из многих таких примеров. Член команды европейского китобойного судна, прибывшего на Акун, с возмущением описывает, что для того, чтобы нанять рабочих, капитану пришлось сначала оповестить об этом главу селения, который созвал совет для обсуждения всех вопросов, затем проведена была церковная служба, и только после этого пришли на борт судна для работы алеуты. Кроме того, алеуты

⁷ Словарь этот широко используется сейчас лингвистами; см., напр.: Меновщиков, 1986.

непоколебимо соблюдали все церковные праздники, по которым они не работали. Спаянность русской системы сельской администрации с религиозными обычаями, пишет К. Биркеланд, делает невозможной миссионерскую работу другой церкви среди алеутов и является препятствием для обучения их английскому языку. Хотя они называют себя христианами, но, по его мнению, их религия есть не что иное, как явное язычество [Birkeland, 1926, p. 79—85].

Отмечая особую приверженность современных алеутов (выдержавших в XIX—XX вв. сильный натиск протестантских миссионеров) к православной религии и их утверждение, что она — их национальная вера, американские исследователи видят в этом традиции русского периода истории Аляски. Среди них они выделяют работы в области просвещения населения с освоением и употреблением языка коренных жителей, приближение религиозных понятий к национальным алеутским, терпимость к институтам традиционной культуры, подготовку миссионеров из числа аборигенов [Smith, 1980, p. 10, 11].

Таким образом, особенность русского периода истории алеутов заключается в том, что в целом приход русских не привел к ломке традиционного уклада жизни, к уничтожению их самобытной культуры, хотя в экономических и общественных отношениях, а также в материальной и духовной культуре и произошли тогда определенные изменения. К концу русского периода сложилась своеобразная алеутская культура, включившая многие (часто сильно трансформированные) черты русской народной культуры конца XVIII—первой половины XIX в., которая сохраняется как национальный пласт и до сих пор. Современные американские исследователи называют ее алеутско-русской культурой. Но такое определение представляется не вполне точным, ибо в усвоенные русские культурные черты алеуты вложили свои особенности, свою самобытность, что свидетельствует об этнокультурном развитии народа в тот период.

АЛЕУТЫ США

(70-е гг. XIX в. — СОВРЕМЕННОСТЬ)

Американский период истории Аляски в плане воздействия на этнокультурные процессы у алеутов оказался совершенно иным, чем русский, что в первую очередь было связано с социально-экономическими условиями их жизни.

Внутри этого периода для Аляски в целом выделяется обычно несколько исторических этапов, в каждый из которых особым образом складывалось социально-экономическое положение, проявлялось состояние национальной культуры и языка аборигенов. Эти этапы были характерны и для алеутского ареала, хотя здесь имелись и небольшие отличительные особенности.

Первый этап американской истории Аляски — с 1867 до 1887 г. — время почти полного отсутствия какого-либо внимания со стороны американских властей к приобретенным областям: были проведены лишь некоторые исследовательские работы. В районе Берингова моря велся китобойный промысел (начало ему было положено еще в 1820 г.), орудовали мехоторговцы, связанные, как правило, с крупными фирмами (Alaska Commercial Company, North American Commercial Company).

Второй этап — с 1887 по 1909 г. — знаменателен тем, что на Аляске были обнаружены огромные богатства: лосось и золото. Стали бурно развиваться рыбоконсервная промышленность и добыча золота, в связи с чем сюда хлынули тысячи авантюристов, неся с собой алкоголь и болезни, резкое ухудшение социально-экономических условий жизни аборигенов. В эти годы началась на Аляске миссионерская деятельность американской церкви и стали открываться американские школы. С 1885 по 1908 г. первым уполномоченным по образованию на Аляске был пресвитерианский миссионер Ш. Джексон, проводивший решительную политику насильственного обращения аборигенов в исповедуемую белыми людьми веру, насаждения их культуры и языка. Именно поэтому с данного времени стали подвергаться гонению языки и культура национальных меньшинств Аляски, в школах было введено запрещение употреблять родные языки; оно распространялось и на домашнюю жизнь.

Третий этап — с 1910 до 1960 г. — был в целом периодом полного подавления культуры национальных меньшинств Аляски.

Школьным образованием стало ведать (с 1910 г.) Бюро по делам индейцев, которое вместе с большинством миссионерских школ продолжало политику американизации коренных жителей, введения повсеместно английского языка. В последние годы этого периода наметились и новые тенденции, реализованные лишь позже.

Четвертый этап — с 1960 по 1970 г. — стал поворотным в истории аборигенов Аляски, что было обусловлено качественно новым сдвигом в развитии северных народностей США и Канады, вызванным, с одной стороны, начавшимся в последние два десятилетия интенсивным промышленным освоением Аляски, а с другой — значительными успехами движения ее коренного населения (в том числе и алеутов) за свои социально-экономические права, сопровождающегося подъемом этнического самосознания.

С принятием в 1971 г. закона об урегулировании прав коренного населения Аляски на землю, являющегося большим достижением аборигенных организаций, начался новый этап не только в социально-экономическом, но и в культурном развитии народов Аляски. Увенчалась успехам и борьба за защиту их языков: в 1972 г. был утвержден законопроект, по которому для детей коренной национальности было введено образование на родном языке. Но вместе с этим обнаруживаются особые трудности в проблеме выбора путей развития северных народностей Америки, возникают сложности социального и этнокультурного порядка, включающие и все еще существующую национальную дискриминацию, и возможность получения и реализации аборигенами образования, и разрушение старых этнокультурных общностей наряду с болезненными противоречиями в новых социальных объединениях в процессе урбанизации и т. д. [Файнберг, 1971; Лопуленко, 1977, 1979, 1985; Krauss, 1980; Краусс, 1981; Агранат, 1982; Лянунова, 1985a].

После продажи Аляски алеуты (и креолы) были отнесены к разряду «нецивилизованных племен» и находились в этом статусе первые 48 лет (как и другие представители коренного населения Аляски, и даже некоторые русские). В 1915 г. всех их приравнивали в правах к американским индейцам и отдали под опеку Бюро по делам индейцев. И только в 1924 г. они получили права американского гражданства.

До 1884 г. Аляска (с Алеутскими островами) находилась под военным управлением; в 1884 г. она получила статус «округа» и был назначен федеральным правительством губернатор. В 1912 г. введен статус «территории» с местным самоуправлением. В 1959 г. Аляска стала 49-м штатом США.

После прекращения деятельности Российско-Американской компании на всем юго-западе Аляски наступил период запустения и упадка, длившийся (в отличие от других мест Аляски) почти до начала второй мировой войны. В окрестных водах бесконтрольно хозяйничали охотники за пушниной, представители мехоторговых фирм, китобои. Результатом стала угроза полного истреб-

ления котиков, морских бобров и других морских животных, служивших источниками заработков и пропитания алеутов (тогда как установленный русскими в последние десятилетия их владения Аляской режим контроля и сохранения меховых ресурсов давал уже эффект, что отмечают и американские авторы [Collins et al., 1945]).

В 1910 г. правительство США взяло под контроль поголовье морских котиков о-вов Прибылова и их промысел, заключив международную конвенцию. Коммерческая деятельность на Алеутских островах в предвоенное время ограничивалась в основном скупкой пушнины, действием китобойной станции на Акутане, разведением овец, ловлей и обработкой рыбы в ограниченных масштабах. Алеутские острова совершенно не участвовали в экономическом развитии, в некоторой мере затронувшем Аляску тех лет [ibid.].

Первые десятилетия после продажи Аляски алеуты продолжали вести такое же традиционное хозяйство, как и при русских, охотиться на пушных зверей, которых они теперь продавали (или обменивали на товары) американским торговцам, посещавшим острова. Основные же средства существования алеуты добывали, как и прежде, охотой на морских животных и рыболовством. Имеется единственное, очень любопытное описание промысла морских бобров алеутами у о-ва Санака, относящееся к данному периоду. Оно было опубликовано в «San Francisco Chronicle» 28 декабря 1890 г. [Heizer, 1960]. Это описание свидетельствует об удивительно хорошо сохранившихся традиционных способах охоты и всего образа жизни алеутов. Но в дальнейшие годы хищническое истребление животных, а затем и запрет на промыслы уже исчезающих морских бобров (в 1911 г.) подрывали основы их промыслового хозяйства.

Как известно из литературы, особенно большой урон животному миру прибрежных вод Аляски нанес американский китобойный промысел, начавшийся еще в конце деятельности Российско-Американской компании. Ежегодно у берегов Аляски курсировало, а позже — и зимовало 200—300 судов; темпы уничтожения китов, тюленей, моржей, оленей (мясо которых шло в пищу командам) привели к резкому сокращению поголовья животных. В 1880—1890 гг. было организовано большое число китобойных станций для промысла китов у побережий [VanStone, 1958; Файнберг, 1971].

Немногие имеющиеся сообщения свидетельствуют о крайней бедности алеутов того времени, прогнозируют их вымирание [для 1881 г. см.: Muir, 1918]. Чем дальше, тем все больше возрастала зависимость жизни алеутов от заработков, которые необходимо было находить на стороне: или на котиковых лежбищах о-вов Прибылова (с 1911 г.), или на судах, или при консервных заводах. Это отходничество в свою очередь еще сильнее подрывало жизнь общины, отвлекая трудоспособных мужчин во время промыслового

Морские охотники. Алеутские острова. 1893 г. [The Alaska Journal. 1971. Vol. 1, N 4].

сезона. Однако некоторое вовлечение алеутов в капиталистическое хозяйство не могло обеспечить им нужную заработную плату. Слишком мало было предприятий, где они могли бы применить свои силы. К тому же существующая национальная дискриминация не позволяла алеутам заниматься никакой другой работой, кроме самой неквалифицированной, а оплата труда аборигенов была к тому же, как правило, значительно ниже, чем белых: на Аляске она в 2—2,5 раза меньше, стоимость же продуктов и товаров там в 2—3 раза выше, чем в других штатах [Агранат, 1962, 1971a, 1971b].

Только на о-вах Прибылова, где была организована правительственная китиковая станция, уровень жизни алеутов был удовлетворительным. Они находились здесь на положении правительственных рабочих, имели сравнительно комфортабельные стандартные дома, электричество, уголь и в основном хорошо снабжались. Но В. И. Иохельсон пишет, что это больше напоминало почетную ссылку. Никто не мог посещать острова без разрешения правительства. Короткие отлучки алеутам позволялись неохотно, а после года отсутствия нельзя было уже вернуться. Описывая условия труда и оплаты алеутов на о-вах Прибылова, Иохельсон отмечает, что они сохранились со времен Российско-Американской компа-

нии и были установлены русскими. На расположенных здесь богатейших лежбищах морских котиков ежегодно летом велась отгонная охота. В промыслах принимали участие в той или иной мере все жители селений. Распределение платы за труд происходило следующим образом. Американская промышленная компания кредитовала общине по 2 доллара за каждую шкуру котика. Общий доход делился на паи, причем семьям выделяли паи по числу их членов независимо от количества работников, а вдовы и сироты умерших промысловиков получали свои доли. Глава каждой семьи мог соответственно этому из магазина получить одежду, привозную пищу, орудия, инструменты и другие предметы потребления. К концу года производился подсчет в деньгах и в случае избытков (или недостачи) разница переносилась на следующий год [Jochelson, 1928].

С начала американского периода число алеутов стало опять снижаться. Причины этого — ухудшение их экономического положения и рост заболеваемости (особенно туберкулезом) при полном отсутствии какой-либо медицинской помощи. В. И. Нохельсон сообщает, что в 1909—1910 гг. на о-вах Прибылова жили 282 человека, на п-ове Аляска в девяти селениях — 221, на Шумагинских островах — 9, Унимаке — тоже 9, Санаке — 36, Акутане — 51, Борьке — 46, на Уналашке в пяти селениях — 383, Умнаке — 100, Атке — 77, Атту — 62 человека [ibid., p. 413, 414].

На втором этапе американского периода, с 90-х гг. XIX в., некоторое оживление все же затронуло небольшую часть алеутского региона. В связи с «золотой лихорадкой» в Номе туда через Уналашку начали следовать многочисленные суда с пассажирами и грузами, и селение Уналашка (в прошлом — Гаванское, Иллюлюк) превратилось в бойкий порт. На о-ве Унга Шумагинских островов также было обнаружено золото, и на нем быстро вырос поселок золотопромышленников. У юго-западной оконечности п-ова Аляска стали строить рыбоконсервные предприятия. С этого времени все настойчивее проникает в жизнь алеутов значительная зависимость от денег. Вовлечение в экономику заработной платы происходило через торговцев и при настойчивом влиянии американских миссионеров и учителей.

С конца XIX в. американское правительство начало активную американизацию алеутов, что составляло часть политики усиленной ассимиляции коренного населения, проводимой в жизнь на Аляске в 1885—1908 гг. Ш. Джексоном. Задачи ее состояли в том, чтобы сделать аборигенов источником дешевой местной рабочей силы. Школьное обучение с данного времени основной своей целью ставило внедрение в среду алеутов американской культуры и образа жизни путем подавления и осмеивания их традиционной деятельности, склада жизни, языка и ценностей, замещая все это стереотипом поведения и понятиями белого человека. Но в довоенные годы школы только открывались, кое-где еще бытовало традиционное воспитание, дети находились под влиянием родителей,

ориентированных на алеутскую культуру [Bergetman, 1955]. Однако они все больше стали попадать под влияние белого учителя, который последовательно начиная с детских игр вытеснял традиционное воспитание. Последнее же составляло важную интегральную часть алеутской культуры, особенно в части детских тренировок и обучения искусству морского промысла и другим традиционным занятиям [Ransom, 1946b].

Политика американизации предусматривала и искоренение таких прочно вошедших в жизнь алеутов в русский период культурных традиций, как школьное образование с изучением русского языка. Последняя подобная школа сохранялась алеутами в Уналашке до 1912 г., и только тогда была закрыта, как несоответствующая политике американизации. Первые американские школы открылись на Унге в 1886 г., в Уналашке — в 1890 г.; обе школы находились под управлением методистского миссионерского общества. С передачей школьного образования в Бюро по делам индейцев миссионерские школы остались только в Уналашке и на Атке, но политика американизации продолжалась. К 1930 г. в нескольких алеутских селениях имелись федеральные школы, в Кинг-Кове и Уналашке — территориальные (заменившие миссионерские), а на о-вах Прибылова — школы от Управления департамента рыболовства США. В 1940 г. 76 % алеутских детей в возрасте от 5 до 14 лет были охвачены обучением — более высокий процент, чем среди индейцев и эскимосов. Таким образом, аккультурация среди алеутов оказалась большей, чем в других частях Аляски. В последние десятилетия XX в. алеутские сельские школы (элементарные и 8-летние) перешли в систему Управления школ Аляски. Для продолжения образования учеников раньше отправляли в так называемую высшую школу (10—12-летнюю) при Бюро по делам индейцев в Ситке. С появлением такой школы на Кадьяке предпочтение стали отдавать ей или анкориджской. В 80-х гг. высшие школы открылись на о-вах Уналашка и Святого Павла.

Американские авторы, описывая алеутов довоенного и послевоенного периодов, отмечали, что аккультурация разрушила их традиционные нормы жизни, не дав взамен надежных основ существования, следствием чего явились нищета, болезни, вымирание. Главной проблемой алеутов называют туберкулез, следующей — алкоголизм. Численность алеутов к 1930 г. снизилась до 1000 человек, столько же их было и в 1940 г. [Milan, 1974, p. 25].

С сокращением численности алеутов уменьшилось и количество занятых ими островов, а также селений на Алеутской гряде и п-ове Аляска, что началось еще в русский период. В годы, предшествовавшие второй мировой войне, алеутские селения существовали на о-вах Атту, Атка (половина всей гряды между ними оставалась незаселенной), Умнак, Уналашка, Акутан, Уникак, Акун, Санак. Самым крупным селением была Уналашка на одноименном острове (вместе с Датч-Харбором, расположен-

ном на о-ве Амакпак в том же Уналашском заливе, при русских носившем название Капитанского). Численность населения здесь (вместе с неалеутским) достигала 350 человек. Остальные селения были малолюдными: на Атту — 41 человек, Атке — 89, Унимаке — 88, Акутане — 80 человек. На п-ове Аляска и прилегающих к нему островах имелось несколько селений: Сэнд-Пойнт (99 человек), Унга-Айленд (79), Скво-Харбор, Бельковское (140), Павлов-Харбор (61), Кинг-Ков (135) [Американский Север, 1950, с. 114, 117]. Почти все они, за исключением аттовского, существуют и в наши дни. Большинство островов Алеутской цепи и северная часть юго-западной оконечности п-ова Аляска с 1913 г. объявлена природным заказником (Aleutian Islands National Wildlife Refuge). Не входит в него лишь несколько островов: Танага, Умнак, Уналашка, Акун, Акутан и Тигалда. Центр службы заказника располагается сейчас на о-ве Адак, где есть крупный населенный пункт (около 5000 жителей) с неалеутским населением. Часть Алеутских островов находится под управлением военного ведомства США.

Различия в жизненных условиях и этнокультурных ситуациях в отдельных алеутских селениях сильно варьировали в зависимости от больших или меньших контактов с миром белых, влияния капиталистической экономики. Описания жизни алеутов довоенного периода очень скудные.

В 1936 г. наиболее благополучным из алеутских селений А. Мэй, участник экспедиции А. Грдлички, называет селение на о-ве Атту [May, 1942]. Он указывает две основные причины этого: во-первых, здесь из-за крайней изолированности острова в наибольшей мере сохранился нетронутым традиционный уклад жизни; во-вторых, глава селения — М. Г. Ходиков — хорошо управлял им и к тому же запрещал употребление спиртных напитков на острове.

Селение располагалось в гавани Чичагова. В нем насчитывался 41 человек. Большинство жителей имели маленькие бревенчатые дома, но некоторые еще оставались в старых полунодземных жилищах, усовершенствованных в отличие от традиционных добавлением дощатых стен, полов, печей с дымоходом (и трубой) и окон. Многие аттовцы совсем не знали английского языка, четверо или пятеро пользовались отдельными словами, и только староста селения говорил на ломаном английском. Две-три женщины еще владели замечательным, но исчезающим искусством плетения корзин, хорошо известным в мире благодаря музейным и частным коллекциям. Лучшей плетельщицей была Васса Прокофьева. Она же единственная еще знала традиционные алеутские танцы, связанные с древними обрядами (все остальные жители уже предпочитали современные танцы).

В декабре — январе алеуты промышляли песцов на своем и соседнем острове (Агатту). И это было их единственным источником денежных доходов. Охота велась на общинных началах: добытые

шкурки делились между членами всей общины пропорционально величине каждой семьи (причем церковь получала обязательно один пай). Рыба, которую ловили кошельковым неводом и сетями, также распределялась между всеми обитателями. Тот же принцип общинности существовал и при добыче сивучей, только лишь охотник, проявивший большую сноровку, имел право первого выбора доли.

Мэй пишет, что все жители очень трудолюбивы и всегда заняты работой. После промыслов пушнины они принимались за рыбную ловлю, уходя в различные части острова и устанавливая там временные лагеря. Отправлялись и далеко в море на лодках с подвесными моторами в поисках плавника, заготавливаемого на топливо (но, кроме этого, им приходилось еще добавочно брать уголь из магазина). В определенные сезоны охотились на тюленей, сивучей, птиц, а также добывали яйца последних. Автор отмечает, что в их хозяйстве ничего не было лишним: гвозди от упаковочных ящиков они бережно собирали; из шкур, кишок и желудков морских животных делали обувь, камлейки, сосуды, а высушенными головами рыб разжигали огонь в печи.

Торговые привилегии на острове имел один американец, который посещал селение раз в году (оставаясь здесь неделю или две). Он забирал шкурки песцов и снабжал жителей продуктами, одеждой и другими необходимыми вещами. После его ухода староста брал на себя попечение о магазине с товарами. Мэй подчеркивает, что магазин представлял большую ценность для жителей, но в то же время наносил и вред. Покупая готовую одежду и обувь, алеуты переставали делать собственные непромокаемые кожаные сапоги (торбаса) и камлейки из кишок. В результате замечательные традиционные ремесла алеутов стали исчезать.

В селении находилось прекрасное (для такой маленькой общины) здание русской православной церкви. Поскольку священника не было, то функции его выполнял глава селения. Школьный учитель появился здесь только в 1941 г.

Иногда у острова случайно останавливались суда Биологической службы или рыболовные, а чаще — катер Береговой службы США. Для жителей наступал праздник. Все надевали лучшие одежды и отправлялись в своих лодках на судно смотреть кино. При посещении представителей Береговой службы староста информировал их о делах селения и сообщал о случаях необходимой медицинской помощи. Но здоровье жителей, пишет Мэй, было хорошим.

Более позднее, уже послевоенное (1948—1949), описание жизни аттовцев мы находим в работе Т. Бенка [1960].

В 1936—1937 гг. в с. Никольском на о-ве Умнак проводил исследования Е. Д. Рэнсом. Он составил обзор экономики и пищевой диеты алеутов — «подвергнутых аккультурации аборигенов сегодняшнего дня» [Ransom, 1946a]. Рэнсом указывает, что в те годы в архипелаге были обитаемы только о-ва Атту, Атка, Умнак,

Уналашка, Унимак и Акутан. На каждом из них имелось по одному селению, исключая Уналашку, где несколько мелких общин было разбросано вдоль побережий и фьордов. Ряд других островов посещался только во время сезона охоты на лисиц.

Как и в «добелые» времена, рыба составляла большую долю в натуральной экономике алеутов и средства ее добычи остались почти теми же, заключает автор. Собираательством у морского берега занимались только в наиболее необеспеченные другой пищей периоды. Практика и техника охоты, а также приготовление еды из ее продуктов с «социальной аккультурацией» сильно изменились. Главные традиционные источники пищи в основном исчезли: котики, морские бобры и киты были истреблены в такой степени, что они составляли лишь самую незначительную долю в диете. Для алеутов случайная добыча этих животных рассматривалась тогда как получение лакомства, которое должно было быть распределено между всеми членами общины. Промысловая дичь (сивуч, тюлень, морж, кит) редко бывала добыта и доставлена отдельным охотником. Обычно требовались усилия нескольких человек. Причем дичь считалась принадлежавшей всей общине, а не человеку, персонально добывшему ее. Эта грань общественной собственности так же была сильна, как и в доконтактные времена (по мнению автора, «остатки ранних культурных образцов составляют основу тонкого налета сегодняшней аккультурации»). Как и прежде, почетными трофеями охотника, игравшего одну из главных ролей в промысле сивуча, являлись усы (но они теперь служили не для украшения охотничьего головного убора, а для прочистки трубки) и признанный собственник убитого животного получал шкуру.

Существовала уже сильная зависимость от привозных продуктов питания. Так, в феврале 1937 г. на Умнаке хозяин магазина из-за транспортных неполадок не смог их завезти на месяцы плохой погоды, и только случайно убитый сивуч спас селение от приближающегося голода (каждая семья получила по 100 фунтов мяса).

Денежные доходы алеутов складывались от продажи торговцу шкур добытых лисиц (на своем острове и Танаге), соленой рыбы, плетеных изделий (если они оказывались). Рэнсом поясняет, что этот торговец занимался многие годы обширными операциями вдоль цепи Алеутских островов (до Кыски). В основном он скупал меха (песцов, чернобурых и красных лисиц), но брал и другую местную продукцию, имевшую сбыт на рынке в Сиэтле.

Автор признает, что туберкулез является главной современной проблемой для алеутов и объясняет появление этой болезни переменой диеты. Та же причина вызывала и кариес зубов, причем отмечалась тенденция уменьшения кариеса в зависимости от расстояния до центра торговых операций — Уналашки. Алеуты Атту, как самые удаленные от Уналашки, имели наиболее сохранившиеся зубы, ибо товары достигали их острова только раз

в году и в сравнительно малых количествах. Лучшее состояние здоровья аттовцев объяснялось тем, что они больше других использовали традиционные пищевые ресурсы и меньше всех употребляли алкоголь — второй, после туберкулеза, бич алеутов.

Ситуация в селении на о-ве Атка была во многом сходной с ситуацией на Умнаке. В экономике здесь тоже существенную роль играли традиционные промыслы, но большее значение имела коммерческая охота на лисиц на своем острове и соседних — Амчитке и Амле. Однако снижение с конца 1930-х гг., а затем и упадок спроса на длинноворсовый мех оставили всех их жителей без этого заработка. На Умнаке, правда, в 1926 г. была создана государственная овцеводческая ферма, частично снабдившая алеутов работой. Недостаток ставших столь необходимыми денег заставлял жителей островов искать работу на судах, рыбоконсервных предприятиях в отдаленных местностях, на котиковых промыслах о-вов Прибылова. В начале XX в. на о-ва Атка, Умнак и Святого Павла были завезены олени. Но они играли (и играют) незначительную роль в экономике алеутов.

Уналашка (вместе с Датч-Харбором) еще с русских времен являлась самым крупным селением на Алеутских островах, административным и коммерческим центром района. Алеуты Уналашки больше, чем другие аборигены, подверглись влиянию западного мира. Экономика селения испытала подъемы и спады. Годы подъема были связаны с имеющейся здесь превосходной гаванью для судов. В конце XIX в. бухта, у которой расположено селение, функционировала как порт в связи с расцветом китобойного промысла. На рубеже XIX—XX вв., с начала «золотой лихорадки» на Аляске, через Уналашку стали следовать в направлении Номы сотни судов с пассажирами и грузами. В гавани собирались торговые и охотничьи шхуны и пароходы, военные суда, многочисленный китобойный флот (под парусами и пароходы). Требовались уголь, вода, ремонт, продовольствие. На верфи строилось до шести судов. Все это обеспечивало большую занятость алеутов, хотя, конечно, «процветание» их не коснулось, дав громадные барыши лишь белым предпринимателям. В Уналашке в те годы были выстроены отель, 12 баров, танцевальный зал, действовало несколько церквей разных вероисповеданий, т. е. имелось все то, что сопровождало возникающие поселки золотопромышленников и в других местах Аляски. Датч-Харбор являлся деловым портом с таможней. С начала XX в. гавань сделалась главной квартирой берингоморского патруля Береговой службы США, в годы второй мировой войны Датч-Харбор стал крупной военно-морской и военно-воздушной базой.

С конца XIX в. в с. Уналашка обосновалась компания из Сан-Франциско, к 1890 г. владевшая уже $\frac{2}{3}$ всех местных строений, включая некоторые дома аборигенов, верфи, служебные здания. Она занималась обеспечением судов водой, углем, продовольствием. Со спадом «золотой лихорадки» в Номе компания

увеличила свою деятельность по мехоторговле. До начала XX в. алеуты восточных островов продолжали вести традиционным способом (с байдарок) охоту на морских бобров (хотя и в ограниченных размерах), для чего отправлялись на судах компании на Санак и другие места обитания животных, продавая затем компании их шкуры. В 1920-х—начале 1930-х гг., когда цены на мех лисиц и песцов были высокими, компания поощряла охоту на этих зверей, скупая пушнину почти во всем алеутском регионе. Алеуты Уналашки занимались трапперством на своем острове и соседних. Ее община (как и других островов) обычно заключала контракт с торговой компанией для снабжения углем, лесом, продуктами, ловушками, обязуясь только ей продавать добытые меха. Деньги, остающиеся после уплаты охотниками долгов компании (а компания всячески старалась сделать алеутов своими должниками), делились между всеми членами общины, включая женщин, детей и стариков. Имеются свидетельства, что эта компания, так же как и другие, всячески обирала алеутов, стараясь покупать мех по самым низким ценам, завышая при этом цены на привозимые товары [The Aleutians, 1980, p. 122].

После депрессии 1930-х гг. и упадка спроса на длинноворсовый мех наступил резкий спад в экономическом положении алеутов Уналашки (так же как и на других островах цепи). Несколько поддерживали их тогда ловля трески, сельди и другой рыбы и работа на небольших предприятиях по ее засолке. Рыбоконсервных заводов здесь не было из-за ограниченных рыбных ресурсов, поэтому не получило развитие промышленное рыболовство со строительством судов.

На о-ве Акутан в 1879 г. Аляскинская коммерческая компания установила свой торговый пост. В 1904 г. здесь было организовано предприятие по заготовке трески, а в 1907 г. начала функционировать основанная норвежцами береговая китобойная станция. Сюда понемногу переселялись алеуты с соседних островов — Уналашки, Умнака, Борьки, Санака. Одним из первых служащих торгового поста стал шотландец Х. Мак-Глашан, женившийся на аттовской алеутке, осевший здесь и ставший родоначальником многочисленного поколения этой фамилии в алеутском регионе в целом. Так шло смешение коренных акутанцев с алеутами других островов цепи и с белыми, распространялось влияние западного мира [Robert-Lamblin, 1982]. В 1921 г. в селении была открыта школа.

Особая экономическая и этнокультурная ситуация складывалась с начала XX в. на юго-западной оконечности п-ова Аляска с расположенными рядом островами. С 1911 г. там стали появляться рыбоконсервные заводы (а затем и по переработке крабов и креветок). Промышленное рыболовство для заводов вели привлеченные на Аляску благоприятными в те годы условиями во вновь открываемой рыболовной индустрии норвежские (и скандинавские вообще) рыбаки. Некоторые из них остались здесь навсегда,

жившихся на алеутках и став членами местных общин. Основу экономики этих общин составили промышленное рыболовство и работа на консервных заводах. Алеутские селения здесь и по этнокультурным признакам становились все меньше похожими на остальные селения аборигенов. Алеутский язык довольно скоро сменился английским, часто — с норвежским акцентом. Православная церковь уступила первенство баптистской (фундаменталистской).

Сказанное очень ярко проявилось в Сэнд-Пойнте — наиболее сейчас крупном и современном из всех алеутских селений. Начало ему было положено постройкой на о-ве Поповском Шумагинских островов в 1911 г. компанией из штата Вашингтон двух рыбоконсервных заводов. Здесь имеется большой рыболовный флот, принадлежащий местным жителям. Одними из первых перебрались сюда из окрестных селений восемь семей; четыре из них были алеутскими, а четыре — с отцами-европейцами и матерями-алеутками. В целом население поселка составилось из алеутов п-ова Аляска, Шумагинских островов и Уникама. В 1912 г. на п-ове Аляска таким же образом возникло селение Кинг-Ков. Лов рыбы здесь также обеспечивали вначале скандинавские рыбаки, вошедшие затем частично в состав местных общин. Для работы на заводе фирма стала нанимать алеутов. Сходную историю имеет и селение Скво-Харбор на южной стороне о-ва Унга.

Вторая мировая война принесла большей части алеутов новые бедствия. Но вместе с тем военные действия на Алеутских островах привлекли внимание не только к Аляске в целом (заставили американцев «открыть» ее для себя), но и к алеутам в частности. Именно в годы войны и после нее появились, наконец, публикации об алеутах (в том числе и касающиеся прежних лет). Привлекли алеуты и внимание ученых. Их наблюдения отражают тяжелое экономическое положение этого народа в послевоенное время и его культурную деградацию, а также прогнозируют вымирание алеутов.

В 1942 г. японцы захватили Атту, и все его жители были увезены ими на Хоккайдо, где оставались более трех лет на принудительных работах. Остальные обитатели Алеутских и Прибылова островов в начале военных действий на архипелаге были спешно эвакуированы в Юго-Восточную Аляску и размещены на о-вах Адмиралтейства и в других местах. Работали они там главным образом на рыбоконсервных предприятиях. Алеуты были возвращены на родину в 1945 г., но уже в меньшем числе из-за значительной смертности от туберкулеза. Имеющиеся описания свидетельствуют о крайне тяжелом экономическом положении алеутов, об угрозе их вымирания.

После эвакуации (а на Уналашке еще и после мародерства солдат, грабивших дома алеутов, уничтожавших лодки, снасти и т. д.) алеуты архипелага и о-вов Прибылова вернулись в разрушенные селения. Помощь же от Бюро по делам индейцев была

ничтожной [Laughlin, 1951a, 1963a; Бенк, 1960]. Большие сложности возникли с налаживанием хозяйства, рынков сбыта продукции. Многие острова в это время находились в ведении военных, а также Алеутского заказника. И хотя алеутам формально было разрешено пользоваться местами их прежних охотничье-рыболовных угодий, однако каждый раз требовалось получать пропуск на посещение того или иного острова или части собственного. Община Атки добилась согласия для охоты на своем острове, Амле, Адаке, Кагалаксе и Амчитке; аттовцам было разрешено охотиться на их прежней родине и на о-вах Агатту и Семичи; уналашкинцам — на о-ве Карляйль; умнакам — на Танаге, Юнаске и Чугилаке. Но если даже алеуты получали право на поездку, то часто не могли достать транспорт и т. п. Когда же удавалось попасть на места промыслов, то нередко оказывалось, что охотничьи угодья там плохие. К тому же, пока алеуты боролись с канцелярским формализмом, исчезли рынки сбыта.

Положение алеутов в послевоенное время ярко обрисовал Т. Бенк, побывавший в экспедиции на архипелаге в 1948—1949 гг. [Банк, 1956; Бенк, 1960]. Он подробно описывает жизнь алеутов на Атке. Алеуты этого острова жили за счет природных ресурсов и отходничества, а также на скудные правительственные субсидии по бедности (безработным, нетрудоспособным, старикам, семьям многодетным и без отцов).

За время пребывания в плену у японцев из 40 аттовцев умерли 17 (в том числе и их староста М. Г. Ходиков); оставшиеся в 1945 г. были возвращены, но поселены не на свой остров (по соображениям военного порядка), а на Атку вместе с его коренными жителями (что создало много дополнительных проблем).

Селение, где жили аткинцы и аттовцы, состояло из 30 домов (не считая зданий православной русской церкви и правительственной школы). Описывая внутреннее убранство аттовских жилищ, Бенк отмечает крайнюю бедность: в них не было никакой обстановки, кроме стола, стульев и коек армейского образца. В каждом доме проживало обычно по несколько семей. Мужчины летом отсутствовали — работали на военных судах. Объясняя бедность обитателей, сопровождающий Бенка алеут пояснил: «У этих людей мало еды... им приходится трудно». От Бюро по делам индейцев Аляски аттовцы получили в помощь лишь кое-что из вещей. Кроме того, у аттовцев были трения с местными жителями, аткинцами. Последние не позволяли им брать лес на постройку домов, присваивали себе весь улов рыбы. Мужчины, уезжавшие летом на заработки, иногда вовсе не присылали домой денег. Их жены в селении удили на пристани треску, иногда получали часть улова других семей или набирали в лавке продукты в долг. Прежние традиции сбора съедобных моллюсков и водорослей у морского берега считались теперь постыдными. Белые учителя высмеивали алеутов за то, что они ели тюлений жир, водоросли, ракушки, улиток. Коренные аткинцы жили лишь немного лучше.

Учителей в это время на Атке не было: последние из них с отвращением покинули остров, пробыв здесь несколько недель. Место показалось им слишком грязным, и они «убоялись» инфекции.

На о-ве Упалашка в послевоенные годы промысел сельди почти потерял свое значение, так как многие бухты, где алеуты вели лов (и где находились перестилница), были застроены военными сооружениями. К тому же промысел с лодок вытеснялся компаниями, которые вели добычу рыбы большими сейнерами. Ограниченные ресурсы трески и лосося мешали развитию здесь коммерческого рыболовства и судостроения. Передко алеуты были вынуждены отправляться на заработки на о-ва Прибылова, рыбоконсервные заводы у п-ова Аляска и в другие места. Сказывалась и дополнительная трудность — переход от проживания только за счет работы по найму (как это было в годы эвакуации) к охоте и рыболовству.

На о-ве Акутаи китобойная станция была заброшена в годы войны и не восстановлена после нее, так же как и предприятие по заготовке трески. В послевоенные годы на о-вах Акутаи и Акупи была организована единственная в алеутском регионе резервация — Акутанская (наряду с шестью другими резервациями в штате Аляска, созданными в 1943 г. по Индейскому реорганизационному акту). Эти острова были отведены аборигенам для исключительного пользования. Но опыт такой резервации не дал положительных результатов из-за бедности промысловых ресурсов, экономической несостоятельности — положение алеутов здесь не улучшилось.

На о-вах Прибылова прежнее благосостояние жителей после войны было довольно быстро восстановлено.

Селения, расположенные на островах около п-ова Аляска, бедствия эвакуации не коснулись, что еще больше увеличило расхождение в их экономическом положении с алеутскими селениями архипелага.

Посещавшие в послевоенные годы Алеутские острова ученые отмечали крайне тяжелое экономическое состояние алеутов архипелага, старались привлечь внимание правительства, общественности к факту их вымирания от бедности и болезней при полном отсутствии медицинской помощи. Ф. Александер, врач, участник экспедиции 1948—1949 гг. Гарвардского университета, исследовавший алеутов о-вов Атка и Умнак, установил, что они получают в среднем 800—1400 калорий в день, а при таком недоедании и тяжелой работе люди быстро истощаются, становятся вялыми и легко поддаются любому заболеванию [Alexander, 1949]. Т. Бенк, участник той же экспедиции, пишет, что средняя продолжительность жизни на Атке 25 лет, что почти 40 % аткинцев больны туберкулезом и процесс вымирания алеутов не приостановлен [Bank, 1952a; Бенк, 1960].

Бенк рассказывает и об алеутах с. Никольского на Умнаке. Здесь положение было несколько лучше, но проблемы — те же.

Он откровенно пишет, что американцы всегда относились с пренебрежением к алеутам и их культуре. Для них алеуты являлись «туземцами», людьми отсталыми, никчемными. Алеуты понимали такое отношение, и поэтому все, что вводилось американцами, казалось им посягательством на их личность, гонением на их язык, веру. Ответом было усиленное обращение алеутов к русской религии, русским обычаям, которые они уже рассматривали как свои национальные [Бенк, 1960, с. 155]. У алеутов до сих пор сохраняются русские имена и фамилии. О гордости русским наследием всех аборигенов Юго-Западной Аляски говорят американские археологи и этноисторики Дж. Ван-Стоун и У. Освальт [1968].

Бенк с искренним сочувствием к алеутам, внушающим уважение многими достойными своими качествами (среди которых он особенно отмечает вежливость, обходительность, терпение и мудрость), пишет: «К сожалению, история человечества изобилует такими главами, как эта, повествующая о вымирании алеутов — народа, в прошлом сильного и многочисленного, великолепно приспособившегося физически и духовно к окружающей суровой среде, ныне же обнищавшего, пораженного болезнями и ослабленного морально. Численность алеутов угрожающе сокращается, а их древняя культура подверглась почти полному разрушению. Старая экономика, на которой основывалось все существование и общее благополучие алеутов, в настоящее время в результате аккультурации претерпела такие разительные изменения, что возврат к ней для них уже невозможен. А то, что алеуты получили взамен, ни в коей мере не равноценно утраченному» [1960, с. 65].

В 1952 г. общину с. Никольского изучал Дж. Берреман [Berreman, 1954, 1955]. Он тоже исследует проблему аккультурации. Анализируя взаимовлияние алеутской и русской культур в прежнее время, Берреман делает вывод: выборочная ассимиляция новых черт (новые орудия, пища, религия) была проведена русскими так, что «алеутский образ жизни» сохранился, «интересы и цели остались достижимыми внутри селения». Далее автор показывает, что начавшееся влияние американцев привело к разрушению общинной жизни и «алеутского образа жизни». Однако называемые им факты демонстрируют картину не «взаимодействия культур», а разрушающего влияния капиталистической колонизации на алеутское национальное меньшинство: вторжение товарно-денежных отношений и вытеснение традиционной экономики, с одной стороны, и невозможность обеспечения постоянным заработком для поддержания жизненно необходимого уровня — с другой. Основная причина конфликта с традиционными нормами жизни, считает Берреман, — деньги. Они употреблялись со времен ранних контактов с европейцами, но сильная зависимость от них — сравнительно недавнее явление. Политика американцев, по мнению Берремана, с самого начала вела к разрушению целостности общины, т. е. разлагала ее. При этом

главное состояло в том, что американцы старались привить алеутам свои нормы поведения, цели, понятия о ценностях, ликвидировав старые, традиционные. Проводниками такой политики были и магазин, и нововведенный (по Индейскому реорганизационному акту) совет селения под эгидой Аляскинской туземной службы, и американского образца школа, и денежная экономика во многих ее разветвлениях.

Школа начиная с конца XIX в. была и является сейчас одним из основных источников гонения на прежний образ жизни аборигенов. Рост влияния учителей и все уменьшающееся влияние старых людей привели к прогрессирующему отклонению детей от традиционной культуры в сторону культуры белых. Получалось, что школа готовила детей главным образом для жизни вне селения и меньше всего — в нем самом. Еще 30 лет назад обучение детей и их тренировки находились под заботливым наблюдением старейших жителей селения, которые передавали им традиционную культуру. Последняя имела корни в прошлом алеутов и, постепенно изменяясь, служила для удовлетворения жизненных потребностей и преодоления всех возникающих трудностей. Но в 1922 г., пишет Берреман, появился белый учитель и начал девять месяцев в году учить детей образу жизни белых американцев, и так на протяжении 8 лет. Дети должны были посещать школу именно в то время, когда, участвуя в промыслах или проводя необходимые для этого тренировки, они могли бы воспринимать навыки традиционной культуры. Кроме того, школьное обучение включало осмеяние и подавление традиционной алеутской деятельности, алеутского склада жизни и ценностей, замещая их понятиями и ценностями белого человека. Таким путем отвергалась алеутская культура. Правда, традиционные тренировки для мальчиков стали и не очень нужны, ибо все большую роль в экономике семьи начали играть заработки на стороне.

До войны, когда дети еще находились под влиянием родителей, ориентированных на алеутскую культуру, последняя сохранялась, вопреки внешнему налету культуры белого человека. В послевоенное же время положение изменилось: родители сами выросли на внушениях школьного учителя и испытали преимущества внешнего мира. Теперь частично «ориентированный на внешний мир дом» усиливал школьное воспитание. Родители поощряли желание детей идти учиться в высшую школу в Ситке, «войти» в культуру белого человека. В результате всего этого, пишет Берреман, молодые люди хотят быть докторами, радиомеханиками и медсестрами, хотят жить так, как живет школьный учитель, и так, как говорится по радио и показывается в журналах и кино. Они хотят избежать бедствий и недостатков, которые их ждут в селении. Но, желая перенять образ жизни белых американцев, алеуты не имеют средств к реализации этого желания ни внутри селения, ни за его пределами. Берреман отмечает, что существует культурная и экономическая дистанция между

миром с. Никольского и миром белого человека (т. е., иными словами, свойственная американской действительности национальная и социальная дискриминация). Осознавая это, большинство алеутов не решаются оставить селение, хотя жизнь здесь их и не удовлетворяет. Так, только четыре жителя Никольского остались на Аляске после перемещений военных лет.

Берреман фиксирует низкую рождаемость и высокую смертность в с. Никольском. В 1900 г. в нем жили 120 человек, в 1942 г. — 72, в 1945 г. — 59, в 1952 г. — 56 человек. С 1948 по 1952 г. здесь родились только два ребенка. «Налицо недостаток пищи, слабое здоровье и сравнительно высокий уровень смертности» [Berreman, 1954, p. 40].

Судьба алеутов волновала и волнует прогрессивных американских ученых. Известный исследователь алеутов В. Лафлин в 1951 г., обращаясь к правительству, говорил о необходимости срочных мер для спасения алеутов, указывая, что сокращение населения — результат болезней и голода. Разрушение традиционной экономической базы, связанной с охотой на морских животных и рыболовством, подчеркивал он, порождает ряд культурных и биологических проблем в отношении коренного населения. Наиболее важные из них — три. Первая — образование алеутов: требуется введение двуязычного обучения для сохранения культурного наследия. Вторая — социальная и экономическая реконструкция. Третья — снабжение необходимым пропитанием. Лафлин предлагает шире использовать местные ресурсы, ввести такие отрасли хозяйства, как овцеводство, для увеличения денежного дохода алеутов [Laughlin, 1951c, 1952b].

Таким образом, главной проблемой для алеутов в довоенное и послевоенное время было выживание. Эта задача имела как экономический аспект, на котором мы останавливались выше, так и медицинский.

Уровень смертности коренного населения на Аляске (включая алеутский ареал) в 1945 г. был одним из самых высоких в мире — 765 человек на 100 000 жителей, из них 69 % умирали от туберкулеза (в 1948—1949 гг. в с. Никольском 75 % были больны туберкулезом). Детская смертность на Алеутских островах в 1950—1955 гг. составляла 88,8 на 1000 детей — самая высокая в Субарктике и на $\frac{1}{4}$ выше, чем во всей Аляске. В сообщениях медицинской службы указывалось, что алеутские дети в возрасте до года очень восприимчивы к респираторной инфекции, вызывающей у них насморк в первый день, интенсивную пневмонию — в следующий, смерть — на третий день [Milan, 1974].

Созданный в начале 50-х гг. по решению правительства комитет полтора года изучал проблему туберкулеза на Аляске. Было выявлено, что заболеваемость и смертность от туберкулеза здесь даже выше, чем когда-либо была в беднейших районах Китая или где-либо еще в мире. В 1955 г. Служба здравоохранения США приняла на себя от Аляскинской туземной службы Бюро

по делам индейцев все функции по охране здоровья коренного населения и совместно с Аляскинским департаментом здравоохранения начала активные действия по искоренению туберкулеза на Аляске. В 60-х гг. проблема туберкулеза была, наконец, решена с помощью современных средств медицины. Численность алеутов стала постепенно расти.

Однако вставали демографические проблемы другого рода. В прошлые десятилетия в ряде алеутских селений произошло снижение численности молодых, способных к деторождению женщин в связи с их миграцией из сел (уезжая для продолжения образования в высшие школы на Аляске, они старались обрести там семью, а также выходили замуж дома за приезжих). Например, в с. Никольском в 1972 г. не было ни одной такой женщины. Но на Атке, правда, это не привело к уменьшению числа детей, ибо стали действовать новые факторы: снизилась детская смертность, появились многодетные семьи.

Специалисты утверждают, что когда говорят о здоровье коренного населения Аляски, то имеют в виду не «наиболее благоприятное» или действительно хорошее здоровье, а лишь физическое и культурное выживание. Со снижением физических заболеваний (правда, нужно отметить, что сердечно-сосудистые болезни, наоборот, стали гораздо более частыми) у аборигенов Аляски увеличились психические, которые составляют 35—50 % заболеваний во всем штате, хотя коренные жители там — это всего $\frac{1}{5}$ часть населения. Причем наивысший процент таких заболеваний падает на алеутов. Среди них и в 1,5—2 раза больше, чем среди белых, самоубийств.

В числе причин персональных кризисов называется такой фактор, как давление привходящей и преобладающей культуры белых — на почве конкуренции за землю, работу, пищевые ресурсы и т. д. В сочетании с другими действующими факторами — давление болезней, бедности, изоляции, экономической зависимости от заработка — это приводит не только к личным кризисам, но и через них к разрушению общины. Алкоголизм среди коренного населения Аляски Анкориджским аборигенным медицинским центром считается существующим в эпидемической пропорции. Наиболее серьезна эта проблема на Уналашке. Главной причиной смерти или госпитализации теперь становится алкоголизм [ibid., p. 33, 34].

Исследователи фиксируют внимание на том, что в алеутском регионе (исключая о-ва Прибылова) нет ни одной больницы, ни одного постоянного врача. Больных приходится отправлять в Анкоридж, т. е. за многие сотни миль от дома (нужно учитывать при этом крайне неблагоприятные погодные условия на Алеутских островах; кроме того, не везде имеются посадочные площадки для самолетов). Новая программа связи с доктором через спутник может осуществляться только с о-вами Прибылова и с Сэнд-Пойнтом (где тоже есть медицинский пункт). Правда, алеутские селения периодически посещают некоторые врачи-специалисты, но

в целом немедленная и скорая помощь жителям оказана быть не может.

Исследовавший в начале 70-х гг. этноисторию болезней и медицинской помощи у алеутов Л. Милан заключает, что состояние их физического и психического здоровья в основном плохое. Они обременены проблемами болезней, социальной неупорядоченности и крайней бедности. Многие общины алеутов несостоятельны в экономическом и биологическом отношении, а прошлая история показывает, что почти невозможно обеспечить их необходимой медицинской помощью в каждом селе. Автор выдвигает идею переместить алеутов с их согласия в одно селение региона, где они могли бы продолжать сельскую жизнь и в то же время получать необходимые медицинскую помощь и образование [ibid., p. 34].

Алеуты живут сейчас в 12 селениях в восточной половине цепи, на п-ове Аляска с расположенными рядом островами и в двух селениях на о-вах Прибылова. Первое алеутское селение, начиная с запада, — Атка на одноименном острове. Далее: Никольское на Умнаке, Уналашка на острове того же названия, Фальс-Пасс на Унимаке (через узкий пролив от п-ова Аляска). Одно алеутское селение имеется на Акутане, два (возникли в американский период) — на Шумагинских островах (Сэнд-Пойнт на о-ве Поповском и Скво-Харбор на южной стороне Унги). На п-ове Аляска пять алеутских селений: Бельковское, Лагуна Нельсона, Кинг-Ков, Павлов-Харбор и Иванов-Бей. Несколько алеутских семей наряду с неалеутскими проживают в Колд-Бее, расположенном тоже на полуострове. Большинство этих селений сохранилось с русских времен.

По приведенным М. Лантис данным, алеутов в 1970 г. было 1768 человек и распределялись они по селениям следующим образом: Атка — 86, Акутан — 90, Бельковское — 53, Колд-Бей — 32, Фальс-Пасс — 58, Иванов-Бей — 46, Кинг-Ков — 252, Лагуна Нельсона — 39, Никольское — 52, Павлов-Харбор — 38, Святого Георгия — 156, Святого Павла — 428, Сэнд-Пойнт — 265, Скво-Харбор — 52, Уналашка — 121 [Lantis, 1984, p. 181]. Д. Джонс приводит для этого же года численность в 1635 человек [Jones, 1976, p. V, 105]. По переписи 1980 г. — алеутов 1815 человек. Это составляет менее $\frac{1}{5}$ всего населения алеутского ареала. Сейчас большинство жителей региона — белые (4775 человек), дополняемые представителями стран Азии (филиппинцы, вьетнамцы и др.), Океании и неграми, привлекаемыми для работ в рыбной промышленности. [Lantis, 1984, p. 164]. В двух селениях на о-вах Прибылова обитают более $\frac{1}{3}$ всех алеутов.

Существует, кроме того, и значительно смешанная, в основном с русскими, командорская группа алеутов, живущая в пределах СССР, на о-ве Беринга Командорских островов (см. гл. IV).

Все алеутские селения, кроме Аткинского, составляют потомки восточных алеутов. Только на Атке, где в послевоенные годы

(в 1945 г.) были поселены вместе с коренными аткинцами и алеуты с Атту, остались алеуты, говорящие на западном диалекте этого языка.

Для алеутских селений характерны изменения в их составе, связанные с перемещениями, вызываемыми главным образом экономическими причинами, а также браками. Перемещения жителей по экономическим причинам начались, как мы видели, в русский период, когда частные, а затем и Российско-Американская компания перевозили людей с одного острова на другой для удобства промыслов или сливали малочисленные селения. В американский период это продолжилось уже по инициативе самих алеутов, привлекаемых в определенные места возможностью заработка. Так, некоторые селения на п-ове Аляска и Шумагинских островах сложились за счет подселения туда алеутов из других мест, а также смешения с европейцами. Это Кинг-Ков, Акутан, Сэнд-Поинт, Скво-Харбор. В последние десятилетия особо отмечается эмиграция из селений взрослых молодых людей, обычно более образованных алеутов, которые не могут найти себе дома подходящую работу. Но чаще всего покидают селения молодые женщины, что объясняется их стремлением выйти замуж за белых, многие из которых временно находятся на островах на военной или гражданской службе либо заняты в промышленном рыболовстве.

Американскими антропологами, социологами, этноисториками и экономистами в последние десятилетия усиленно изучаются политические, экономические, социальные и этнические проблемы Севера в поисках решения вопросов социально-экономического и культурного положения северных народностей. Предлагаются для алеутов, эскимосов и индейцев и разные решения проблемы. Одни ученые высказываются за более активное вовлечение аборигенов в новую хозяйственную жизнь, другие — за создание своего рода резерваций (как мы видели выше, попытки создать резервацию были и на Алеутских островах), где традиционное хозяйство аборигенов было бы восстановлено и законсервировано. Первая позиция близка к неокOLONиалистской тенденции поисков более гибких форм обращения с угнетенными народами, поскольку предприниматели заинтересованы в получении дешевой рабочей силы на местах. При этом исследователями часто подчеркивается лояльность, критикуется прошлое состояние, делается ставка на социальную дифференциацию населения. Для научной литературы последних лет характерна довольно острая критика колониализма на Севере, неудач и ошибок прошлой государственной политики в отношении северных народностей, нередко идеализация условий их жизни до прихода европейцев [Агранат, 1982].

60—70-е гг. для алеутов в целом ознаменовались определенными улучшениями в социально-экономическом и культурном отношении, но, правда, гораздо меньшими, чем для остального населения Аляски.

В эти годы различия в экономических базах, в степени адаптации к капиталистической экономике по отдельным алеутским селениям продолжали существовать. В частности, после «крабового бума» 50-х гг., особенно на Кадьяке, в алеутском регионе началась «крабовая эра». Однако она не имела повсеместного распространения и неоднозначно сказалась на экономическом положении коренного населения. Крабовая промышленность развилась на Уналашке, на прилегающих к п-ову Аляска островах и в небольшом размере — на о-вах Прибылова.

У п-ова Аляска (в частности, в Сэнд-Пойнте) как в краболовстве (благодаря традициям промышленного рыболовства), так и на обрабатывающих заводах были заняты алеуты. Это давало им надежный источник существования.

С середины 60-х гг. центром крабовой индустрии (обогнав при этом Кадьяк) стала Уналашка, где появились два крабоконсервных завода. Этому способствовала возможность использовать оставшиеся после войны береговые сооружения для судов, а также то, что на востоке, у п-ова Аляска, наступила переэксплуатация крабовых ресурсов. К 1967 г. на Уналашке работали уже пять крабоконсервных заводов: три — на берегу, два — на плавающих базах.

Но в отличие от ситуации у п-ова Аляска крабовая индустрия здесь не дала алеутам трудовой занятости. Собственных судов для промысла они не имели (только незначительное число их занималось коммерческим рыболовством). С начала бума алеуты надеялись, что компании будут нанимать их для ловли крабов и работы на заводах, но компании предпочли посылать суда с полным комплектом рабочих из Сиэтла. Крабовый бум не принес алеутам ни дохода, ни процветания, а, наоборот, привел к дальнейшему разрушению рыболовных традиций в результате засилья компаний, не принадлежавших даже штату Аляска. Для создания же собственных предприятий у алеутов не было капитала, своих судов и снаряжения, навыков промышленного рыболовства.

Самой острой проблемой 60 – 70-х гг. по-прежнему называется проблема приспособления алеутов к западному миру, проблема определения ими своего места в мире белого человека. Исследуя эту проблему, Д. Джонс отмечает, что почти каждая из алеутских общин наряду с проблемами общего характера обладает присущей только ей степенью адаптации к контактам с белыми. Для своего сравнительного изучения Джонс выбрала два алеутских селения с наиболее резко различающейся степенью адаптации и назвала их условно Илнакой и Новой Гаванью. Первое, судя по всему, — Уналашка, а второе — Сэнд-Пойнт. В своей основе эти селения имеют много общего: наряду с устойчивостью некоторых черт алеутско-русской культуры для них характерен сравнительно высокий уровень аккультурации к преобладающим в окружающем обществе материальной культуре, производству, экономике, образованию, языку, обычаям, пище и способу развлечений (мас-

совой американской культуре). Но, несмотря на обладание одинаковыми системами ценностных ориентаций, между ними, подчеркивает автор, есть значительные различия в способностях реализации этих ценностей. Отсюда вытекают различия в образе жизни, поведении. Обуславливаются они несходством степени адаптации к контактам с белыми, к современной капиталистической экономике. В одном случае — Ильяка (Уналашка) с населением в 1969 г. из 108 белых, 170 алеутов и 20 эскимосов и индейцев. Алеутская община в ней находится под контролем белых, ее организации разобщены и раздражены, лидерство нарушено, рабочие возможности алеутов в основном ограничены неквалифицированным сезонным трудом на рыбообрабатывающих заводах. Жизнь алеутов кажется здесь дезорганизованной, общими проблемами являются бедность, пьянство, семейные неурядицы. В другом случае — Новая Гавань (Сэнд-Пойнт), чье население в 1969 г. состояло из 28 белых и 277 алеутов. Ее характеризует сплоченная община, в которой алеуты сами контролируют политические организации и общественные институты. Алеуты на своих судах занимаются рыболовством для расположенных здесь консервных предприятий, а также работают на них. Жизнь алеутов кажется упорядоченной, стабильной, без социальных проблем, досаждающих в Ильяке.

Причину такого положения в Уналашке автор, анализируя историю общины с рубежа столетия, усматривает в разрушении традиционной экономики, привнесении белыми системы заработной платы, не дающей полного жизненного обеспечения, дополнительном губительном воздействии на экономику алеутов эвакуации военного времени, полном отсутствии возможностей в последующие годы создать какую-либо базу для экономической самостоятельности. В результате белые стали контролировать все важные ресурсы в селении — землю, работу, местную политику. Более того, алеуты попали в полную зависимость от белых работодателей, проводящих расистскую политику при наеме рабочей силы. В частности, несмотря на доказанную алеутами (благодаря строительству домов, прокладыванию водопровода, электросети, содержанию лодок с моторами, оперированию дорожной техникой и т. д.) способность выполнять квалифицированную работу (или обучиться ей), им поручается только самая неквалифицированная (и низкооплачиваемая), в то время как белые могут быть наняты на такую же работу без какого-либо превосходства в знаниях, опыте. И даже для «черного» труда компании предпочитают завозить белых рабочих из других мест якобы из-за ненадежности алеутов, т. е. руководствуясь расовыми предрассудками. Хотя, как утверждает автор, белые рабочие в такой же степени бывают ненадежными. Наряду с другими национальными меньшинствами Аляски алеуты характеризуются управляющими компаниями как «ленивые, незнающие, ненадежные, никчемные» [Jones, 1976, p. 35].

Белые мастера часто дают волю своим расистским чувствам и вспышкам, оскорбляя алеутов грубой бранью. Таким образом, помимо трудных условий (холод, сырость, конвейер) работа у алеутов связана и с чувством унижения. Оплачивается их тяжелый труд (как самый неквалифицированный) плохо, в то время как цены на продукты и товары в Уналашке очень высоки: они могут быть на 75—125 % выше, чем в Сиэтле (в то время как в Сэнд-Пойнте только на 25 % выше благодаря влиятельности здесь алеутских организаций). Поэтому алеуты нередко бросают работу и уходят охотиться, рыбачить, пьянствовать. В результате в 1969 г. только 67 алеутов работали на крабовых предприятиях — главных источниках доходов в селении [Jones, 1974, p. 34, 42, 45, 46].

В целом, пишет Джонс, рабочая адаптация алеутов Уналашки отражает положение экономического бессилия. Составляющему 36 % белому населению свойствен высокий уровень жизни, в то время как многие алеуты не достигают федерального уровня бедности. Не случайно все послевоенное время из Уналашки шла значительная эмиграция, причем молодых и образованных алеутов. Это сказалось в свою очередь на отсутствии лидерства в алеутских организациях, на их политической пассивности. Белые имеют большинство в местном совете (муниципалитете) и проводят обычно свои программы, контролируя все важные ресурсы в селении. Характерно при этом, что к 80-м гг. в Уналашке все еще не был даже восстановлен довоенный уровень по части благоустройства поселка, обеспечения общественных служб и удобств, все еще не была восстановлена больница, разрушенная в годы второй мировой войны.

Правдивым кажется мнение самих аборигенов Уналашки о их положении. Джонс приводит слова одного почтенного алеута о том, что белые люди приходят, делают «большие деньги», а когда дело идет к краху (т. е. истощению ресурсов), то они удаляются, предоставляя алеутам сталкиваться с возникшими проблемами. Другой алеут, неофициальный лидер селения, говорил о том, что, чем больше прибывает белых людей, тем меньше шансов у алеутов получить что-либо от своей земли, жить в соответствии со своими желаниями и представлениями, а не по навязанному им порядку [Jones, 1976, p. 62].

История алеутов Сэнд-Пойнта была иной. Военное время не нарушило здесь течения экономической жизни. Переданное белыми прародителями искусство промышленного рыболовства давало жителям твердое экономическое положение, доставляло удовлетворение и составляло их гордость. Владеющая заводами компания целиком зависела от их работы в промышленном рыболовстве, и поэтому ее управляющие в данном случае не могли действовать по отношению к алеутам в соответствии со своими расовыми предрассудками. В руках алеутов находился контроль над политической и экономической ситуацией в селении, с вытекающими отсюда другими аспектами жизни общины. Но вместе

с тем даже здесь на рыбообрабатывающих заводах господствовала дискриминационная система найма рабочей силы. Алеутов редко брали на работу выше неквалифицированного уровня. Такая практика приводила к тому, что получившая образование молодежь покидала селение, а это вызывало большую тревогу односельчан.

Почти половина алеутов Сэнд-Пойнта, пишет Джонс, внешне выглядят белыми рядом с уналашкинцами, которые в значительно большей степени сохраняют особенности физического типа алеутов. Но различия в типе мало влияют на идентификацию их в качестве алеутов внутри селения. Приезжие белые имеют тенденцию каждого человека со следами алеутского наследия считать алеутом. Если они не могут этого сделать по внешнему виду, цвету кожи и т. д., то используют другие критерии: место рождения; кто родители и родственники; является ли человек подопечным Аляскинской аборигенной службы. Таким образом, алеуты могут и выглядеть, и действовать как белые, но не могут избежать определения их в качестве алеутов [ibid., p. 24, 25].

В своих выводах Джонс выдвигает центральные для понимания места алеутов в преобладающем обществе белых факторы: положение их как членов культурно отличающейся группы и членов расового меньшинства, экономическое и политическое соотношение внутри селения для контролирования ресурсов и всего жизненного уклада. Слияние всех этих факторов, считает автор, определяет складывающуюся в каждом селении степень адаптации к западному миру [ibid., p. 88]. Джонс говорит об адаптации алеутов к культурно подчиненному статусу, что белые стараются привить им свои культуру и социальные нормы, ясно заявляя об их персональном (и их культуры в целом), более низком уровне. Все это «соединяется с фактом, что они, индейцы, — расово заклеянная группа в американском обществе» [ibid., p. 89]. Так же как другие расовые меньшинства в расистском обществе, алеуты пойманы в кастоподобную систему, где отделяющая их от господствующей группы граница непреклонна, а не такова, какой была для европейских иммигрантов. И ассимиляция не ведет к заметной социальной мобильности, поэтому алеуты совершенно лишены возможности подняться до «главного потока американского общества». Поразительно, замечает Джонс, что даже в Сэнд-Пойнте при наличии образования и отличного усердия алеутам закрыт доступ к руководящим, профессиональным, техническим и любым квалифицированным работам на консервных заводах. Во всем алеутском ареале ей известны только два случая, когда алеуты получили на предприятиях работу более высокого уровня, чем неквалифицированная. Как исключение — небольшое число алеутов, имеющих собственное, совсем маленькое дело (магазин, мастерскую и т. п.). А на о-вах Прибылова алеут никогда не может возглавлять промысловые работы, несмотря на прекрасные знания и опыт, или командовать судном.

Джонс отмечает, что основным экономическим фактором в алеутском ареале (независимо от различия по селениям) является аналогичное колониальному положение его коренного населения, что главное направление использования естественных богатств идет здесь вне интересов алеутского народа, не для него. Компании из других штатов США эксплуатируют морские запасы — единственные натуральные ресурсы региона, решают пути его экономического развития. Автор считает, что без капитала для развития собственных предприятий алеуты совершенно бессильны изменить свою экономическую судьбу. Даже в Сэнд-Пойнте, где алеуты имеют некоторую экономическую силу, они зависят от владеющих предприятиями компаний, которые могут лишить их займов, кредитов, оказать какое-либо другое экономическое давление. Чтобы улучшить экономическое положение в данном селении, необходимо, пишет Джонс, освободиться от контроля компаний, а для этого нужны аборигенные организации, способные найти заимодателей и кооперативные рынки. Альтернативой же занятости алеутов в работе компаний на Уналашке могут быть небольшого размера собственные кооперативы по добыче рыбы во внутренних водах (не требующей большого флота) и по ее обработке.

Джонс ставит также вопрос, изменится ли что-нибудь с появлением и развитием аборигенных корпораций после принятия конгрессом США в 1971 г. Акта об урегулировании земельных требований коренного населения Аляски. Надеясь на увеличение алеутских экономических сил в регионе и улучшение благосостояния аборигенов, она в то же время отмечает, что земельные урегулирования сыграют малую роль в его экономическом развитии, поскольку там нет серьезных земельных ресурсов, кроме территории юго-западной части п-ова Аляска. Большее значение для алеутов будут иметь выплачиваемые по акту 1971 г. деньги, поскольку это даст возможность алеутским региональным организациям снабжать социальные службы и делать капиталовложения в алеутские экономические предприятия. Но, подчеркивает автор, суммы будут не такими крупными (принимая во внимание, что количество денег определяется процентным соотношением аборигенов со всем населением в ареале, а их — 3,5 %) и выплачивать их будут в течение 20 лет. Более важным фактором для будущего Джонс считает растущую политическую силу аборигенных организаций, поскольку они имеют теперь благоприятные условия для создания собственных предприятий. Эти организации сталкиваются с многими трудностями, но все же, по мнению автора, теперь существует потенциал для решения ужасных проблем бедности, экономического бессилия [ibid., p. 98, 99].

Акт 1971 г. в законодательном порядке обязал аборигенов принять структуру частных корпораций с ориентацией на получение прибылей и западную систему землепользования. Алеутская корпорация, одна из 12, созданных на Аляске по региональному

принципу, имеет сейчас подразделение в каждом селении. Зарегистрированным в сельских корпорациях аборигенам были выданы акции. Некоторые из корпораций начинают заниматься бизнесом, хотя уже становится ясным, что предстоит большие трудности конкуренции с различными фирмами.

Алеутская корпорация была одной из самых маленьких на Аляске, и банкротство ее предсказывалось. Но вопреки ожесточенной борьбе корпораций, «напоминающей алеутские войны прошлого», она начала выживать и подавать большие надежды [The Aleutians, 1980, p. 171]. Среди алеутов, так же как и среди других аборигенов Аляски, выдвинулись достаточно образованные и энергичные лидеры. Но в это же время новая форма взаимоотношений аборигенов и властей активизирует процесс классового и социально-экономического расслоения. Появляются администраторы, подрядчики, возникает своя мелкая буржуазия, тогда как основная масса местного населения остается по-прежнему бедной.

Часть алеутов выступает против занятия бизнесом, за традиционный образ жизни на родных островах при утверждении и сохранении своего культурного наследия. Выбор до сих пор еще не сделан, хотя такая проблема в целом была поставлена еще в давние годы. В отличие от других аборигенов Аляски алеуты в основном меньше стремятся к изменению образа жизни; они предпочитают оставаться в селениях, испытывая болезненное состояние при урбанизации [Jones, 1974]. Среди них наблюдается сейчас прочная тенденция к сохранению собственного культурного статуса со стремлением усовершенствования жизни в своем поселке. Однако препятствует этому опять-таки отсутствие необходимой обеспеченности заработком. Сельская экономика связана с морем, рыболовством или трудом на обрабатывающих предприятия моря, но таких предприятий еще явно недостаточно в алеутском регионе или они малоблагоприятны для алеутов.

В последние годы началось активное промышленное освоение алеутского ареала как района, очень богатого рыбой, крабами, креветками и другими дарами моря. Осваивается рыболовство в глубоких водах. Кроме того, ведется разведка возможностей подводной добычи нефти в районе алеутского шельфа севернее Алеутских островов, рассматриваются перспективы возобновления добычи золота на Унге, серебра и некоторых других полезных ископаемых в ряде районов региона. В связи с этим быстрыми темпами возрастает наплыв белого населения, привлекаемого прибылями, большими заработками. Коренные же жители в своей массе в таких условиях оказываются в маргинальном положении, как это произошло уже на Уналашке, или рискуют очутиться в других селениях.

Корпорация Уналашки стала первой среди других на Аляске, способной платить (с 1977 г.) дивиденды акционерам, поскольку получила во владение сооружения времен второй мировой войны (прекрасные доки и аэродромы), которые можно сдавать в аренду

за высокую плату. Но нельзя пока сказать, что положение основной массы алеутов заметно улучшилось. Современные проблемы, в частности в Уналашке, связаны со все более активизирующейся промышленностью по добыче (в том числе глубоководной) продуктов моря и обработке рыбы, крабов, креветок. Численность населения здесь резко возрастает за счет приезжих лиц. К 1980 г. в Уналашке уже насчитывалось более 700 жителей. Алеуты стали составлять лишь менее $\frac{1}{4}$ части пришлого, сугубо временного белого населения, которое не обосновывается (за редкими исключениями) на постоянное местожительство. Многие из пришельцев живут в домах и бараках компаний. Как говорят старожилы, 15—20 лет назад все уналашкинцы знали друг друга и существовал обычай взаимопомощи; лет 5—10 назад различались местные жители и рабочие рыбозаводов (sannery people); сейчас же большинство населения составляют рабочие и служащие компаний, заводов и никто никого не знает. Пришлые люди хорошо зарабатывают, и Уналашка становится «городом большого пьянства». К 1980 г. в Уналашке появилось телевидение, проведена телефонизация [Unalaska today, 1980].

Уналашка превращается в маленький город со всеми его проблемами, со все сокращающимся процентом местного населения, с преобладающим экономическим и культурным влиянием белых американцев. Алеуты при этом остаются в маргинальном положении как экономически, так и культурно. Уровень жизни их неоднороден: есть несколько состоятельных лиц, имеющих свой малый бизнес, а также служащих, но основная часть занимает низкооплачиваемые должности на рыбных заводах, судах, в сфере обслуживания. Обособилась населенная алеутами часть города — Иллюлюк, восходящая к древнему алеутскому селению.

Экономические интересы алеутов в современном городе отстаивает Уналашкинская корпорация, занимающаяся коммерческой деятельностью. Социальные проблемы входят в компетенцию некоммерческой корпорации — Иллюлюкской службы семьи и здоровья. В недавние годы эту службу возглавлял алеут Ф. Тутяков. Директор ее, М. Мелсон, утверждал, что положение со здоровьем людей в общине очень серьезное. Изменения в жизни столь велики и стремительны, что у многих возникают стрессы, ведущие к тяжелым заболеваниям (гипертония, болезни сердца, алкоголизм) и несчастным случаям. Иллюлюкская служба занимается помощью больным, одиноким старикам, безнадзорным детям. С 1973 г. в Уналашке имеется также Служба алкогольной программы от Национального института алкоголя и алкоголизма, работающая совместно с Иллюлюкской службой и клиникой в Анкоридже.

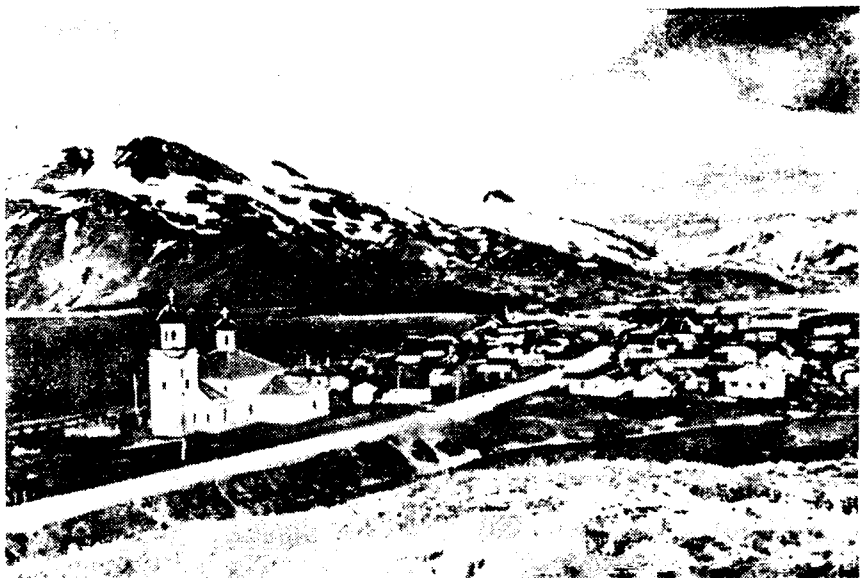
На о-вах Прибылова после акта 1971 г. созданы две сельские корпорации. Корпорация о-ва Святого Павла, называемая «Tanadguisix» (что значит по-алеутски «Наша земля»), самая крупная из всех сельских корпораций алеутского ареала. Корпорация о-ва Святого Георгия, называемая «Tanaq», меньше. По акту

1971 г. все земли островов стали принадлежать корпорациям, за исключением котиковых лежбищ, являющихся государственной собственностью. 9 июня 1978 г. корпорации о-вов Прибылова получили решение о выплате им 11 239 604 долларов денежной компенсации. Лишь недавними достижениями алеутов являются руководство своей общиной (тогда как в прежние годы вся их жизнь регламентировалась государственными чиновниками, вплоть до запрета отлучаться с островов), представительство в управлении основной индустрией островов — котиковым хозяйством, контроль над школой.

Корпорации вложили большие средства в школы и образование вообще, в здравоохранение. На о-ве Святого Павла открыта высшая школа, и теперь ученикам нет надобности покидать остров для продолжения учебы. Завезено современное оборудование, обеспечено хорошее преподавание. Появились и первые стипендиаты общин, направляемые корпорациями для получения экономического образования в Университет штата Вашингтон; по окончании его они возглавят работу в корпорациях.

Но алеуты и здесь стоят перед проблемой выбора своего дальнейшего пути. Сельские корпорации по акту 1971 г. обязаны добиваться прибылей. А такой путь, как утверждает управляющий корпорацией о-ва Святого Павла Л. Меркульев, «может разрушить нашу культуру» [Johnson, 1978, p. 42]. Более того, современными исследованиями о-ва Прибылова определены центром ареала с богатейшими запасами придонных рыб, моллюсков и других продуктов моря. Несколько крупных компаний уже заинтересовались этим предполагаемым мультимиллионнодолларовым бизнесом (с постройкой здесь гавани для судов). Но именно это и страшит алеутов о-вов Прибылова, ведь тогда для них опять создастся опасность потерять контроль над своими ресурсами. К тому же такой бизнес привлечет громадное число временного, случайного населения, что будет обозначать конец их особого (алеутского) образа жизни. И еще: нефтяные компании пробовали бурить в шельфе Берингова моря между о-вом Святого Георгия и Алеутскими островами. Как повлияет на жизнь алеутов развитие данной отрасли промышленности?

Туризм — эта не истощающая природные ресурсы и дающая занятость населению отрасль экономики — в отличие от других мест Аляски в алеутском ареале еще не получил широкого распространения и не стал надежным источником дохода. Он существует только на о-вах Прибылова с их уникальным природным комплексом, включающим котиковые лежбища, птичьи базары и прочие достопримечательности субарктической зоны. Около 1000 туристов посещают эти острова летом. Специализированные группы и индивидуальные посетители приезжают на несколько дней, используя посредничество туристской компании в г. Сиэтле, контактирующей с корпорациями о-вов Прибылова. Кроме того, делаются попытки наладить туризм, включающий охоту и рыбную ловлю, и на Алеут-

Алеутская часть с. Уналашка [The Aleutians, 1980].

ских островах. Сейчас популяризируется спортивная охота на бурого медведя и карибу на Унимаке. Туризм становится возможным благодаря существованию с 1948 г. авиалинии (компания Р. Рива, в прошлом полярного летчика) с регулярным сообщением между Анкориджем, Колд-Беем, Атту и о-вами Прибылова.

В юго-западной части п-ова Аляска некоторые рыбоконсервные (и по обработке крабов и креветок) заводы после акта 1971 г. перешли в собственность сельских корпораций. Последние наряду с полученными преимуществами сталкиваются с проблемами конкуренции с крупными фирмами. Кроме того, здесь появилось много завезенных из стран Азии рабочих. Так, например, в Скво-Харборе большинство населения сейчас составляют филиппинцы, алеуты в селении остались в меньшинстве. Как это повлияет на социально-экономические и культурные процессы?

Все группы алеутов и на сегодняшний день продолжают зависеть в своем пропитании от морской фауны, в основном лосося, а также от охоты на сивучей, уток, гусей, морских птиц и от добычи птичьих яиц, осьминогов и др. В с. Никольском и на Атке сохраняется еще традиция выезжать для сезонных заготовок идущей на нерест рыбы в летние селения у речек, где сохранились традиционные полуподземные жилища — бараборы. Ружья заменили гарпуны и конья в конце XIX — начале XX в., а деревянные лодки (дори) пришли на смену кожаным байдаркам и байдарам (даже в самых отдаленных селениях) в довоенный период. Позже появи-

лись лодки с моторами. Сейчас повсеместно распространено рыболовство с лодок. Вместе с тем главным источником существования всех алеутов является заработная плата, для получения которой в ареале пока нет единых благоприятных условий.

У специалистов и у самих алеутов до сих пор не сложилось еще единой точки зрения на путь дальнейшего развития народности. Л. Милан, как мы уже упоминали, считает наиболее целесообразным переселить алеутов с их согласия в одно из мест алеутского региона, где они могли бы продолжать свой традиционный образ жизни и получать медицинскую помощь и образование. В. Лафлин оптимистически утверждает, что хотя последние 40 лет истории алеутов и оказались разрушительными для их культурной традиции, но существование таких алеутских общин, как в с. Никольском, на о-вах Атка и Акутан, это — выражение исторического постоянства, взаимосвязанности со средой, адаптационной способности — старых отличительных особенностей алеутской культуры. По его мнению, алеутские сельские общины жизнеспособны и предсказания о их разрушении «оказались более хрупкими, чем сами селения» [Laughlin, 1980, p. 183].

Д. Джонс рассчитывает, как мы уже отмечали, на растущую политическую силу аборигенных организаций. М. Лантис возлагает надежду на то, что различия в экономической и культурной жизни алеутских общин после акта 1971 г. будут уравнены, причем не только потому, что они получили фонды, но и потому, что в новых условиях требуется корпоративная организация [Lantis, 1984, p. 183].

Алеутские лидеры, в частности Л. Мак-Гарвей (родившаяся и выросшая на Упалашке; ее мать — местная алеутка, отец — англичанин), полны уверенности, что акт 1971 г. поможет алеутам объединить усилия, для того чтобы изменить перспективы своего народа: перевести его из безнадежно умирающего в разряд подающего надежды. Основой этого они считают обретенную по акту экономическую базу для развития наряду с богатством региона натуральными ресурсами. Лидеры надеются, что коммерческая деятельность поможет алеутскому народу достигнуть процветания, чтобы «войти и принимать участие в главном потоке современного американского общества». Они убеждены также, что благоприятные возможности будут способствовать объединению алеутов как этнически выделенной группы при сохранении и утверждении ценных черт их культурного наследия. И тогда, пишет Мак-Гарвей, «мы всегда будем в состоянии гордиться, что мы — алеуты» [The Aleutians, 1980, p. 142].

Алеутское лидерство в последние годы заметно окрепло. Первая общеалеутская организация — Алеутская лига, начавшая борьбу за права аборигенов, была создана в 1960-е гг. Ее цели хорошо определил в 1964 г. президент организации алеут Ф. Леканов: сохранение своей культуры через экономическое развитие [Lantis, 1973]. Одним из инициаторов создания и активных деятелей этой

лиги была Л. Мак-Гарвей. Сейчас она — член Службы здоровья аборигенного населения штата Аляска и член правления Ассоциации Алеутских и Прибылова островов. Несколько позже, чем Алеутская лига, возникла Алеутская плановая комиссия.

В 1966 г. восемь региональных аборигенных организаций Аляски, в числе которых были четыре эскимосские, три индейские и одна алеутская, объединились в Федерацию аборигенов Аляски. В том же году руководимые федерацией аборигены выдвинули свои земельные требования. Алеутам и эскимосам Юго-Западной Аляски из-за большого процента примеси русской крови было вначале отказано в праве выдвигать свои требования вместе с аборигенами всего штата. Но в 1968 г. Комиссия по индейским искам Аляски приняла решение идентифицировать алеутов и эскимосов как индейцев для обоснования их участия в этом мероприятии.

Борьба коренного населения Аляски за социально-экономическое освобождение сопровождается подъемом этнического самосознания, интереса к своей традиционной культуре, определением путей ее дальнейшего развития. Акт 1971 г. признал права алеутов и на «ведение традиционного образа жизни». Вопросами культурного развития ведаёт сейчас междусельская некоммерческая организация — Ассоциация Алеутских и Прибылова островов, созданная на основе Алеутской лиги и Алеутской плановой комиссии. В 1977 г. в Уналашке прошла первая конференция ассоциации с участием представителей алеутов всего ареала. Ассоциация ставит своей целью осуществление экономического, социального и культурного развития алеутского региона. Большое внимание она уделяет введенной, наконец, с 1972 г. двуязычной программе обучения, по которой дети изучают в школах и свой родной язык.

Однако в области культуры возникают немалые трудности. Например, нет учителей для осуществления введенной в школах билингвистической программы, значительно утрачены знания родных языков в общине, но существует, наоборот, привычка стыдиться своей принадлежности к аборигенам. Возросший образовательный уровень сталкивается с препятствиями к его осуществлению, поскольку рабочие возможности ограничены, расовая дискриминация не исчезла.

Алеутская лингвистическая программа разработана Национальным центром учебных и билингвистических материалов при Университете Аляски в Фербенксе. Здесь же издаются книги на английском языке о традиционной жизни алеутов, этнографических особенностях их культуры, простейшие тексты на алеутском языке.

К. Бергсландом (Университет г. Осло, Норвегия) совместно с аткинским алеутом М. Дирксом разработана программа обучения на западном диалекте алеутского языка. Для этой программы, введенной в школе на Атке, издано более 40 книг. Восточный

С. Суворов и П. Меркульев — представители с. Никольского (о-в Умнак) на первой конференции Ассоциации Алеутских и Прибылова островов. 1977 г. Уналашка [The Aleutians, 1980].

диалект алеутского языка преподается как второй язык в селениях в районе распространения этого диалекта. Для данной программы также опубликовано уже большое число книг. Авторами многих из них является О. Менсофф из Центра языков коренного населения Аляски при Университете Аляски. Активно участвуют в создании учебников члены Ассоциации Алеутских и Прибылова островов, учителя, священники, сами алеуты. Так, например, уналашкинской школой в 1975 г. был издан учебник «Алеутский язык для начинающих», подготовленный священником И. Громовым, алеутом по происхождению, учителем Р. Хадсоном при участии алеута В. Черепанова. В учебнике имеются короткие рассказы из истории алеутов, в том числе об И. Вениаминове, память о котором высоко чтят по всей Аляске. Недавно опубликованы школьные словари обоих диалектов.

Программа занятий и учебники составлены так, что, обучаясь языку (но английским и алеутским текстам), дети постепенно знакомятся с историей своего народа, его культурой, фольклором. Для учеников высшей школы (имеющейся в Уналашке и на о-ве Святого Павла) изданы учебники на английском языке с рассказами об археологических древностях Алеутских островов, алеутской традиционной культуре, истории региона и его жителей.

В этих книгах много иллюстраций. В написании учебников принимали непосредственное участие многие алеуты. Также ученикам высшей школы предназначена и серия «Алеуты XVIII столетия», подготовленная П. Партнов и изданная Центром языков коренного населения Аляски. Она состоит из книг по истории, археологии, фольклору и флоре Алеутских островов. Р. Хадсоном был опубликован сборник по алеутскому фольклору [Stories. . . , 1979]. Все эти книги служат пособиями и для учителей.

Главную сложность при билингвистическом обучении представляет то, что алеутский язык исчезает из обихода. До недавнего времени оставалось уже примерно 700 алеутов, которые пользовались своим языком. В Уналашке дети не говорят по-алеутски, хотя взрослые знают язык, а некоторые пожилые люди еще и читают тексты на алеутском языке с алфавитом на основе кириллицы, введенным И. Вениаминовым. В большей степени сохранился алеутский язык (как разговорный в семье знают его и дети) в общинах на Атке и на о-вах Прибылова. В Уналашке алеутский язык в школе преподают священник И. Громов и его жена П. Громова — активные деятели ассоциации, алеуты по происхождению. В с. Никольском обучает школьников алеутскому языку тоже местный священник, алеут П. Меркульев; на о-ве Святого Павла — мэр поселка и священник, алеут М. Лестенков. Остается вопросом, удастся ли сохранить алеутский язык. М. Э. Краусс считает, что наиболее благоприятные условия для длительного существования алеутского языка имеются только на Атке [1981, с. 171, 175].

По программе изучения алеутского культурного наследия в школы привлекаются алеутские мастера, которые показывают учащимся, как делать модели байдарок, как построить традиционное жилище, передают навыки плетения и т. д. В классах с увлечением занимаются этим дети не только алеутов, но и белых (обучение в школах совместное). Для восстановления замечательного искусства плетения алеутов организованы специальные группы, поддерживаемые Институтом аборигенного искусства Аляски, в которых занимаются взрослые женщины. Не менее важное значение придается сейчас и «Алеутскому культурному проекту», который включает сбор материалов по культурному наследию алеутов (сведения и фотоматериалы по этнографическим коллекциям в музеях мира, фольклору и архивным источникам). Эти материалы предполагается использовать для знакомства алеутов с утраченными чертами их культуры, восстановления на новой основе этнических традиций, искусства. Ассоциацией публикуются и труды профессиональных ученых по оригинальной культуре и традиционному искусству алеутов. В частности, издана книга Л. Блэк «Алеутское искусство. Унанганы Алеутского архипелага», содержащая исследование по искусству и публикацию алеутских материалов почти из всех музеев мира, в том числе и из МАЭ, в фондах которого хранятся богатейшие коллекции конца XVIII — первой половины XIX в. [Black, 1982].

У современных алеутов отмечается высокий уровень аккультурации под влиянием американской массовой культуры при наличии устойчивости некоторых черт алеутско-русской культуры. Одежда, жилища, предметы обихода — целиком современные американские (разумеется, соответствующие уровню жизни). То же самое относится и к образованию, языку, нише, развлекательной активности. По культурным ориентациям и стремлениям нынешние алеуты во многом подобны белым американцам [Jones, 1972).

Но вместе с тем имевшие место во времена Русской Америки процессы взаимодействия алеутской и русской культур, в результате которых в первую вошли многие, часто по-своему трансформированные русские культурные традиции, сказываются до сих пор. Такая культура, называемая американскими авторами алеутско-русской, составляет сейчас национальный пласт в культуре алеутов, который бережно сохраняется и противопоставляется массовой американской культуре. В него входит прежде всего православная, с алеутскими инновациями, церковь, которую сами алеуты именуют «алеутской церковью»: соответственно свою веру они называют «алеутской верой» (по договору о продаже Аляски русская православная церковь получила право продолжать свою деятельность на Аляске). Особенности «алеутской церкви» сложились, как мы уже отмечали, исторически. Такую церковь алеуты считали и считают сейчас собственным национальным институтом, стойко защищают приверженность к ней от посягательств миссионеров других церквей. И сейчас это — часть их борьбы за национальные права. Местными общинами большое внимание уделяется благоустройству церквей; в них бережно хранятся как алеутское национальное богатство старые русские и писанные алеутскими мастерами прошлого иконы (в частности, в Уналашке — иконы алеута В. Крюкова, работавшего под руководством И. Вениаминова), церковные книги. Вениаминова до сих пор почитают как «доброго отца алеутов» [Shenitz, 1967]. Сказанное свидетельствует о том, что православная церковь в ее алеутском воплощении действительно стала своеобразным национальным институтом. Священники в церквях — в основном алеуты по происхождению; и все они сейчас являются членами Ассоциации Алеутских и Прибылова островов, активными борцами за социально-экономические права коренного населения, за сохранение его культурного наследия. Многие из них, как уже упоминалось, занимаются еще и преподаванием в школах алеутского языка (поскольку кадров профессиональных учителей нет). В той или иной степени все священники владеют русским языком, ибо лишь в недавние годы служба стала вестись на английском языке (а не на церковнославянском и алеутском).

Алеуты наряду с американскими национальными праздниками отмечают и православные. Например, они дважды празднуют Новый год: сначала по американскому календарю, а затем —

но православному. Причем в этом случае на Атке сохранилась традиция славить рождество: дети ходят из дома в дом с большой, ярко украшенной рождественской звездой (старый обычай южных районов России). Русские православные свадьбы сейчас — один из характерных институтов алеутов. Сохраняется также обычай сватовства.

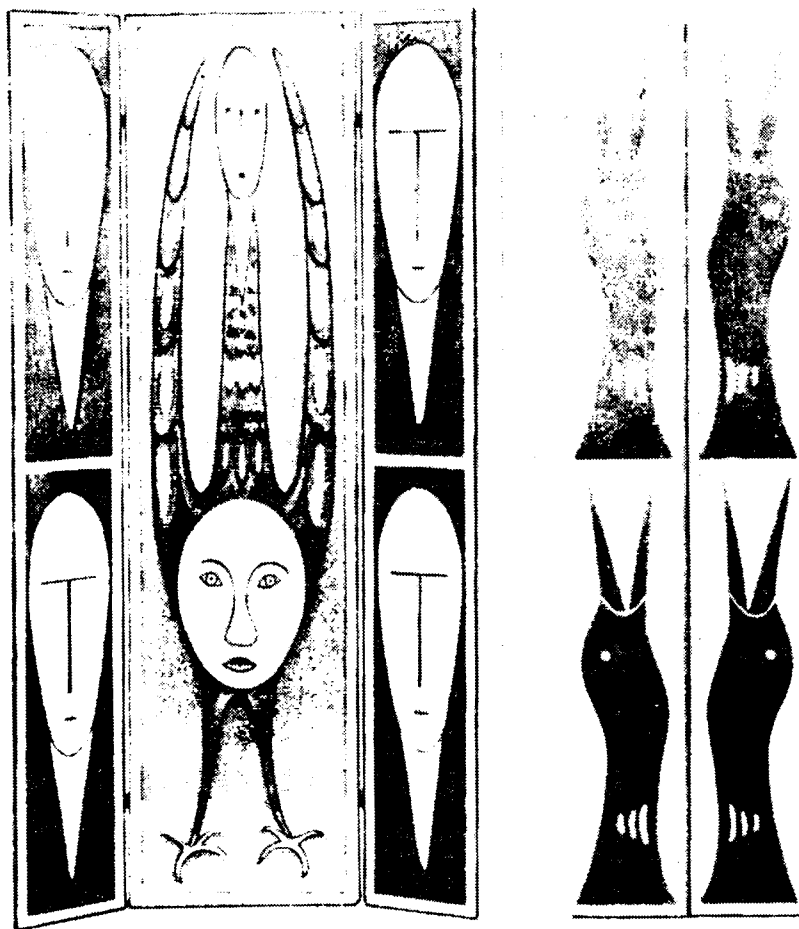
Своеобразно покрашены алеутские дома: красками ярких цветов (красного, желтого, голубого, зеленого, светло-лилового) и пастельных, употребляемых обычно при отделке церквей. Сохраняется обычай строить перед входом в каждый алеутский дом традиционные алеутские сени, называемые «коллидор».

Русские парные бани не только прочно вошли в алеутский быт, но и благодаря особому сопровождающему их церемониалу, явно уже алеутскому, стали настоящим общинным культурным институтом. Живы и русские обычаи посиделок [Laughlin, 1980, p. 133—140]. У алеутов до сих пор сохраняются русские имена и фамилии, за исключением семей с отцами (родными или взявшими детей на воспитание) другой национальности. Обычай же легко отдавать детей на воспитание восходит к традиционным семейным отношениям. В алеутском языке почти 30 % слов русского происхождения. До сих пор алеуты продолжают широко употреблять рецепты русской кухни, опять-таки в алеутском варианте, привившиеся в ранние годы вместе с их названиями: «каклюнах» — котлеты из сивучьего мяса; «нирокс» — обычно пирог из пресного теста с рыбной начинкой; «студинах» — студень из ласт сивуча; «алодикс» — замешанные на яйцах кайр или уток (гусей) и жаренные на тюленьем или сивучьем жире оладьи; суны с рыбой, пернатою дичью; пирожки, куличи и т. п.

Свидетельства устойчивости русских крестьянских традиций на Аляске отмечали сотрудница Музея истории Аляски Х. Шенитц, а также американские археологи и антропологи Дж. Ван-Стоун и У. Освальт [Shenitz, 1967; Ван-Стоун, Освальт, 1968].

Из сувенирных промыслов на Алеутских островах сейчас начинает вновь процветать плетение изящных алеутских корзиночек из травы. Наилучшие образцы изготавливаются на Атке, но есть прекрасные плетельщицы и в Уналашке, и в Никольском. Обычная цена таких корзиночек в магазинах от 100 до 300 долларов; не так мало получают за свою работу и мастерицы; но это — вознаграждение за долгий и кропотливый труд. В единичных экземплярах алеутские мастера изготавливают модели байдарок.

Есть и современные алеутские художники, чье искусство имеет в своей основе алеутские культурные традиции или является их непосредственным продолжением. На Атке работает молодой художник — алеут М. Диркс, обучавшийся в школе искусств на Адаке; им созданы серии гравюр с пейзажами и изображениями жизни родного селения. Художники Ф. Андерсон и Дж. Хувер связаны происхождением с алеутами, но сами никогда не были жителями алеутского ареала. Андерсон изготавливает маски по имею-

Триптих. Художник Дж. Хувер [Ray, 1981].

щимся в литературе и музеях материалам, но не имитирует, а создает оригинальные произведения по их мотивам. Хувер считается алеутским национальным художником и резчиком по дереву. Его мать — алеутка с Унги. В творчестве Хувера нашли интересное отображение алеутско-русская культура и алеутские легенды. Произведения Андерсона и Хувера были представлены на выставках аборигенного искусства Аляски в Анкоридже, а маски Андерсона — экспонированы в 1978 г. на первой выставке современного искусства Аляски при Национальном собрании изящных искусств Смитсоновского института в г. Вашингтоне. Резчик по де-

реву с о-ва Уналашка Ф. Тутяков в большей степени, чем предыдущие художники, является продолжателем традиций алеутских мастеров, поскольку его изделия, с одной стороны, восходят к резьбе, украшавшей прежде алеутские головные уборы, а с другой — служат предметами утилитарного назначения. Среди работ этого мастера имеются изображения животных, табакерки, ножи для бумаги, ложки, чаши, вазы и т. и. Материалом ему служит собранная на берегу древесина — плавник.

В 1976 г. в Фербенксе был организован Институт искусства аборигенов Аляски (некоммерческая организация), цель которого — сохранение и развитие как традиционного искусства аборигенов Аляски, так и современного. Он оказывает помощь и поддержку алеутским, эскимосским и индейским художникам, скульпторам, писателям и поэтам. Институт издает ежемесячный журнал-листок со сведениями о новых работах (с иллюстрациями), с краткими публикациями литературных произведений писателей и поэтов из среды аборигенов. В члены правления института выбрана в 1985 г. жительница о-ва Уналашка Г. Сверни — вице-президент Уналашкинской сельской корпорации. Унаследовавшая от матери-алеутки мастерство плетения, она сейчас активно пропагандирует возрождение этого искусства. Занимается она и резьбой по мыльному камню в традиционном алеутском стиле мелкой пластики [Journal of Alaska. . ., 1985].

Вкладом алеутов не только в американскую, но и в современную мировую культуру являются байдарки, которые вошли в большую спортивную жизнь народов мира (хотя такие байдарки и выполняются с применением современных материалов). В 1978 г. участники Британской аляскинской экспедиции совершили поход на байдарках в алеутских водах. В США, Канаде и Англии имеются общества, которые занимаются строительством байдарок по музейным образцам, предпринимают походы на них. В январе 1984 г. в Канаде было организовано Байдарочное историческое общество, ставящее своей целью изучение истории исследования русскими Аляски; роли, которую сыграли байдарки в этих исследованиях; сбор подробнейших исторических, литературных, иллюстративных, музейных и архивных материалов по конструкции байдарок; помощь членам общества в дальнейшем развитии этого типа кожаных лодок и организации путешествий на них [Dyson, 1986].

Современный период в истории алеутов связан с подъемом национально-освободительного движения, ростом общеалеутского самосознания, что ведет к дальнейшей интеграции алеутской этнической общности.

Хотелось бы, кроме того, отметить и современную особенность этнического самосознания, сложившегося у коренного населения Юго-Западной Аляски в целом и связанного с этнонимом «алеут». В научной литературе под ним подразумевают определенный этнос — алеутов (о границах расселения которых мы говорили выше). Но в общественно-политическом, административном

Горельев «Топорки». Художник М. Диркс [The Aleutians, 1980].

отношении к алеутам сейчас относят, основываясь на их самоопределении, также эскимосов Кадыяка, п-ова Аляска, побережья залива Аляска (т. е. эскимосов аглегмиутов, конягов и чугачей). Это самоопределение восходит ко временам Русской Америки, когда все данные народы именовались алеутами (численность именно таких алеутов и фигурирует часто в данных официальных переписей и в связи с этим выражается в резко возросших цифрах, что вызывает недоумение даже у некоторых специалистов). Характерно, что в указанном регионе сохранилось и влияние русской культуры, русской православной церкви.

Вышеназванное бытование термина «алеут» связано с существованием определенного современного самосознания: быть алеутом сейчас означает быть потомком аборигенов края с примесью русской крови, носителем смешанной аборигенно-русской культуры, а также исповедовать православную религию.

Аналогично существует в быту и отражается в официальных переписях и язык коренного населения указанного региона. Алеутским именуют как собственно алеутский язык, так и эскимосский диалект «юник» залива Аляска (известный также под названиями «сук», «сугниак», «алутиик» и частично «центральный юник») [Краусс, 1981, с. 171].

Приведенная выше гипотеза Г. И. Меновщикова о происхождении этнонима «алеут» от слова, обозначающего общину, отряд, команду (в зависимости от ситуации), таким образом, получает еще одно подтверждение, ибо собственно алеуты и указанные

группы эскимосов как раз и составляли промысловые охотничьи партии, организуемые русскими в конце XVIII—первой половине XIX в. С другой стороны, из этого следует, что название «алеут» включало и социальное содержание.

Указанная особенность этнического самосознания, связанного с понятием «алеут» (в широком его употреблении), может говорить об имеющем место процессе консолидации, начавшемся в русский период как для собственно алеутов, так и для групп аборигенов Юго-Западной Аляски, называвших себя алеутами.

В заключение следует отметить, что для алеутов, так же как и для других аборигенов Аляски, на современном этапе продолжают существовать трудности в определении своего места в мире белого человека, в проблеме выбора путей развития своей народности, в преодолении возникающих сложностей социального и этнокультурного порядка, включающих наряду с болезненными противоречиями в новых социальных объединениях все еще существующую национальную дискриминацию, ограничения в получении и реализации образования, разрушение старых этнокультурных общностей и т. п. [Агранат, 1982]. Вместе с тем уже ощутимые достижения показывают, насколько настойчиво стремление алеутов добиться социально-экономического равенства, покончить с нищетой и бесправием, включить ценности национальной культуры в современную жизнь, а не быть просто ассимилированными, поглощенными современной американской капиталистической экономикой и культурой, американским образом жизни вместе с национальной дискриминацией и расизмом современного капиталистического общества США.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОМАНДОРСКИХ АЛЕУТОВ

(ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в. — СОВРЕМЕННОСТЬ)

Алеуты Командорских островов — одна из малых народностей советского Севера. Их особая этническая история началась свыше 160 лет тому назад с поселения на этих островах и обособления от остальных алеутов.

Напомним, что заселение ими прежде необитаемых, открытых в 1741 г. экипажем судна «Святой Петр» во главе с командором В. Берингом островов связано с деятельностью Российско-Американской компании. После того как эта компания закончила свое существование в 1867 г. и российские владения в Америке — Аляска с Алеутскими островами — были проданы США, Командорские острова остались в пределах России.

Как уже отмечалось, для промысла пушнины компания использовала русских промышленников, но главной ее рабочей силой на протяжении всего периода существования было коренное население Алеутских островов — алеуты — и о-ва Кадьяк с прилегающими к нему островами и частью п-ова Аляска — эскимосы коняги.

Этническая история командорских алеутов в силу своей специфики представляется также весьма любопытной для рассмотрения в качестве одного из особенных случаев образования малой народности. Имеющаяся литература позволяет проследить их историю вплоть до современности; в наши дни командорские алеуты стали объектом исследования антропологов, лингвистов и этнографов.

Начальные этапы этнической истории командорских алеутов освещаются (правда, весьма скудно) в работах по истории Российско-Американской компании [Тихменев, 1861, 1863; Окунь, 1939; Алексеев, 1975; Хлебников, 1979]. Кроме того, имеется довольно обширная дореволюционная литература по Командорским островам, привлекавшим исследователей, предпринимателей, государственных чиновников и администраторов уникальными природными богатствами: лежбищами морских котиков, морскими бобрами, песцами. В этих работах описывалось и население островов (его история, занятия, экономическое положение, особенности быта и культуры; обсуждалась проблема вырождения народности), но, как правило, лишь попутно. Две ранние работы принадлежат естествоиспытателю Н. А. Гребницкому, который с 1877 по 1905 г. был управляющим командорскими промыслами, а позже —

начальником Командорского округа [1882, 1902]. В 1879—1880 и 1882 гг. острова посещал врач Петропавловского округа Б. И. Дыбовский, собиравший там попутно естественноисторические и этнографические материалы и коллекции [см.: Дыбовский, 1884; Dybowski, 1885]. В 1881 г. острова обследовал чиновник Главного управления Восточной Сибири П. Сулковский [1882]. В 1882, 1883, 1895, 1897 и 1922 гг. фауну островов (особенно котиковые лежбища) изучал американский исследователь из Национального музея США Л. Стейнегер [Steiniger, 1883, 1898]. В 1884—1885 гг. правительством был командирован на острова подполковник Генерального штаба Н. Волошинов для исследования вопроса о целесообразности продления аренды островов американской компанией [1886, 1889]. В 1892 г. на островах побывал изучавший морскую фауну северной части Тихого океана биолог Н. В. Слюнин, живо интересовавшийся и проблемами положения коренного населения северо-востока Сибири [1895а, 1895б, 1900]. В 1893 г. на острова от Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов был командирован К. И. Савич [1894]. И наконец, в 1910 и 1911 гг. от Департамента земледелия был направлен Е. К. Суворов, написавший обстоятельный труд о Командорских островах [1912]. Благодаря работам указанных авторов в нашем распоряжении имеются сейчас ценные исторические, демографические сведения о населении Командор того времени, а также фотоматериалы и этнографические коллекции.

Литература советского периода начинается статьей командированного Дальрыбохотой на Командорские острова известного исследователя Дальнего Востока, писателя и энергичного деятеля по освоению этого края В. К. Арсеньева, содержащей интересную историческую информацию и важные предложения по подъему хозяйства островов и культуры их жителей [1923]. То же можно сказать и о работах начальника промыслов на Командорах К. В. Кулагина [1927а, 1927б] и учительницы Л. И. Кулагиной [1928]. Обстоятельная статья Б. А. Редько, три года работавшего помощником начальника командорских промыслов (и безвыездно проживавшего на островах), содержит много ценных материалов о населении тех лет [1927]. И. И. Барабаш-Никифоров (изучавший в 1930—1932 гг. на островах биологию каланов) в своей книге рассказывает о замечательной приспособленности алеутов к жизни в суровых условиях островов, о новых чертах их общественной жизни [1934]. Известный исследователь истории и экономики районов Крайнего Севера М. А. Сергеев подробно раскрывает судьбу командорских алеутов в комплексном исследовании природы, населения, истории и хозяйства советских островов Тихого океана [1938].

В наше время командорским алеутам посвящено значительное число специальных статей историков, лингвистов, этнографов и антропологов, что свидетельствует о научном интересе к этой небольшой народности, к ее судьбе [Антропова, 1956; Орлова,

1962; Бондарева, 1966; Мухачев, 1968; Миропольский, 1968; Меновщиков, 1964, 1965; Гурвич, 1970; Агранат, Кузаков, 1971; Рычков, Шереметьева, 1972; Кузаков, 1974; Ляпунова, 1979г; Алексеев, 1981; Асиновский, Вахтин, Головки, 1983]. И наконец, увлекательное и хорошо иллюстрированное описание истории и современной жизни Командор мы находим в книге писателя Л. М. Пасенюка [1974, 1985].

Говоря об истории постоянного населения Командорских островов, нельзя все же не упомянуть, что первыми невольными зимовщиками на о-ве Беринга были члены экипажа судна «Святой Петр» во главе с В. Берингом, потерпевшего 9 ноября 1741 г. крушение в одной из его бухт. На берегу этой бухты и похоронен Беринг, в память которого она названа Командорской (вначале и остров назывался Командорским, но затем это наименование перешло на всю группу островов). В последующие годы XVIII столетия (начиная с 1743 г.) острова сначала ежегодно, а затем несколько реже посещались судами частных промысловых купеческих компаний, нередко зимовавшими здесь и увозившими богатые грузы пушнины [Берх, 1823; Берг, 1946; Макарова, 1968]. В результате на островах были почти истреблены морские бобры, сильно уменьшилось количество котиков и песцов.

В 1805 г. по распоряжению Охотской конторы Российской-Американской компании, в ведении которой до 1823 г. (до включения в состав Атхинского отдела) находились Командорские острова, на о-ве Медном штурманом Я. Потаповым была высажена артель русских промышленников из 13 человек (некоторые были с женами) во главе с байдарщиком Шишицыным, которая занималась добычей котиков и песцов, переезжая для промыслов и на о-в Беринга. После посещения островов в 1812 г. штурманом И. В. Васильевым на бриге «Финляндия» эта артель осталась там и далее. В 1881 г. Н. А. Гребницкий писал, что отцы двух семейств, ныне живущих на островах, поселились здесь до 1812 г. [1882, с. 44]. Еще Шишицын просил Охотскую контору прислать алеутов для промысла вновь появившихся здесь морских бобров [Хлебников, 1979, с. 182]. Артели русских промышленников с переменным составом завозились на острова и в последующие годы. В 1819 г. в южной части о-ва Медный, у мыса Палата, находилось поселение из 15 человек; в северной части о-ва Беринга проживало 30 человек (у Старой гавани, р. Саранной и на месте с. Никольского).

Появление постоянного населения на Командорских островах произошло только после присоединения в 1823 г. Атхинского отдела к другим отделам Русской Америки, находившимся под управлением Главной конторы русских колоний в Америке, располагавшейся в Новоархангельске. Известно, что правитель Атхинского отдела Мершенин доставил на о-в Беринга 17 алеуто-промышленников с семьями с о-ва Атту [Хлебников, 1979, с. 176]. Это было не позднее 1825 г. (а не в другие, указываемые в литературе — 1826 и 1827 гг.: именно тогда после своего плава-

Таблица 1

Численность постоянного населения Командорских островов в XIX в.

Годы	На о-ве Беринга	На о-ве Медном	Всего
1827	110	—	110
1860	300	90	390
1863	—	—	387
1867	254	146	400
1868	245	142	387
1869	234	147	381
1870	237	153	390
1871	241	157	398
1872	247	161	408
1873	258	161	419
1874	270 (297)	168 (154)	438 (451)
1875	271	171	442
1876	281	176	457
1877	285	179	464
1878	293 (313)	187 (166)	480 [479]
1879	309 (310)	186 (190)	495 (500)
1880	309 (303)	192 (200)	501 (503)
1881	309 (310)	200 (203)	509 (513)
1882	319 (314)	202 (214)	521 [528]
1883	326 [337]	220 (209)	535 (546)
1884	333 (340)	230 (220)	563 (560)
1885	345	230	575
1886	329	242	671
1887	353	244	597
1888	326	280	606
1889	354	283	637
1890	345	274	619
1891	328 [378]	281 (238)	609 (616)
1892	330	296	626
1893	332	289	621
1894	326	286	612
1895	354	244	598
1896	354 (356)	244 (249)	598 (605)
1897	356 (353)	249 (256)	605 (609)
1898	342	270	612
1899	292	254	546
1900	279	253	532

Примечание. Здесь использованы данные П. А. Тихменева [1863], И. А. Гребницкого [1882] Л. Стейнегера [Steiniger, 1883], Б. И. Дыбовского [Dybowski, 1885], Н. Волошинова [1886], К. И. Савича [1894], Н. В. Слюнина [1895], Е. К. Суворова [1912], С. Патканова [1912], К. Т. Хлебникова [1979]. Следует отметить, что между сведениями разных авторов существует некоторый разнобой (цифры в скобках; в прямых — подсчеты автора), а исторические свидетельства изменения численности не всегда подтверждаются данными настоящей таблицы.

ния на бриге «Финляндия» Мершенин умер на о-ве Атха), к которому и сами командорские алеуты относят начало своей жизни на островах. В 1826 г. компания дополнительно переселила на острова алеутов и креолов с о-вов Атту и Атха. При посещении в 1827 г. на бриге «Байкал» К. Т. Хлебниковым о-ва Беринга там жили 17 русских промышленников, 13 креолов, 24 алеута, а с ними 35 женщин-креолок и 21 алеутка. Всего на острове находилось 110 человек, они же ездили для промыслов на о-в Медный (табл. 1)

[там же, с. 160—168], где постоянное поселение появилось лишь в 1828 г.

В литературе есть сведения, что в последующие годы на Командоры привозили алеутов с о-вов Святого Павла (о-ва Прибылова, куда, как нам известно, их доставляли с Лисьих островов), Лисьих, Андреяновских, эскимосов — с Кадыяка, промышленников — из Ситхи и Калифорнии (из последних двух мест — также из числа лисьевских алеутов и конягов, завезенных туда ранее). С 40-х гг. XIX в. на о-ве Беринга стали селить пенсионеров компании (рабочих, окончивших срок службы и получавших от компании пенсию). Большинство пенсионеров — русские, женившиеся на алеутках. Наряду с этим на острова в качестве рабочих завозили русских, креолов, а в единичных случаях — представителей других народностей России (коми-зырян, цыган, киргизов). Последние подселения на острова относятся к 1872 г., когда с о-ва Атту были доставлены 30 алеутов, и к 1888 г., когда с мыса Желтого п-ова Камчатка было привезено 26 алеутов, кадыякцев и курильцев (айнов), оставшихся от поселения Российско-Американской компании на Курилах. Кроме того, в 80-х гг. по требованию администрации, решившей, что жители слишком перероднились между собой, несколько молодых алеутов взяли себе жен-камчадалок из Петропавловска.

Кроме постоянных жителей на островах находились управляющий и его помощник, священник, агент, арендующий котиковые промыслы компании, несколько солдат.

Население островов, различаясь вначале по своему общественному статусу, постепенно было уравнено. Напомним, что с 1821 г. алеуты, эскимосы коняги и курильцы относились к сословию «островитян» и обязывались служить компании с 18 лет до 50. По уставу Российско-Американской компании 1844 г. «островитяне» перешли в категорию «инородцев» (где числились и другие национальные меньшинства России), оставшись фактически почти в прежнем состоянии. Большинство креолов должны были служить в компании 15 лет (начиная с 17-летнего возраста), после чего они становились «вольными» и могли только по своему желанию и за особую плату работать на компанию. В несколько привилегированном положении, составляя в Русской Америке так называемое колониальное гражданство, находились пенсионеры компании. Но с ликвидацией компании и присоединением Командорских островов к Петропавловскому округу Камчатки все без исключения постоянное население островов было причислено к инородческому (хотя в метрических книгах при Никольской церкви на о-ве Беринга и Преображенской на о-ве Медном традиция разделения на алеутов и креолов поддерживалась до 1905 г., после чего все стали именоваться инородцами). Впоследствии, вплоть до установления Советской власти, жители Командор числились работниками казенных промыслов, составляя крестьянское общество (но без уплаты казенных и земских податей).

Во времена Российско-Американской компании островами управляли приказчики. В последующий период на каждом острове выбирались староста и совет при нем; в основу деятельности их легли законоположения о русских сельских общинах.

Особенностью жизни постоянного населения на Командорах вплоть до четырех-пяти последних десятилетий была изолированность от внешнего мира как обоих островов вместе (одно-два судна за летнюю навигацию), так и одного острова от другого в течение полугода. В этих условиях первостепенное значение для этнического развития имел состав групп населения, заселявших острова в целом и каждый из них в отдельности. Нужно отметить, что в литературе содержатся слишком общие, к тому же довольно противоречивые сведения по данному поводу.

Прежде всего остается невыясненным, сколько же было на островах алеутов (и других инородцев) и сколько креолов. Б. И. Дыбовский писал, что алеутов (на 1879 г.) на обоих островах числилось 168 человек (на о-ве Беринга — 68, на Медном — 100), креолов на обоих островах — 332 (на первом — 241, на втором — 91), камчадалов — 9 (соответственно 3 и 6). Согласно этим данным, креолы составляли $\frac{2}{3}$ населения, причем на о-ве Беринга они значительно преобладали над алеутами, а на Медном находилось примерно равное количество тех и других. Но в то же время Дыбовский отмечает, что семей алеутского происхождения на обоих островах было 39: 24 — с Атхи и других Андреяновских островов, 9 — с Атту, 2 — с Лисьих островов и 4 — из алеутов, ранее вывезенных в Ситху (т. е. лисьевских) и Калифорнию (кадьякских эскимосов); только 4 семьи указаны как имеющие русских отцов (распределения семей по островам им не дано). Таким образом, подсчет по семьям показывает, что лишь 10 % населения было неалеутским. Дыбовский не считает вообще разделение на алеутов и креолов достаточно обоснованным, ибо и «чистые» алеуты, по его мнению, не являются таковыми, а креолы мало отличаются от этих алеутов [Dybowski, 1885, s. 25].

Н. А. Гребницкий по результатам проведенного им в 1881 г. подсчета сообщил, что 23.9 % от общего числа жителей Командор составляют алеуты, а 76.1 % — потомки от браков русских и алеутов, т. е. креолы [1882, с. 45]. Н. Волошинов писал, что «население островов не представляет ничего цельного, общего, однородного», и это результат его происхождения от разнообразных сочетаний русских, алеутов и креолов [1886, с. 8].

По данным переписи 1897 г., приводимым С. Паткановым, алеуты и креолы показаны уже вместе, причем как говорящие на алеутском языке. Из девяти камчадалов одна женщина знала ительменский язык, трое мужчин и пять женщин пользовались русским, а 14 айнов — алеутским. Жители о-ва Медного, называвшие себя алеутами, составляли 35 %; остальные 65 % именовали себя креолами [Патканов, 1911, с. 148—153; 1912, с. 906, 976, 977]. По о-ву Беринга таких сведений нет.

Основываясь на содержащейся в литературе характеристике жителей Командор того времени, большую часть их скорее можно отнести к алеутам, особенно в культурном отношении, ибо и у креолов преобладали главным образом алеутские этнические традиции (в том числе и язык). Как мы уже указывали, алеуты еще в конце XVIII--начале XIX в. все поголовно приняли христианство и начали усваивать черты русской культуры. А креолы, выросшие при матерях-алеутках в алеутской среде, не так уж сильно отличались, конечно, от собственно алеутов. Но поскольку быть креолом считалось почетнее, то вполне возможно, что люди, имеющие какую-то долю европейской крови, записывались креолами. Именно этим, вероятно, и объясняются противоречия в заключениях указанных авторов. Подсчет по спискам, где большинство жителей названы креолами, показывал одну картину, а действительное обозрение семей давало представление в основном об алеутском населении.

Особенно большое значение для этнических процессов имел состав населявших каждый остров групп. Ведь географическая изолированность островов друг от друга сопровождалась (так же, как это было и на Алеутских островах) предпочтительными браками в пределах одного острова (инбредные группы), обособленной жизнью каждой островной общины. Отмечался даже некоторый антагонизм, что, в частности, проявилось в протестах жителей обоих островов при переселениях в конце XIX в. администрацией семей с о-ва Беринга на Медный [Гребницкий, 1882, с. 49; Волошинов, 1886, с. 10; Слюнин, 1895б, с. 170]. В литературе начиная с Н. А. Гребницкого [1902, с. 34] отмечается, что о-в Беринга заселялся преимущественно выходцами с Атхи и других Андреяновских островов, а Медный — с Атту. Сделанный нами подсчет по спискам, составленным в 1881 г. Гребницким, демонстрирует следующий состав жителей каждого острова. Из 31 семьи на о-ве Беринга происходящими с Атхи и других Андреяновских островов названы 16, с Лисьих островов (но в эту группу, корректируя Гребницкого, мы включаем и переселенцев с о-ва Святого Павла и из Ситхи, куда ранее завозили только лисьевских алеутов) — 5, с Атту — 4, с Алеутских островов (без точного указания места) — 2, из Калифорнии — 1 (сюда мы относим эскимосов конягов Кадыяка, откуда отправляли, как нам известно, промысловиков в Калифорнию); кроме того, с русскими отцами — 3 семьи. Таким образом, действительно, по этим данным, основной состав поселенцев о-ва Беринга — выходцы с Андреяновских островов, но значительную часть (16.1 % от общего числа семей и 31.2 % от числа семей атхинцев) составляли лисьевские алеуты [Гребницкий, 1882, с. 46—48]. Подсчет этот, конечно, не вполне точен, ибо нам неизвестно происхождение двух алеутских семей и трех — с русскими отцами (т. е. происхождение матерей). Но все же следует отметить, что имелся значительный процент лисьевских алеутов.

Из 13 семей на о-ве Медном Н. А. Гребницкий указывает на четыре как на происходящие с Атту, пять — с Атхи; об одной семье сказано только, что ее члены родились на Медном; о двух — что они переехали с о-ва Беринга; еще об одной — что в ней отец русский, из Ситхи. По этим данным нельзя утверждать, что на Медном преобладали выходцы с Атту. В небольшом подселении 1888 г. имелось лишь несколько аттовских алеутов, да и то не всех их отправили на Медный. Остается только предполагать, что картина была бы несколько иной при учете происхождения матерей и таких обычаев алеутов, как счет происхождения по линии матери (а не по отцу, как всегда считали русские), воспитание ребенка (по традиции дарения или обмена детьми) в чужой семье. Возможно также, что исторические данные частично утрачены.

При некоторой противоречивости исторических свидетельств особенно интересными представляются результаты исследований современных командорских алеутов антропологами, лингвистами и этнографами.

В 1970 г. экспедицией Московского университета было принято обследование коренного населения Командор с целью изучения его популяционной генетики. Результаты показали, что, несмотря на исторически отмечаемую гетерогенность командорских алеутов, они по своей генетической структуре являются все же алеутами. Указываемые в литературе примеси к алеутам неуловимы в генофонде популяции. Кроме того, было отмечено наличие двух субпопуляций, беринговской и медновской, на формирование которых оказали влияние и состав переселенцев, и изоляция островов, и их своеобразные условия. Далее, командорская популяция была определена как особая группа наряду с другими популяционными группами алеутов, обитавшими в основных местах своего заселения. И она отличалась от остальных групп так же, как они между собой. Самое же близкое сходство командорская популяция (и особенно медновская субпопуляция) показала с восточной (уналашкинской, лисьевской) группой. Последнее объясняется или неточностью исторических свидетельств (т. е. отсутствием данных о наличии лисьевских алеутов, особенно на о-ве Медном), или особыми временными изменениями, микроэволюцией [Рычков, Шереметьева, 1972].

В. П. Алексеев по данным соматологических исследований командорских алеутов, проведенных в 1973 г., сделал вывод об отчетливо выявляемой европеоидной примеси даже в составе тех алеутов, которые не помнят среди своих предков европейцев [1981].

Современные лингвистические исследования тоже констатировали сложение двух островных групп. Так, Г. А. Меновщиков в результате изучения языка населения о-вов Беринга и Медного зафиксировал существование на каждом из них своего диалекта алеутского языка. Беринговский диалект отнесен им к атхинскому, причем отмечено сохранение без изменений грамматического строя

и наиболее употребительных слов лексики. Медновский же диалект, по его определению, представляет редкое и интересное образование. В результате длительного контактирования двух индосистемных языков — русского и алеутского — произошел процесс интерференции на уровне грамматического строя языка. При оставшемся алеутском (аттовский диалект) лексическом составе под воздействием русского языка медновский диалект утратил ряд существенных черт исконного грамматического строя (глагольные формы) и воспринял соответствующие нормы (глагольные аффиксы — лицо, число, время, наклонение) русского языка. Таким путем образовался особый островной язык креольского типа. Русские совершенно не понимали его. Алеуты о-ва Беринга, знавшие наряду с родным и русский язык, понимали, но с большим трудом (и в литературе неоднократно отмечалось, что беринговцы и медновцы очень плохо понимали диалекты друг друга и при разговоре чаще всего переходили на русский язык). Меновщиков предполагает, что в начальной стадии своего развития этот промежуточный язык являлся языком-посредником между русскими и алеутами [1965].

В 1975—1977 гг. нами были записаны у командорских алеутов еще сохранившиеся народные этногонические знания о заселявших острова группах алеутов по прежним территориальным подразделениям и о происхождении именно командорских алеутов. Так, по словам С. С. Григорьева, старого алеута-промысловика с о-ва Медного, туда сначала привезли креолов, а затем людей, называвшихся «саксиннан», и уже из них образовались алеуты. Информант был по-своему прав: так это и выглядит с точки зрения современных командорских алеутов. Ведь действительно алеутами стали называть данный народ только русские (началось это, правда, значительно раньше, при первом знакомстве русских с ними). У алеутов же прежде существовали, как мы полагаем, только названия отдельных территориальных групп. «Сасигнан» — это, как свидетельствуют старые русские источники и карты, название алеутов Ближних островов Алеутской гряды, самых западных [Вениаминов, 1840, II, с. 2, 3; Ляпунова, 1975а, с. 122, 123]. Образовавшееся от смешения креолов и саксиннан население стали со временем именовать алеутами (что стало и их самоназванием). И вполне возможно, что пусть не численное преобладание аттовцев на о-ве Медном, а их влияние на этнические традиции (в том числе и на язык) началось только с 1872 г.

У беринговских алеутов были записаны самоназвания «унанган» («негосис» и «негогахвс» (как это фиксировалось и другими исследователями). Первое — самоназвание восточных (уналашкинских, лисьевских) алеутов (иногда переносимое на самоназвание всех алеутов); второе и третье — безусловно самоназвания алеутов Андреяновских островов, которые известны по старым русским источникам как «нигигусы», «нигигун», «ниягунгин», «негбо» и «него». Согласно спискам Н. А. Гребницкого, обе

указанные группы жили на о-ве Беринга и вместе с креолами стали именоваться алеутами. Переход в основном на это единое название произошел примерно в первые десятилетия XX в.

Интересно привести перечень старых алеутских фамилий, записанных нами со слов старожилов в 1975 г. Для каждого острова они были различными, совпадали только в одном-двух случаях. Как беринговские назывались следующие фамилии: Ладыгины, Паньковы, Мершенины, Корсаковские, Песенковы, Удачины, Хорошевы, Степновы, Прошевы, Невзоровы, Мякишевы, Ножи-ковы, Шадровы, Григорьевы, Пахомовы, Яковлевы, Галкины, Шангины, Будаковы, Березины; как медновские: Зайковы, Голодовы, Куликаловы, Дуришины, Кичины, Кадины, Климовы, Бадаевы, Аксеновы, Хабаровы, Поповы, Тимонькины, Григорьевы, Сушковы, Терентьевы. Целый ряд этих фамилий уже не встречается ныне на Командорах.

Часто встречающееся в литературе утверждение о сильной смешанности командорских алеутов является, но-видимому, все-таки преувеличенным. Но вместе с тем особая стойкость физического типа и этнических традиций алеутов, наблюдаемая на Командорах, без сомнения, существует. Так, например, Б. А. Редько писал, указывая на смешанность коренного населения островов: «Несмотря на последнее обстоятельство и продолжающиеся браки с различным посторонним элементом, эта маленькая группа удивительно стойко удерживает многие существенные национальные алеутские черты физического типа, характера, привычек и быта, хотя и живет совершенно обособленно от главной массы своего племени, не имея никакой связи с другими островами, заселенными алеутами. Особенно резко выступает устойчивость алеутов как народности, концентрирующейся на островах, при браках с европейцами, при которых дети сохраняют характерные алеутские черты в своей наружности и характере, имея нередко три четверти посторонней крови. К обитателям Командорских островов до наших дней подходит почти во всех главнейших чертах описание, данное Вениаминовым в начале прошлого века алеутам Уналашкинского отдела» [1927, с. 70].

Следующий фактор, повлиявший на особенность этнической судьбы командорских алеутов, связан с пушными богатствами Командор. Смена компаний, владевших пушными промыслами, сказывалась не только непосредственно на судьбе жителей, но и на их культуре. История постоянного населения островов в этих условиях была весьма драматична и могла бы уже закончиться полным его вымиранием, как это прогнозировали авторы конца XIX—начала XX в., если бы не произошли перемены в жизни командорцев, пришедшие с установлением Советской власти.

И. С. Гурвич, основываясь на литературных данных и собранных в 1968 г. на Командорских островах сведениях, закономерно выделил три этапа этнической истории командорских алеутов:

первый — до 1867 г.; второй — с 1871 до 1920-х гг.; третий — советский [1970].

В первый период положение поселенцев Командор было общим с положением остальных аборигенов Алеутских островов. Все алеуты были обязаны работать как непосредственно на промыслах, так и на заготовке для компании продовольствия из местных ресурсов и материалов для шитья одежды (птичьи шкурки, меха и т. д.). Единственным же источником денежных доходов алеутов являлась пошкурная плата за добытых зверей по существовавшим таксам компании. В отчете ревизовавшего в 1860—1861 гг. деятельность компании комитета читаем: «...положение алеутов близко подходит к бывшему положению в России крепостных крестьян», но хуже, так как на полученные за свой труд деньги алеуты должны были покупать необходимые им товары у той же компании по произвольно устанавливаемым ею высоким ценам [Доклад Комитета... , 1863, с. 159].

Неправомерно было бы, однако, не принимать во внимание другую сторону значения деятельности русских в Северо-Западной Америке вообще и среди алеутов в частности — культурно-просветительскую (как это уже отмечалось в гл. II). Прибывавшие из России в Америку крестьяне, низшие слои городского населения налаживали хорошие отношения с аборигенами, входили в их жизнь. Среди колониальной администрации и служащих были люди с прогрессивными взглядами, старавшиеся улучшить положение алеутов, вводить целесообразные изменения в их быт, культуру. Из числа алеутов и креолов готовили мастеровых разных профессий, мореходов, служащих, учителей школ и священников. Делались попытки внедрить в хозяйство алеутов огородничество, скотоводство. Началось строительство более благоустроенных наземных жилищ взамен прежних полуподземных; вводились элементы европейской одежды, быта и, наконец, письменности с обучением грамоте алеутов. Создателем письменности на алеутском языке был признанный просветитель алеутов И. Вениаминов, который много сделал для того, чтобы привить им новые культурные навыки, обучить их грамоте, ремеслам [Вениаминов, 1840, 1846; Окладников, 1976, 1983а; Арсеньев, 1979]. Среди алеутов распространилось христианство.

Именно ко временам Русской Америки восходит у алеутов традиция грамотности. На о-ве Беринга при Российско-Американской компании имелась школа и почти все взрослое мужское население умело читать и писать. Помимо преподавания русского языка в церковноприходской школе кто-нибудь из взрослых алеутов обучал детей и своей грамоте. Тогда же было положено начало огородничеству на Командорах (сажали картофель, репу, редьку, редис), скотоводству (держали коров, свиней, коз) и разведению домашней птицы (кур, уток).

Хозяйственная деятельность и культурные традиции населения Командор первого периода мало отличались от тех, которые были

характерны для алеутов архипелага [Вениаминов, 1840, II; Ляпунова, 1975а]. На новое место жительства (Командорские острова, сходные по природным условиям с Алеутскими) были перенесены выработанные алеутами на их прежней родине специфическое хозяйство, материальная культура и нормы жизни. Продолжала существовать охота на морских животных с кожаных байдарок (гарпунами, бросаемыми с метательных досочек). Как и на Алеутских островах, главную задачу населения Командор составляли интенсивные пушные промыслы и заготовка местного продовольствия в крупных масштабах для снабжения и других мест Русской Америки, менее богатых природными ресурсами. На бобров здесь стали охотиться не только с байдарок, но и с помощью сетей. Для добычи песцов в разные части островов, где были выстроены юрты (называвшиеся тогда одиночками), с октября по январь отправлялись охотники с семьями. Песцов обычно промышленно вводили в обиход русскими кулемками (деревянная ловушка давящего типа). Но основным промысловым зверем были котики. Их добывали в большом количестве отгоном партий животных на специальные забойные площадки. Мясо котиков, сивучей, нерп, а иногда и выбрасываемых на берег китов служило жителям постоянной пищей (его вялили, солили). Рыбу лососевых пород заготавливали (во время ее хода на нерест в речки, особенно на о-ве Беринга) вялением (юкола) и солением. Треску, палтуса и рыбу других пород ловили в море с байдарок (особенно жители о-ва Медного, ибо там речек с нерестилищами было мало) и тоже заготавливали на зиму. Сезонной пищей служили морские птицы (их вялили впрок на Медном), на которых охотились на птичьих базарах с помощью чируча (большой сачок на шесте), сетей и ружей. Собирали и их яйца. Около речек и озер промышленно уток, гусей, лебедей. Продукты морского собирательства (икра морских ежей, осьминоги, разные моллюски, рачки, морская капуста) являлись обязательным дополнением к рациону, так же как и клубни растений (особенно сараны, заготавливаемой впрок), ягоды (шикша, черника, брусника, морошка).

Жилища первого периода представляли собой несколько видоизмененные традиционные полуподземные алеутские юрты. Их строили углубленными в землю; стены и крышу делали из жердей, плах, досок и обкладывали дерном; наверху оставляли люки для света, но вход был не как прежде, из верхнего люка, а сбоку, через небольшие сени. В таких юртах стали ставить и печи. Как и на Алеутских островах, компания сооружала на Командорах для своих рабочих казармы. Семейные селились в юртах на одну-две семьи. Освещались жилища жировыми лампами.

В первый период одежда алеутов сохраняла еще свои традиционные черты, что было особенно удобно на промыслах. Из шкурок птиц (в основном топорков) шили теплые водонепроницаемые парки; из сивучьих кишок и горл — камлейки и куртки с капюшонами; из нерпичьей кожи — штаны («лавташны»). Носили не-

промокаемые торбаса. На промыслах употребляли и «бродни» — штаны из сивучьих горл, к которым пришивались торбаса. Но в качестве каждодневной одежды часто использовали привозную русскую.

Среди предметов домашнего обихода были травяные плетеные сумки, корзины, циновки; для хранения жира, юколы, запасов шикши с жиром и т. п. применяли сивучьи пузыри (желудки). В то же время вошли в быт металлические котлы, чайники и другая привозная посуда.

Командоры по своим природным условиям такие же, как Алеутские острова, однако имеют и некоторые отличия, поэтому командорские алеуты, приспособляясь к ним, приобрели и ранее неизвестные им элементы культуры. Зимы на Командорах более суровые и снежные. О-в Беринга в северной (обитаемой) части представляет собой сравнительно ровную тундру, а о-в Медный, наоборот, весь состоит из гор со скалистыми обрывами и утесами. На о-ве Беринга уже в первый период широко вошли в обиход промышленников нарты с собачьей упряжкой (заимствованные с Камчатки, но несколько видоизмененные), на которых ездили и летом. На Медном же невозможно было использовать даже лошадиную тягу и все грузы люди переносили на себе. Сообщение с разными частями острова (преимущественно летом) поддерживалось при помощи традиционных байдарок и лодок. Для хождения же зимой по горам медновские алеуты прекрасно освоили лыжи, также камчатского типа, короткие и широкие, подбитые шкурой нерпы с шерстью (ворс препятствовал скольжению лыж назад при подъеме на гору), и стали употреблять особые шесты с железными крючьями (для передвижения по обледенелым склонам).

Алеуты и на новой родине сохранили ряд традиционных норм жизни и многие элементы духовной культуры (остатки которых можно наблюдать даже у современных алеутов): кросскузенный брак, многоженство и многомужество (несмотря на протесты служителей церкви), отдачу детей на воспитание (предпочтительно брату матери), а также устный, вокальный и игровой фольклор. Алеуты пользовались в этот период своим языком, особенно на о-ве Беринга; русским владели даже не все промысловики, не говоря уже о женской части населения.

Таким образом, для первого периода жизни алеутов на Командорских островах характерны сохранение традиционной культуры в целом и приобретение новых элементов, необходимых для приспособления к особенностям местной природной среды. Только традиционным умением максимально использовать все средства для существования в суровых субарктических островных условиях, умением адаптироваться (в том числе и физически) можно объяснить относительную жизнестойкость командорских алеутов в последующие, более тяжелые годы. Подрыв традиционных основ культуры во второй период стал губительно сказываться на них.

После прекращения деятельности Российско-Американской компании для Командорских островов наступил трехлетний период беспризорности. Туда хлынули русские и американские предприниматели, купцы, авантюристы. Они скупали за бесценок пушнину и заключали контракты с алеутами-промысловиками (оказавшимися как будто бы владельцами пушных промыслов), расплачиваясь бытовыми товарами и водкой. Спаивание жителей было ужасающим. В этих условиях промысел зверей достиг невиданных размеров, котики забивались без различия пола и возраста, без учета на восполнение истреблялись бобры и песцы (тогда как при компании существовала, особенно в последний период ее деятельности, строгая регламентация забоя зверей, действовали система запусков, т. е. запрета промыслов на определенный период, и другие ограничения, нужные для сохранения поголовья). Под влиянием жаждавших только личного обогащения авантюристов алеуты сами стали хищнически истреблять жизненно необходимых для них морских животных.

Реальная угроза полного уничтожения пушных богатств островов при нежелании правительства заниматься ими была причиной сдачи промыслов в 1871 г. в аренду на 20 лет американскому торговому дому «Гутчинсон, Кооль и К^о» (принадлежавшему той же самой фирме, что и Аляскинская торговая компания, которая арендовала у правительства США пушные промыслы на о-вах Прибылова). Эта компания упрядочила ведение промыслового хозяйства и стала получать громадные барыши.

Для второго периода жизни алеутов на Командорских островах, начавшегося с деятельности указанной американской компании, характерна довольно резкая ломка особенностей традиционной культуры. Внешне это было время сравнительного благополучия алеутов, но их жестокая эксплуатация, хотя и в завуалированной форме, продолжалась. Пушнина принималась от населения по очень низким расценкам, в то время как стоимость предметов первой необходимости, привозных продуктов и товаров типично колониального ассортимента (украшения, парфюмерия, галантерея, спиртные напитки и т. п.) была очень большой. При сравнительно высоких заработках (особенно на о-ве Медном, где населения было меньше, а промысловых зверей больше, и в том числе наиболее выгодных для промысла морских бобров, отсутствовавших на о-ве Беринга) жители не получали денег на руки, а необходимые товары приобретали у компании по особым расчетным книжкам. Одежда стала почти целиком привозной, американской, и на ее приобретение уходила большая часть денег. Но, как пишет Н. Волошинов, привозимый компанией «товар не соответствует условиям жизни простолюдина на Командорских островах ни по своему качеству, ни по выбору, пригодным для жизни горожанина» [1886, с. 21]. Вместо птичьей парки на промысел стали надевать несколько теплых (стоящих дорого) рубах, а вместо торбасов — длинные резиновые сапоги, щеголеватые на вид,

но безусловно негодные и нездоровые в местных условиях. В результате жители, привыкнув покупать в готовом виде обувь, одежду (зачастую малоподходящие к условиям их жизни) и почти все, нужное в их быту, разучились это делать сами и уже не могли выполнять никаких крестьянских работ [там же, с. 20]. Существующих заработков в основном еле хватало на покупку одежды, чая, сахара, сухарей, муки, топлива и уже совсем недоставало на особенно необходимые жиры и масло [Сулковский, 1882, с. 9]. Покупательная способность населения на о-ве Медном была выше, чем на о-ве Веринга, но зато там несравненно тяжелее были условия труда и гораздо больше времени занимали промыслы, требовавшие по своему объему не только участия мужчин, но и непосильного труда женщин и детей (мальчики 8 лет помогали на промыслах, а 12-летние перетаскивали на себе по горам на 4 мили связки из пяти-шести шкур весом от 8 до 20 фунтов каждая) [Гребницкий, 1882, с. 60].

Завезенные в тот период «американские дома» (как свидетельство «заботы» компании о жителях), стены которых составлялись из двух рядов тонких узких досок, были малопригодными и даже вредными в условиях холодного и предельно сырого климата островов. Отапливались они чугунными печками, и воздух в помещении, нагреваясь во время топки до очень высокой температуры, по ее завершении быстро сравнивался с наружным. Н. Волошинов отмечал, что в санитарном и экономическом отношении (из-за дороговизны топлива и трудности доставки плавника) лучше жить в хороших юртах с печами, если нет возможности построить бревенчатые дома [1886, с. 21, 22]. Действительно, и в более поздние годы люди иногда предпочитали оставаться на зиму в местах промысла и жить в юртах, чем в холодных домах в селениях Никольском и Преображенском.

Хозяйственный цикл занятий жителей во второй период складывался следующим образом (в основном по данным Н. А. Гребницкого [1882]):

Апрель—май — объезд островов, лов рыбы в море, охота на птиц (мужчины); на о-ве Медном также охота на бобров (мужчины), возделывание огородов (май, женщины).

Июнь—август — промыслы морских котиков, засолка шкур, увязка, транспортировка, погрузка (все население), промыслы во время сезонного хода лососевых (главным образом женщины, дети).

Август—сентябрь — сенокос, соби́рание плавника, рыбная ловля в море (мужчины); на о-ве Медном, кроме того, запасание на зиму птиц и морской рыбы (мужчины, женщины), заготовка впрок сараны, ягод, уборка огородов (женщины).

Ноябрь—декабрь — промыслы песцов, охота на нерп (мужчины); остальные жители ездили за запасами корма в места промыслов.

Январь—февраль — промыслы песцов, подвоз в селения плавника (мужчины).

Следовательно, хозяйственные занятия оставались примерно такими же, как и прежде. Но оснащение промыслов менялось.

На о-ве Медном, например, у многих жителей появились ружья, вельботы, постепенно заменившие байдарки. Промыслы бобров велись уже почти только сетями.

Изменения, происшедшие в конце XIX в. в жизни алеутов, отнюдь не улучшили их положения. Свидетельства Н. А. Гребницкого, Б. И. Дыбовского, Н. Волошинова и других сходились в том, что неблагоприятные условия жизни вызвали очень высокий процент заболеваемости (туберкулез, ревматизм, болезни органов дыхания, пищеварения, кожные, мочеполовые и др.) и смертности. Особенно велика была детская смертность. На островах же не существовало никакой медицинской помощи. Средняя продолжительность жизни равнялась 23 годам. Данные Гребницкого и Дыбовского о численности и проведенные ими подсчеты естественного прироста и убыли населения в период с 1873 по 1884 г. показали медленный прирост (до 2 %). Однако С. Патканов отмечал, что, несмотря на это, для островов характерны периоды отрицательного естественного приращения населения, вызываемые неблагоприятной обстановкой. Так, с 1886 по 1891 г. ежегодная убыль алеутов равнялась 3.2 человека. И даже хорошие заработки населения мало содействовали улучшению условий их жизни, ибо по большей части расходовались на прихоти и приобретение предметов роскоши [Патканов, 1911, с. 150].

Н. В. Слюнин, анализируя численность населения за 20 лет, отметил, что прирост населения при ближайшем рассмотрении списков жителей оказывается ничтожным, и наоборот, преобладает вымирание целых семей. За 5 лет (1886—1891) на о-ве Беринга родились 111 человек, а умерли 127. На о-ве Медном за 20 лет (1872—1892) население совсем не увеличилось (хотя туда даже переселяли семьи с о-ва Беринга), а две семьи алеутов вымерли целиком. Компании же ради своей выгоды поощряли «детские желания и безотчетные стремления» алеутов, «беспечных детей сурового Севера», к приобретению дорогих и роскошных вещей взамен самых необходимых, не заботясь о культурном и воспитательном надзоре. Слюнин пишет, что не малая производительность, не влияние европейской цивилизации губят алеутов, а социально-санитарные условия, которые создаются деятельностью котиковых компаний, направленной только к тому, чтобы извлечь больше личной выгоды из промыслов и вернуть заработки инородцев, обменяв их на товары, создающие роскошь и прихоть, но «не удовлетворяющие рациональному продовольствию» [1895б, с. 167—177].

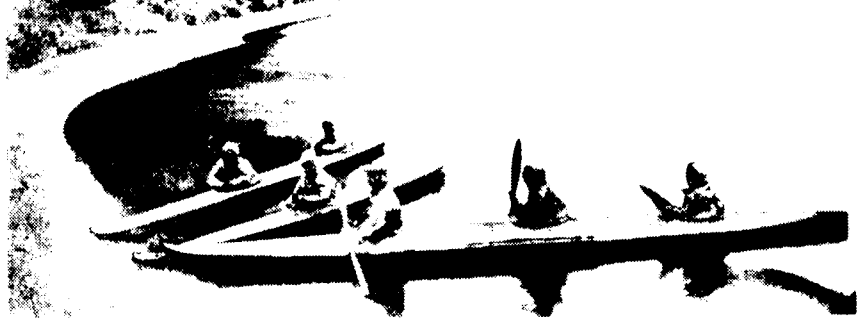
По наблюдениям Е. К. Суворова, вымирание командорских алеутов началось именно в 80-е гг. XIX в. Указанные выше авторы единодушно отмечали, что этот процесс вызван чрезмерной работой (особенно на о-ве Медном), плохой пищей, неблагоустроенными жилищами, господствующей антисанитарией и что необходимо обратить внимание на условия жизни населения, чтобы уменьшить его большую смертность.

Селение Никольское на о-ве Беринга. Фото В. Дыбовского. 1885 г.

Селение Преображенское на о-ве Медном. Фото В. Дыбовского. 1885 г.

Алеуты на байдарках у о-ва Медного. Фото Б. Дыбовского. 1885 г.

По истечении 20-летнего срока аренды контракт с компанией «Гутчинсон. . .» не был продлен русским правительством, несмотря на предлагаемые более выгодные условия. Одним из мотивов отклонения предложения, кроме убыточности договора с арендатором и неблагоприятного состояния котикового стада, была боязнь американизации населения тихоокеанских окраин России, которые после ликвидации Российско-Американской компании оказались заполненными американскими купцами и предпринимателями.

С 1891 г. острова уже арендовали отечественные компании. Сначала это было Русское товарищество котиковых промыслов. В первые годы условия договора с новым арендатором вызвали значительное увеличение заработков (причем алеуты, наконец, стали получать деньги на руки), но последовавшее затем падение добычи пушнины (так как в последний год аренды островов американская компания произвела хищническое истребление стада котиков, забив их, преимущественно молодняк, вдвое больше, чем было положено) повлекло за собой новое понижение уровня жизни. Положение усугублялось тем, что, как и в прежние годы, товары продавались по явно спекулятивным ценам.

Уже неоднократно раздавались голоса в печати, что отсутствие со стороны правительства заботы о сохранении поголовья котикового стада (а также охраны поголовья морских бобров и песцов) приведет к тому, что ему придется взять на себя содержание алеутов (ведь промысел котиков помимо обеспечения заработком

снабжал население также мясом, составлявшим основу питания; правда, некоторым подспорьем для жителей стали завезенные и расплодившиеся на о-ве Беринга северные олени) [Прозоров, 1902, с. 331; Сильницкий, 1910, с. 514, 515].

С 1901 г. острова перешли в аренду Камчатскому торгово-промышленному обществу. Эта аренда совпала с русско-японской войной (1904—1905) и небывалым хищническим истреблением японцами котиков и морских бобров. Алеуты с оружием в руках защищали лежбища от японских налетов и выдержали поистине героическую борьбу за свои острова. Однако, по словам А. И. Сильницкого, дальневосточного журналиста и камчатского уездного начальника в 1903—1904 гг., посетившего острова еще до войны, положение их в те годы было плачевным: «Алеуты, что живут на Командорских островах, должны бы быть самым состоятельным народцем России, так как они являются монопольными промышленниками командорских зверей: морских котиков, бобров, голубых песцов. С каждого добытого зверя они, согласно контракту правительства с обществом, эксплуатирующим котиковые и бобровые лежбища, получают крупную мзду. Но на деле алеуты — самый бедный народ в мире, уже вымирающий. Причина та, что общество попросту обманывает алеутов, снабжая их за добытых зверей всякой дрянью, например духами, граммофонами, побрякушками, а затем спиртом, ромом, виски и прочими горячительными напитками, хотя ввоз их на острова и запрещен. Расплата за зверей товарами, таксируемыми как бог на душу положил, а главное — снаивание инородцев — вот корень их бедности» [1910, с. 514].

В 1912—1916 гг. последним дореволюционным арендатором островов был владивостокский торговый дом «Чурин и К^о», которому были предоставлены только промыслы бобров и песцов. В результате доклада Е. К. Суворова правительству о критическом состоянии котикового стада (урон которому наносили и бой животных в океане, и браконьерство иностранных судов у берегов Командор) именно в эти годы был объявлен на пятилетие запрет охоты на котиков. Связанное с ним резкое падение промыслов вело к окончательному обнищанию алеутов.

Хищническое истребление пушных богатств Командор и беспощадная эксплуатация алеутов поставили их в разряд вымирающих народов. Тяжелые условия труда, постоянное голодание, алкоголизм повлекли за собой многочисленные заболевания, высокую смертность и низкую рождаемость (хотя, наконец, в начале XX в. на островах появилась постоянная фельдшерская служба). По подсчетам Е. К. Суворова численность алеутов с 1890 по 1909 г., т. е. за 19 лет, уменьшилась на 118 человек. «Если вымирание пойдет тем же темпом и дальше, — писал он, — то менее чем через 50 лет на островах останется только одна уездная администрация, но населения уезда уже не будет. Некоторые отдельные годы, например 1899, дают потрясающую картину сплошного мора,

Т а б л и ц а 2

Численность постоянного населения Командорских островов в начале XX в.

Годы	На о-ве Беринга	На о-ве Медном	Всего	Годы	На о-ве Беринга	На о-ве Медном	Всего
1901	278	252	530	1909	267	234	501
1902	267	256	523	1910	271	232	505
1903	255	254	509	1913	281	235	516
1904	260	252	512	1917	262	187	449
1905	263	251	514	1921	206	171	377
1906	257	242	499	1922	210	171	381
1907	275	245	520	1923	204	160	364
1908	272	247	519				

когда в один год умирает до 12 % населения» [Суворов, 1912, с. 105]. К 1917 г. на Командорах было 449 алеутов (табл. 2).

Интенсивно начавшаяся в годы аренды островов американской компанией утрата традиционных черт в области материальной культуры продолжалась весь второй период этнической истории командорских алеутов. Помимо указанных причин этому способствовало отсутствие традиционных материалов. Так, считавшийся наиболее эффективным промысел морских бобров с байдарок в море в 1895—1896 гг. окончательно прекратился, ибо не стало шкур сивучей, необходимых для их обтяжки, — сивучи были почти выбиты (в 1910 г., по сообщению Е. К. Суворова, на Медном имелась только одна байдарка, уже не годная к употреблению). Из-за истребления этого ценного для алеутов зверя не стало также материалов для изготовления кишечных и из сивучьих горл камлеек, брюк, курток, торбасов и бродней [Прозоров, 1902, с. 280, 281; Суворов, 1912, с. 129]. Но традиционная промысловая одежда все же продолжала сохраняться, хотя и не совсем в прежнем виде: вместо сивучьих горл использовались котиковые, на куртки шли бракованные шкуры котиков.

Происшедшие изменения серьезно сказались, однако, лишь на традиционной материальной культуре. Социальные и семейно-брачные отношения гораздо дольше сохранялись в быту (отголоски их можно наблюдать и в настоящее время). Интересна в этом отношении система распределения заработков, существовавшая (с некоторыми изменениями) весь указанный период. Так, на о-ве Беринга жители составляли одну артель и общий заработок распределялся не пропорционально количеству работы каждого, а по особой паевой системе, учитывающей всех членов семьи и, кроме того, одиноких вдов, стариков, круглых сирот (т. е. всех нетрудоспособных членов общины) [Волошинов, 1886, с. 27; Суворов, 1912, с. 112—120]. Это та же система, которая была принята еще в Русской Америке для всех алеутов, и основана она на традиционном правиле алеутского общества, что добытая пища принадлежит всей общине, а не только охотнику и его семье. На о-ве Медном паевой принцип распределения касался лишь небольшой

части доходов, в основном же каждый трудился на себя и получал свой заработок [Волошинов, 1886, с. 27].

Традиционные алеутские семейно-брачные отношения, по свидетельству Н. А. Гребницкого, прочно сохранялись в годы его пребывания на островах (по сообщениям других авторов, сохранялись они и позже). Он пишет, что, так же как и на Алеутских островах, мужчина на Командорах считал для себя постыдным принести домой воду или развести в жилище огонь. Его дело — охота, промыслы. Обязанность женщины — шить мужу торбаса, камлеи, сшивать шкуры для обтяжки байдарки. Запряжка собак тоже часто была женским делом. Мужчина лишь кормил их. Женщина должна была также готовить впрок рыбу для себя и собак, сарану, ягоды и т. д. [Гребницкий, 1882, с. 781]. Долго сохранялись и традиционные нормы брака (кросскузенный брак, свобода добрачных связей, а при браке — с согласия мужа), счет родства по линии матери и ее основное значение в семье (даже до сих пор дети иногда носят фамилию матери). Уцелел и обычай дарения детей, обмен ими (почти до недавних лет).

Меньше оставалось национальных традиций в народном творчестве — фольклоре, танцах, которые вытеснялись русскими. Но есть указания на то, что все же сохранялись (хотя это обычно и скрывалось от европейцев из-за боязни осмеяния) древние танцы-пантомимы (даже в советский период), исполнявшиеся под традиционный бубен. Все больше в жизнь алеутов входили русские обычаи и представления, верования, хотя острова весь дореволюционный период были совершенно отрезаны от материка — сказывалось влияние русской администрации, церковнослужителей (в том числе и через церковноприходские школы при церквях) и др. Прослеживаются в духовной культуре и определенные влияния с Камчатки, как это уже отмечалось в отношении материальной культуры. В фольклоре улавливаются и некоторые айские мотивы. Во второй период на островах распространилось двуязычие (вторым языком стал русский).

Третий, советский, период этнической истории начался для командорских алеутов не с 1917 г. Советская власть на Командорах окончательно установилась только в 1923 г., после ликвидации иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Но последние досоветские годы были одними из самых тяжелых. Почти полностью расстроилось снабжение островов продуктами и бытовыми товарами, а постоянная смена белогвардейских дальневосточных правительств сопровождалась почти неоплачиваемыми вывозами пушнины. Начались систематические голодовки, еще большей стала смертность. К тому же опять в эти годы усилились хищнические налеты на лежбища котиков, места расселения бобров японских и других иностранных браконьеров. Несмотря на все эти трудности, в период с 1918 по 1923 г. алеуты активно, зачастую с оружием в руках, на стороне Советской власти, боролись за свои острова.

Они организовывали караулы на лежбищах, выдерживали настоящие бои с налетчиками [Мухачев, 1968].

Численность алеутов к 1923 г. сократилась до 364 человек. Система разнообразных мер, принимаемых с этого года, была направлена на спасение вымирающей народности — восстановление совершенно разоренного пушного хозяйства островов, максимально полное использование всех природных ресурсов Командор с развитием на их базе других отраслей хозяйства: земледелия, скотоводства, рыбного и морского зверобойного промыслов.

Процесс возрождения алеутов был весьма трудным. Как свидетельствуют некоторые авторы (правда, после кратковременного посещения островов), алеуты представляли собой в те годы морально деградировавшую народность — как следствие эксплуатации, пренебрежения к их человеческому достоинству и культурному росту в предшествовавшие периоды [Арсеньев, 1923; Кулагин, 1927б; Кулагина, 1928]. Другие авторы указывают на то, что такое впечатление складывалось из-за скрытности алеутов и их недоверия к приезжавшим на острова служащим. При более же близком знакомстве с алеутами обнаруживался целый ряд привлекательных черт их национального характера: развитость, внутреннее благородство, честность, чувство товарищества и другие положительные качества [Редько, 1927]. Мнение последних авторов находит подтверждение в том, как энергично алеуты, в том числе и женщины, включились в борьбу за новую жизнь и культурное строительство, проявляя большую общественную активность [Антропова, 1956; Бондарева, 1966; Миропольский, 1968; Мухачев, 1968; Гурвич, 1970, 1980; Агранат, Кузаков, 1971; Кузаков, 1974].

Алеуты стали принимать самое деятельное участие в восстановлении хозяйства островов (приток рабочей силы с материка начался только после 1935 г.). В 1924 г. на о-ве Беринга был построен песцовый питомник; в 1925 г. — создан звероводческий совхоз, выросший затем в зверокомбинат; ныне — это крупное многоотраслевое хозяйство — зверозавод. Сознание своего полного равноправия (конституционного и реального) с другими народами Советского Союза и участие в строительстве новой жизни поднимало трудовой энтузиазм масс. В 1928 г. Командорские острова были выделены в особый Алеутский национальный район в пределах Камчатской области с центром в с. Никольском на о-ве Беринга [Сергеев, 1938; 1955, с. 223—391; Гурвич, 1970, с. 3—9], а с 1935 г. начала выходить газета «Алеутская звезда» — печатный орган района. С первых лет Советской власти алеуты стали занимать руководящие посты в управлении районом, хозяйством островов; из посланных на учебу молодых людей выросли кадры национальной интеллигенции, технических специалистов.

Однако стабилизация, а затем и прирост численности алеутов начались далеко не сразу. Тяжелое прошлое оставило страшное наследство: 20 % алеутов были больны туберкулезом, большинство

страдало хроническими желудочно-кишечными и простудными (особенно ревматизм) заболеваниями; сказывались и результаты алкоголизма. В 1926—1927 гг. алеутов насчитывалось 345 человек. Вплоть до 1935 г. смертность превышала рождаемость. И только в 1935 г. наступил перелом, начался прирост населения. В этом году алеутов было уже 367 человек [Сергеев, 1938, с. 127—129 след.].

Однако еще с 1926 г. шел процесс рассеивания алеутов (особенно характерный для сегодняшнего дня), отрыв от основной командорской группы отдельных семей и лиц, переезжавших на материк [Гурвич, 1970, с. 121, 122]. В основном это люди, получившие на материке высшее и среднее специальное образование и составившие смешанные по национальности семьи.

По переписи 1959 г. — алеутов 421 человек, причем в пределах РСФСР — 399, в других республиках — 22. По переписи 1970 г. — их уже 441 человек. По переписи 1979 г. — 546 [Численность и состав населения СССР..., 1985, с. 73].

Главным фактором современной жизни национального района стало преодоление островной оторванности. В настоящее время здесь живет примерно в 5 раз превосходящее алеутов по численности русское (и других национальностей СССР) население. Социально-профессиональная структура командорских алеутов примерно такая же, как и населения СССР в целом (в том числе и приезжающего на острова). Среди алеутов есть руководящие работники партийных и советских органов, врач и медсестры, учителя, механики, водители судов, промысловики морского зверя, звероводы порковой фермы и т. д. Из алеутов, живущих за пределами Командор, известны капитаны дальнего плавания, научные работники, учителя и т. д. Образ жизни алеутов и их общественное положение ничем не отличаются от таковых постоянного и приезжего русского (и других национальностей) населения. С 1969 г. все обитатели Командор сосредоточены в с. Никольском, которое превратилось в поселок городского типа. Здесь ведется постоянное строительство, благодаря чему у всех жителей есть благоустроен-

Ю. С. Ладыгина с дочерью В. Т. Тимошенко (председатель клуба старожил).
Фото В. Е. Балахнова. 1975 г.

ные квартиры в двухэтажных домах или отдельные дома. Острова бесперебойно снабжаются всем необходимым. Кроме того, там имеются молочная, птице- и свинофермы, которые полностью обеспечивают население свежими продуктами. Алеуты пользуются всеми государственными льготами, которые предоставляются в СССР малым народам Севера. При этом они имеют возможность заготавливать на зиму необходимое для семьи количество рыбы лососевых пород, охотиться на пернатую дичь и бесплатно брать для своей национальной кухни котиковое и сивучье мясо.

В Никольском есть благоустроенная больница с врачами-специалистами всех профилей и оборудованными кабинетами, средняя школа с интернатом, детский сад, ясли. Функционируют краеведческий музей, детская школа искусств, клуб старожил, способствующий сохранению алеутских национальных традиций в народном творчестве, традиционного природопользования. Частые гости в Доме культуры — артисты Петропавловского театра, а также других театров и художественных коллективов страны (в том числе Москвы и Ленинграда). В районе развивается художественное творчество с использованием алеутских нацио-

Нина Григорьева (Нопова) с дочерью Галей. Фото автора. 1977 г.

Весела с капитаном дальнего плавания С. В. Тимоныкиным. Фото А. Н. Аифертьева. 1976 г.

нальных традиций. В 1976 г. ансамбль «Алеуточка» из с. Никольского стал лауреатом Всесоюзного смотра художественной самодеятельности в Москве. В 1980 г. звание лауреата получил там алеутский фольклорный ансамбль «Унанган».

В последние десятилетия происходит усиленное сближение алеутов с пришлым населением; преобладающее число браков — именно с представителями других национальностей, большинство из которых — русские (здесь следует заметить, что в СССР вообще все более возрастает количество межнациональных браков; сейчас свыше 14 % общего количества семей — смешанной национальности). Молодая семья иногда уезжает на материк. Процесс расселения алеутов происходит и из-за отъезда на учебу, после которой нередко для местожительства выбираются другие районы, а также по разным семейным обстоятельствам. Сейчас можно уверенно констатировать, что Командоры полностью включены в динамично развивающиеся миграционные процессы в стране, способствующие сближению всех наций и народностей. При иных смешанных браках, наоборот, семья остается на Командорах. Численность алеутов здесь в последние годы колеблется в пределах 300 человек: кто-то ежегодно уезжает, а кто-то возвращается. Около 200 алеутов живут на Камчатке и в самых разных районах нашей страны. Как выяснилось при опросе, смешанные по крови и живущие на материке часто уже не называют себя алеутами, в то время как их близкие родственники, вернувшиеся на Командоры, относят себя к алеутам (так это обычно происходит в нашей стране и в других смешанных браках: на выбор национальности влияет главным образом этническая среда, в которой живет семья). На Командорах идет процесс перехода с двуязычия на русский язык. Но, как это отмечено И. С. Гурвичем и можно было заключить из наблюдений в последние годы, алеутская народность еще не слилась с русской нацией. На сегодняшний день сохраняются и особый антропологический тип, и национальное самосознание, и ряд культурных особенностей.

Таковы в общих чертах становление и современное состояние постоянного населения Командорских островов. История его сложения, данные антропологических, лингвистических и этнографических исследований свидетельствуют о том, что командорских алеутов нельзя рассматривать только как часть алеутов и креолов, некогда переселенных с Алеутских островов и постепенно сливающихся с русской нацией. Есть все основания видеть в них отдельную народность с присущими ей особенностями антропологического типа, языка и культуры, со своей этнической историей. Сближение ее на данном этапе развития с русской нацией — процесс сугубо добровольный. И это — часть объективного процесса сближения всех наций и народностей нашей страны, составляющих единый советский народ.

ЛИТЕРАТУРА

- Агранат Г. А.* Первые полвека американского господства на Аляске // *Летопись Севера*. 1962. Т. 3.
- Агранат Г. А.* Зарубежный Север : Опыт освоения. М., 1971а.
- Агранат Г. А.* Об освоении русскими Аляски // *Летопись Севера*. 1971б. Т. 5.
- Агранат Г. А.* Коренное население Аляски и Канадского Севера : Современ. соц.-экон. пробл. // *СЭ*. 1982. № 6.
- Агранат Г. А., Кузаков К. Г.* Алеуты // *Краеведческие записки*. Петропавловск-Камчатский, 1971.
- Алексеев А. И.* Сыны отважные России. Магадан, 1970.
- Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975.
- Алексеев А. И.* Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX—начало XX в.). М., 1976.
- Алексеев А. И.* Илья Гаврилович Вознесенский. М., 1977.
- Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX в.). М., 1982.
- Алексеев В. П.* Алеуты Командорских островов : (Соматол. наблюдения // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.
- Алексеев В. П.* О некоторых морфологических особенностях аборигенов Америки, важных для реконструкции процесса ее заселения // Исторические судьбы американских индейцев : Пробл. индеанистики. М., 1985.
- Алексеев В. П., Трубникова О. Б.* Некоторые проблемы таксонометрии и генеалогии азиатских монголоидов : (Краниометрия). Новосибирск, 1984.
- Алексеева Т. И., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Некоторые итоги историко-этнологических и популяционно-антропологических исследований на Чукотском полуострове // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983.
- Алексеева Т. И., Клевцова Н. И.* Алеуты Командорских островов : Морфофизиол. характеристика // *Вопр. антропологии*. 1980. Вып. 65.
- Американский Север* : Сб. пер. ст. М., 1950.
- Антропова В. В.* Алеуты // *Народы Сибири : Этногр. очерки*. М.; Л., 1956.
- Арсеньев А. А.* Этнографическое наследие И. Е. Вениаминова // *СЭ*. 1979. № 5.
- Арсеньев В. К.* Командорские острова в 1923 г. // *Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока*. Владивосток, 1923.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Древние культуры азиатских эскимосов : (Уэленский могильник). М., 1969.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья : (Эквенский могильник). М., 1975.
- Асиновский А. С., Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Этнолингвистическое описание командорских алеутов // *Вопр. языкознания*. 1983. № 6.
- Афанасьев Д. М.* Российско-американские владения // *Морской сб.* 1864. Т. 71, № 3.
- Барабаш-Никифоров И. И.* В стране ветров и туманов : (Два года на Командорах). М.; Л., 1934.
- Барсуков И. П.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. М., 1883.
- Беклемешев.* О Командорских островах и котиговом промысле. СПб., 1884.

- Бенк Т. И.* Колыбель ветров. М., 1960.
- Берг Л. С.* Из истории открытия Алеутских островов // *Землеведение*. 1924. Т. 26, вып. 1—2.
- Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг. М.; Л., 1946.
- Берх В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. СПб., 1823.
- Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966.
- Болховитинов Н. Н.* Декабристы и Америка // *Вопр. истории*. 1974. № 4.
- Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения, 1815—1832. М., 1975.
- Бондарева Н. А.* Семь недель на Командорах. Петронавловск-Камчатский, 1966.
- Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии: (Очерки теории и истории). М., 1981.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Валаамские миссионеры в Америке* (в конце XVIII столетия). СПб., 1900.
- Ванкувер Г.* Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершенное в 1790—1795 гг. капитаном Георгием Ванкувером. СПб., 1833. Кн. 5.
- Ван-Стоун Дж., Освальт У.* Русское наследие на Аляске: (Перспективы этногр. изуч.) // *СЭ*. 1968. № 2.
- Васильев И. Ф.* Выписка из журнала путешествия штурмана Ивана Васильева к островам Алеутским в 1811 и 1812 годах // *Дух журналов*. 1816. Ч. 14, № 41; ч. 15, № 42, 43.
- Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
- Васильевский Р. С.* Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.
- Васильевский Р. С.* Вопросы адаптации населения к прибрежным условиям на Тихоокеанском Севере // *Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий*. Новосибирск, 1975.
- Васильевский Р. С.* О роли Берингии в заселении Алеутских островов // *Берингия в кайнозое*. Владивосток, 1976.
- Вениаминов И.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. I—III.
- Вениаминов И.* Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846.
- Вениаминов И.* Состояние православной церкви в Америке. СПб., 1857.
- Вдовин И. С.* Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // *Сибирский этнографический сборник*. М.; Л. 1961. Т. 3.
- Вдовин И. С.* К вопросу о происхождении названия «алеут» // *Страны и народы Востока*. М., 1968. Вып. 6.
- Вдовин И. С.* Следы алеутско-эскимосской культуры на Тихоокеанском побережье Камчатки // *Страны и народы Востока*. М., 1972. Вып. 13.
- Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
- Вдовин И. С.* Из истории русских на Анадыре в XVII—XVIII вв. // *Этнокультурные контакты народов Сибири*. Л., 1984.
- Волошинов Н.* Отчет по командировке на Командорские острова в 1884—1885 гг. Хабаровск, 1886.
- Волошинов Н.* Морские котики. СПб., 1889.
- Врангель Ф. П.* О торговых сношениях народов Северо-Западной Америки с чукчами // *Телескоп*. 1835. Ч. 26.
- Врангель Ф. П.* Обитатели северо-западных берегов Америки // *Сын Отечества*. 1839. Т. 7.
- Гильзен К. К.* Илья Гаврилович Вознесенский: К столетию со дня его рождения (1816—1871) // *СМАЭ*. 1916. Т. 3.
- Глушанков И. В.* Экспедиция капитанов П. К. Креницына и М. Д. Левашова к Алеутским островам. М., 1972.
- Говорливый З. С.* Краткий обзор болезней во владениях Российско-Американской компании с 1851 по 1859 г. // *Журн. М-ва внутр. дел*. 1861. Ч. 48, отд. II, кн. 1.

Головин Н. Н. Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб., 1862.
Головин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе Камчатка в 1817, 1818 и 1819 гг. 1-е изд. СПб., 1822; 2-е изд. М., 1965.

Головин В. М. Записка кап. Головнина о нынешнем состоянии Российско-Американской компании (1818) // Материалы по истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861. Вып. 1.

Гребницкий Н. А. Записка о Командорских островах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1882. Т. 3, вып. 2.

Гребницкий Н. А. Командорские острова : Очерк. СПб., 1902.

Гурвич И. С. Полевые дневники В. И. Иохельсона и Д. Л. Иохельсон-Бродской // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963.

Гурвич И. С. Алеуты Командорских островов // СЭ. 1970. № 5.

Гурвич И. С. Полвека автономии народностей Севера СССР // СЭ. 1980. № 6.

Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810. Ч. 1; 1812. Ч. 2.

Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. 1951. Т. 17.

Дебец Г. Ф. Происхождение коренного населения Америки // Народы Америки : Этногр. очерки. М., 1959. Т. 1.

Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. М., 1971.

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы : Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.

Диков Н. Н. Культурные связи между Северо-Восточной Азией и Америкой по данным позднелейстоценовых памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // Позднелейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983.

Диков Н. Н. Роль древнейших культур Северо-Восточной Азии в формировании налеонидейского населения Америки // Исторические судьбы американских индейцев : Пробл. идеалистики. М., 1985.

Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863.

Дыбовский Б. И. О командорских островах в экономическом и статистическом отношениях // Изв. РГО. 1884. Т. 20.

Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.

Ефимов А. В. Вступительная статья // Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке в XVII--XVIII веках. М., 1964.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.

Зибарев В. А. Из истории обычного права народов Севера // СЭ. 1986. № 2.

Зубкова З. Н. Алеутские острова. М., 1948.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели исследователи морей и океанов. М., 1954.

Иванов С. В. Сидячие человеческие фигурки в скульптуре алеутов // СМАЭ. 1949. Т. 13.

Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. // ТИЭ. 1954. Т. 22.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // ТИЭ. 1963. Т. 81.

Ивашинцов Н. А. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб., 1872.

Иноуэ Я. Сны о России. 1-е изд. М., 1977; 2-е изд. М., 1984.

Иохельсон В. И. Образцы материалов по алеутской живой старине // Живая старина. Пг., 1915. Вып. 3.

Иохельсон В. И. Опись фольклорных и лингвистических материалов В. И. Иохельсона, хранящихся в Азиатском музее Российской Академии наук // Изв. Рос. Акад. наук. 1918 г. Пг., 1919.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению алеутского языка и фольклора. Пг., 1923.

Кабо В. Р. Север Тихого океана: Этногенет. пробл. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.

Кацурагава Х. Краткие вести о скитаниях в северных водах / Пер. с яп., коммент. и прил. В. М. Константинова. М., 1978. (Памятники письменности Востока; Т. 41).

Конопацкий А. К. Легенда о древе жизни алеутского народа и ее исторические корни // СЭ. 1976. № 6.

Краусс М. Э. Языки коренного населения Аляски: Прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.

Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». 1-е изд. СПб., 1809—1812. Ч. 2—3; 2-е изд. М., 1950.

Кузаков К. Г. Социолого-лингвистические исследования алеутского населения Командорских островов // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1974.

Кук Дж. Третье плавание капитана Джемса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., 1971. Т. 3.

Кулагин К. В. Алеуты // Эконом. жизнь Дальнего Востока. 1927а. № 6—7.

Кулагин К. В. Звероводство на Командорских островах // Эконом. жизнь Дальнего Востока. 1927б. № 8.

Кулагина Л. И. Остров Беринга: (Из отчета) // Зап. Владивосток. отд. Гос. РГО. Владивосток, 1928. Т. 1 (18).

Лафлин В. С. Алеутские мумии: Их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.

Лафлин В. С., Окладников А. П. Совместные исследования американских и советских археологов на Анангуле (Алеутские острова, Аляска) // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.

Лебедев Д. А., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. М., 1971.

Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах. 1-е изд. СПб., 1812; 2-е изд. М., 1947.

Лопуленко Н. А. Коренное население Аляски: Соврем. положение и борьба за равноправие // Расы и народы. М., 1977. Вып. 7.

Лопуленко Н. А. Социальное развитие эскимосов Аляски в освещении американских этнографов // Этнография за рубежом: Ист. очерки. М., 1979.

Лопуленко Н. А. Основные тенденции социально-экономического и культурного развития эскимосов США и Канады на современном этапе // Исторические судьбы американских индейцев: Пробл. индеанистики. М., 1985.

Ляпунова Р. Г. Алеутские байдарки // СМАЭ. 1964. Т. 22.

Ляпунова Р. Г. Зооморфная скульптура алеутов // СМАЭ. 1967а. Т. 24.

Ляпунова Р. Г. Рукопись К. Т. Хлебникова «Записки о колониях в Америке» как источник по истории и этнографии Аляски и Алеутских островов // От Аляски до Огненной Земли. М., 1967б.

Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // СМАЭ. 1967в. Т. 24.

Ляпунова Р. Г. Этнографическое значение экспедиции капитанов П. К. Крепичева и М. Д. Левашова на Алеутские острова (1764—1769 гг.) // СЭ. 1971. № 6.

Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975а.

Ляпунова Р. Г. Плетеные изделия алеутов // СМАЭ. 1975б. Т. 31.

Ляпунова Р. Г. «Алеутская проблема» в новейших американских исследованиях // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979а.

Ляпунова Р. Г. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова : («Известия» Ф. А. Кулькова, 1764) // Страны и народы Востока. М., 19796. Вып. 20, кн. 4.

Ляпунова Р. Г. Записки иеромонаха Гедеоны (1803—1807) — один из источников по истории и этнографии Русской Америки // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979в.

Ляпунова Р. Г. К этнической истории командорских алеутов // Крат. содерж. докл. на XIV Междунар. тихоокеан. конгр. М., 1979 г.

Ляпунова Р. Г. Ворон в фольклоре и мифологии алеутов // Фольклор и этнография : У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.

Ляпунова Р. Г. К проблеме этнокультурного развития американских алеутов (со второй половины XVIII в. до наших дней) // Исторические судьбы американских индейцев : Пробл. индеанистики. М., 1985а.

Ляпунова Р. Г. Головные уборы алеутов в собрании МАЭ // СМАЭ. 19856. Т. 40.
Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

Меновщиков Г. А. Эскимосско-алеутские параллели // Учен. зап. Лен. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1960. Т. 167.

Меновщиков Г. А. Алеутский язык // Языки и письменность народов СССР. 1964. Т. 5.

Меновщиков Г. А. Новые данные о языке командорских алеутов // Изв. СОАН. 1965. № 1.

Меновщиков Г. А. О некоторых социальных аспектах эволюции языка // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

Меновщиков Г. А. Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.

Меновщиков Г. А. Эскимосско-алеутские языки и их отношение к другим языковым семьям // Вопр. языкознания. 1974. № 1.

Меновщиков Г. А. О происхождении этнонима «алеут» // СЭ. 1980. № 4.

Меновщиков Г. А. Топонимическая стратиграфия Алеутских островов Атха и Амля по источникам середины XIX в. // Палеоазиатские языки. Л., 1986.

Миропольский В. П. Алеуты сегодня // Возрожденные народности. Владивосток, 1968.

Мухачев Б. И. Октябрь на Командорах // Возрожденные народности. Владивосток, 1968.

Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.

Окладников А. П. От Анги до Уналашки : Удивительная судьба Ивана Попова (Вениаминова) // Вопр. истории. 1976. № 6.

Окладников А. П. К вопросу о первоначальном заселении человеком советского Дальнего Востока и находка ашельского рубила в районе с. Богородского Ульчского района Хабаровского края // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.

Окладников А. П. Иннокентий Вениаминов // Первопроходцы. М., 1983а.

Окладников А. П. Палеолит Монголии в свете новейших исследований // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 19836.

Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.

Окладников А. П., Васильевский Р. С. Северная Азия на заре истории. Новосибирск, 1980.

Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М., 1939.

Орлик О. В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984.

Орлова Е. П. У алеутов на Командорских островах // Изв. СОАН. 1962. № 8.

Пасенюк Л. М. Иду по Командорам. 1-е изд. М., 1974; 2-е изд. М., 1985.

Пасенюк Л. М. В одиночку на острове Беринга, или робинзонады и мореходы. М., 1981.

Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири : Стат. материалы для освещения вопр. о вымирании первобыт. племен. СПб., 1911.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912.

Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902.

Редько В. А. Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток, 1927. Вып. 1.

Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.

Русские мореплаватели. М., 1953.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. : Сб. материалов / Под ред. и со вступ. ст. А. И. Андреева. М.; Л., 1944.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. и со вступ. ст. А. И. Андреева. М., 1948.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984.

Рычков Ю. Г., Шереметьева В. А. Популяционная генетика алеутов Командорских островов (в связи с проблемами истории народов и адаптации населения древней Берингии) // Вопр. антропологии. 1972. Вып. 40, 41.

Савич К. И. Отчет по командировке в 1893 г. на Командорские острова. СПб., 1894.

Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану ... под начальством флота-капитана Биллингса. 1-е изд. СПб., 1802. Кн. II; 2-е изд. М., 1952.

Сергеев М. А. Советские острова Тихого океана. Л., 1938.

Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // ТИЭ. 1955. Т. 27.

Сильницкий А. П. 14 месяцев службы на Камчатке // Ист. вестн. 1910. Ноябрь.

Слюнин Н. В. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов : Отчет за 1892—1893 гг. СПб., 1895а.

Слюнин Н. В. Экономическое положение инородцев Северо-Восточной Сибири // Изв. РГО. 1895б. Т. 31.

Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край : Естеств.-ист. описание. СПб., 1900. Т. 1—2.

Соколов А. П. Северная экспедиция, 1733—1743 // ЗГДММ. 1851. Т. 9.

Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова в 1764—1769 годах // ЗГДММ. 1852. Т. 10.

Степанова М. В. И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки // ИВГО. 1944. Т. 76, вып. 5.

Степанова М. В. И. Вениаминов как этнограф // ТИЭ. 1947. Т. 2.

Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.

Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них СПб., 1912.

Сулковский П. Г. Записка о промыслах на Командорских островах и положение жителей сих островов // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1882. Т. 3, вып. 2.

Таксами Ч. М., Туголуков В. А. Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII—начало XIX в.) // Социальная история народов Азии. М., 1975.

Тернер К. Синодонтия и сундадонтия : Происхождение, микроэволюция и расселение монголоидов в бассейне Тихого океана, Сибири и Америки с точки зрения одонтологии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983.

Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861. Ч. 1; 1863. Ч. 2.

Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.

Файнберг Л. А. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М., 1971.

Файнберг Л. А. Происхождение эскимосов и алеутов // Этногенез народов Севера. М., 1980.

Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в.—1867 г.). М., 1971.

Федорова С. Г. Первое постоянное поселение русских в Америке и Дж. Кук // Новое в изучении Австралии и Океании. М., 1972.

Федорова С. Г. Этнические процессы в Русской Америке // Национальные процессы в США. М., 1973.

Харламович К. О христианском просвещении инородцев. Казань, 1904.

Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1835.

Хлебников К. Т. Записки К. Хлебникова о Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. 1-е изд. СПб., 1861. Вып. 3; 2-е изд. М., 1985.

Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Сост., введ. и коммент. Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой. Л., 1979.

Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова / Сост., предисл., коммент. и указатели С. Г. Федоровой. М., 1985.

Чард Ч. С. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана // СЭ. 1962. № 5.

Черненко М. Б. Лаврентий Алексеевич Загоскин : (Очерк жизни и деятельности) // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842-- 1844 гг. М., 1956.

Численность и состав населения СССР : По данным Всесоюз. переписи населения 1979 г. М., 1985.

Шашков С. С. Российско-Американская компания // Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2.

Шелихов Г. Н. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам / Под ред., предисл., послесл. и примеч. Б. П. Полевого. Хабаровск, 1971.

Широкий В. Ф. Из истории хозяйственной деятельности Российско-Американской компании // Ист. зап. 1842. Вып. 8.

Шульгин В. С. Религия и церковь // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785—1795 / Сост. З. Д. Титова. Магадан, 1978.

Ackerman R. E. Post Pleistocene cultural adaptations on the Northern Northwest coast. Calgary, 1973.

Ackerman R. E. Observations on prehistory : Gulf of Alaska, Bering sea and Asia during Late Pleistocene—Early Holocene epochs (Papers presented at 14th Pacific science congr., Khabarovsk, USSR). Moscow, 1979.

Ackerman R. E., Hamilton T. D., Stuckenrath R. Early cultural complexes on the Northern Northwest coast // Canad. J. Archaeol. 1979. Vol. 3.

Aigner J. S. Bone tools and decorative motifs from Chaluka, Umnak island // ArA. 1966. Vol. 7, N 2.

Aigner J. S. The unifacial core and blade site on Anangula island // ArA. 1970. Vol. 3, N 2.

Aigner J. S. Studies in the early prehistory of Nicolsky bay, 1937-1971 // APUA. 1974. Vol. 16, N 1.

Aigner J. S. Dating the Early Holocene maritime village of Anangula // APUA. 1976a. Vol. 18, N 1.

Aigner J. S. Early Holocene evidence for the Aleut maritime adaptation // ArA. 1976b. Vol. 13, N 2.

Aigner J. S. The lithic remains from Anangula, on 8500 year old Aleut coastal village // Urgeschichtliche Material. Tübingen, 1978. II. 3.

Aigner J. S., Veltre D. The Distribution and pattern of nmqan burial on southwest Umnak island // ArA. 1976. Vol. 13, N 2.

The Aleutians. Fairbanks, 1980. (Alaska Geogr.; Quarterly; Vol. 7, N 4).

Alexander F. A. Medical survey of the Aleutian islands // New England J. Medicine. 1949. N 240.

Anderson D. D. A Stone Age campsite at the gateway to America // Sci. Amer. 1968. Vol. 218, N 6.

Anderson D. D. Akimak : An early archeological assemblage from Union Portage, Northwest Alaska // Acta Arctica. 1970. N 16.

Bandi H. Eskimo prehistory. College, Alaska; London, 1969.

Bank T. P. A preliminary account of the University of Michigan Aleutian expeditions, 1950 – 1951 // *The Asa Grey Bull.* 1952a. Vol. 1, N 3.

Bank T. P. Experiences of sciences exploration in the Aleutian islands // *The Asa Grey Bull.* 1952b. Vol. 1, N 1.

Bank T. P. Botanic and ethnobotanic studies in the Aleutian islands: Health and medical lore of the Aleuts // *Papers Michigan Acad. Science.* 1952c. N 38.

Bank T. P. Cultural succession in the Aleutians // *AmAn.* 1953. Vol. 19, N 1.

Bank T. Birthplace of the winds. New York, 1956.

Bartz F. Alaska. Stuttgart, 1950.

Befu H., Chard Ch. S. A prehistoric maritime culture of the Okhotsk sea // *AmAn.* 1964. Vol. 30, N 1.

Bergsland K. Kleinsmidt centennial IV: Aleut demonstratives and the Aleut-Eskimo relationship // *Intern. J. Amer. Ling.* 1951. Vol. 17, N 3.

Bergsland K. Aleut and Proto-Eskimo // *Proc. 32d Intern. Congr. Amer.* (1956). Copenhagen, 1958.

Bergsland K. Aleut dialects of Atka and Attu // *Trans. Amer. Philos. Soc. N. S.* 1959. Vol. 49, pt 3.

Bergsland K. Atkan historical tradition. Fairbanks, 1979.

Berremán G. Effects of a technological change in an Aleutian village // *Arctic.* 1954. Vol. 7, N 2.

Berremán G. Inquiry into community in an Aleutian village // *AmA.* 1955. Vol. 57, N 1.

Birkeland K. The whalers of Akutan: An account of modern whaling in the Aleutian islands. New Hawen, 1926.

Black L. Ivan Pan'kov — an architect of Aleut literacy // *ArA.* 1977. Vol. 14, N 1.

Black L. Early history // *The Aleutians.* Fairbanks, 1980a. (Alaska Geogr.; Quarterly; Vol. 7, N 4).

Black L. The journals of Jakov Netsvetov, the Atkha years, 1828–1844. Kingston (Ontario), 1980b.

Black L. The nature of evil: Of whales and sea otters // *Indians, animals and fur trade.* Athens, 1981.

Black L. Aleut art. Anchorage, 1982.

Black L. Some problems in the interpretation of Aleut prehistory // *ArA.* 1983. Vol. 20, N 1.

Black L. Atka: An ethnohistory of the Western Aleutians. Kingston (Ontario), 1984.

Black R. F. Geology of Umnak island, Eastern Aleutian islands as related to the Aleut // *Arct. and Alpine Research.* 1976. Vol. 8, N 1.

Borden C. E. West coast crossties with Alaska // *Arct. Inst. North America Techn. Papers.* 1962. N 11.

Carlson R. L. The early period of the coast of British Columbia // *Canad. J. Archaeol.* 1979. Vol. 3.

Chard Ch. S. Northern Asia in prehistory. Madison, 1974.

Chevigny H. Lord of Alaska: The life of Alexandr Baranov. New. York, 1942.

Chevigny H. Russian America: The great Alaskas venture, 1741–1867. New York, 1965.

Clark D. M. Perspectives in the prehistory of Kodiak island, Alaska // *AmAn.* 1966. Vol. 31, N 3.

Clark D. W. Petroglyphs of Afognak island, Kodiak group, Alaska // *APUA.* 1970. Vol. 15, N 1.

Clark D. W. Ocean Bay: An early North Pacific maritime culture // *National Museum of Man. Mercury Ser. Archaeol. Survey.* 1979. Paper 86.

Clark G. H. Archaeology on the Alaska peninsula: The coast of Shelikof strait, 1963–1965 // *Anthropol. Papers Univ. Oregon.* 1977. Vol. 13.

Collins H. B. Eskimo art // *The far North.* Bloomington, 1973.

Collins H. B., Clark A. H., Walker E. H. The Aleutian islands: Their people and natural history. Washington, 1945.

Dall W. H. Alaska and its resources. Boston, 1870.

Dall W. H. Notes on the pre-historic remains in the Aleutian islands // *Proc. Calif. Acad. Sciences.* 1872. N 4.

- Dall W. H.* On further examinations of the Amaknax cave, Captain's bay, Unalaska // *Proc. Calif. Acad. Sciences.* 1873. N 17.
- Dall W. H.* Alaska mummies // *Amer. Naturalist.* 1875. Vol. 9, N 8.
- Dall W. H.* On the distribution and nomenclature of the native tribes of Alaska // *Contributions to North Amer. Ethnology.* Washington, 1877a. Vol. 1.
- Dall W. H.* On the succession in shell-heaps of the Aleutian islands // *Contributions to North Amer. Ethnology.* Washington, 1877b. Vol. 1.
- Dall W. H.* On the remains of later prehistoric man obtained from caves in the Catherine Archipelago, Alaska territory and especially from caves of the Aleutian islands. Washington, 1880. (*Smith. Contributions to Knowledge*).
- Dall W. H.* On masks, laberets and certain aboriginal customs, with an inquiry into the bearing of their geographical distribution // 3d Annu. rep. Bureau Amer. ethnology. Washington, 1884.
- Dall W. H.* On geological aspects of the possible human immigration between Asia and America // *AmA.* 1912. Vol. 19, N 1.
- Davis S. D.* Hidden Falls : A multicomponent site in the Alexander Archipelago of the Northwest coast. Philadelphia, 1980.
- De Laguna F.* Eskimo lamps and pots // *J. Royal Anthropol. Inst.* 1940. N 70.
- De Laguna F.* The prehistory of Northern North America as seen from the Yukon // *Memoirs Soc. Amer. Archaeol.* 1947. Vol. 3.
- Denniston G. B.* Cultural change at Chaluka, Umnak island : Stone artifacts and features // *ArA.* 1966. Vol. 3, N 2.
- Denniston G. B.* Diet of ancient inhabitants of Ashishik point, an Aleut community // *ArA.* 1974. Vol. 11 (Suppl.).
- Desautels R. J., McCurdy A. J., Flynn J. D., Ellis R. R.* Archaeological report, Amchitka island, 1969—1970 // *Archaeological research incorporated.* Los Angeles, 1970.
- Drucker Ph.* Sources of Northwest coast culture // *New interpretations of aboriginal American culture history.* Washington, 1955.
- Dumond D. E.* On Eskaleutian linguistics, archaeology and prehistory // *AmA.* 1965. Vol. 67, N 5.
- Dumond D. E.* Prehistoric cultural contacts in Southwestern Alaska // *Science.* 1969. Vol. 166, N 39099.
- Dumond D. E.* Early racial and cultural identifications in Southwestern Alaska // *Science.* 1971. Vol. 171, N 3966.
- Dumond D. E.* Prehistoric ethnic boundaries on the Alaska peninsula // *APUA.* 1974. Vol. 16, N 1.
- Dumond D. E.* The Eskimos and Aleuts. London, 1977.
- Dumond D. E.* Prehistory : Summary // *HNAI.* 1984. Vol. 5: Arctic.
- Dumond D. E., Conton L., Shields H. M.* Eskimos and Aleuts on the Alaska peninsula : A reappraisal of Port Möller affinities // *ArA.* 1975. Vol. 12, N 1.
- Dybowski B.* Wyspy Komandorskie. Lwow, 1885.
- Dyson G.* Baidarka. Edmonds; Washington, 1986.
- Fladmark K. R.* Early microblade industries of the Queen Charlotte islands, British Columbia // 1970 meeting of the Canadian archeol. assoc. Calgary, 1971.
- Golder F.* Eskimo and aleut stories from Alaska // *J. Amer. Folk-Lore.* 1909. Vol. 22, N 83.
- Harp E.* History of archeology after 1945 // *HNAI.* 1984. Vol. 5: Arctic.
- Harper A. B.* Life expectancy and population adaptation : The aleut centenarian approach // *The first americans : Origin, affinities and adaptation.* New York, 1979.
- Heizer R. F.* The sea otter hunt in the late nineteenth century // *APUA.* 1960. Vol. 8. N 2.
- Hirsch D.* Glottochronology and eskimo-aleut prehistory // *AmA.* 1954. Vol. 56. N 5, pt 1.
- Hrdlička A.* The Aleutian and Commander islands and their inhabitants. Philadelphia, 1945.
- Hurt W. B.* Artifacts from Shemya, Aleutian islands // *AmAn.* 1950. Vol. 16, N 1.
- Ivanov S. V.* Aleut hunting headgear and its ornamentation // 23d Intern. Congr. Amer. New York, 1928.

- J. L. S.* Neue Nachrichten von denen neuentdeckten Inseln in der See zwischen Asia und America: Aus den mitgetheilten Urkunden und Auszügen. Hamburg; Leipzig. 1776.
- Jochelson W. I.* Archaeological investigation in the Aleutian islands. Washington, 1925.
- Jochelson W. I.* People of foggy seas // Natural History. 1928. July—aug.
- Jochelson W. I.* History, ethnology and anthropology of the Aleuts. Washington, 1933.
- Johnson S. H.* The Pribilof islands : A guide to St. Paul, Alaska. St. Paul, 1978.
- Jones D. M.* Agency-community conflict // Science in Alaska : Proc. Alaska science conf. Alaska, 1969. New York, 1970.
- Jones D. M.* Contemporary aleut material culture // Modern Alaska native material culture. Fairbanks, 1972.
- Jones D. M.* The urban native encounters the social service sistem. Fairbanks, 1974.
- Jones D. M.* Aleut in transition : A comparison of two villages. Seattle, 1976.
- Journal of Alaska Native Arts.* 1985. Mar.—apr.
- The Journals of Iakov Netsvetov : The Atkha yers, 1828—1844.* Kingston (Ontario), 1980.
- Krauss M. E.* Alaska native languages : Past, present and future // Alaska Native Language Center Research. 1980. Paper 4.
- Lantis M.* The aleut social system, 1750 to 1810, from early historical sources // Ethnohistory of Southwestern Alaska and the Southern Yukon. Lexington, 1970.
- Lantis M.* The current nativistic movement in Alaska // Circumpolar problems : Habitat, economy and social relations in the Arctic. New York, 1973.
- Lantis M.* Aleut // HNAI. 1984. Vol. 5: Arctic.
- Laughlin W. S.* The Alaska gateway viewed from the Aleutian islands // Papers on the phys. anthropol. amer. Indian. New York, 1951a.
- Laughlin W. S.* Notes on an Aleutian core and blade industry // AmAn. 1951b. Vol. 17, N 1.
- Laughlin W. S.* Aleut health problems from the viewpoints of an anthropologist // Proc. Alaska Science Conf. Bull. National Research Council. 1951c. N 122.
- Laughlin W. S.* The aleut-eskimo community // APUA. 1952a. Vol. 1, N 1.
- Laughlin W. S.* Contemporary problems in the anthropology of Southern Alaska // Science in Alaska. Washington, 1952b.
- Laughlin W. S.* Neo-aleut and paleo-aleut prehistory // Proc. 32d Intern. congr. Amer. (1956). Copenhagen, 1958.
- Laughlin W. S.* Archaeological investigations on Umnak island, Aleutian // ArA. 1961. Vol. 1, N 1.
- Laughlin W. S.* Bering strait to Pudget sound : Dichotomy and affinity between Eskimo-Aleuts and american Indians // Arct. Inst. North America. Techn. Papers. 1962a. N 11.
- Laughlin W. S.* Generic problems and new evidence in the anthropology in the eskimo-aleut stock // Arct. Inst. North America. Techn. Papers. 1962b. N 11.
- Laughlin W. S.* Eskimo and Aleuts : Their origins and evolution // Science. 1963a. Vol. 142, N 3593.
- Laughlin W. S.* The earliest Aleuts // APUA. 1963b. Vol. 10, N 2.
- Laughlin W. S.* Human migration and permanent occupation in the Bering sea area // The Bering Land Bridge / Ed. by D. M. Hopkins. Stanford, 1967.
- Laughlin W. S.* Aleut ecosystem // Science. 1970. Vol. 169.
- Laughlin W. S.* Holocene history of Nicolski bay, Alaska, and aleut evolution // Folk. 1974—1975. Vol. 16—17.
- Laughlin W. S.* Aleuts : Ecosystem, holocene history, and siberian origin // Science. 1975. Vol. 189, N 4202.
- Laughlin W. S.* Aleuts : Survivors of the Bering Land Bridge. New York, 1980.
- Laughlin W. S., Aigner J. S.* Preliminary analisis of the Anangula unifacial core and blade industry // ArA. 1966. Vol. 3, N 2.
- Laughlin W. S., Black R. F.* Anangula : A geologic interpretation of the oldest archaeological site in the Aleutians // Science. 1964. Vol. 143, N 3612.

Laughlin W. S., Jørgensen J. B., Frøhlich B. Aleuts and eskimos: Survivors of the Bering Land Bridge coast // *The first americans: Origins, affinities and adaptations.* New York, 1979.

Laughlin W. S., Marsh G. A new view on the history of the Aleutians // *Arctic.* 1951. Vol. 4, N 2.

Laughlin W. S., Marsh G. The lamellar flake manufacturing site on Anangula island in the Aleutians // *AmAn.* 1954. Vol. 20, N 1.

Laughlin W. S., Reeder W. G. Revision of Aleutian prehistory // *Science.* 1962. Vol. 137, N 3533.

Laughlin W. S., Wolf S. I. The first americans: Origins, affinities and adaptations // *The first americans: Origins, affinities and adaptations.* New York, 1979.

Lippold L. K. Chaluca: The economic base // *ArA.* 1966. Vol. 3, N 2.

Ljapunova R. G. Ethnohistoire des Aléoutes des îles du Commandeur // *Inter-Nord.* 1982. N 16.

Lot-Falck E. Les masques Eskimo et Aleoutes de la collection Pinart // *J. de la Amer.* 1957. N. S. Vol. 45.

Manning Cl. Russian influence on early America. New York, 1953.

Marsh G. H., Laughlin W. S. Human anatomical knowledge among the Aleutian islanders // *Southwest. J. Anthropol.* 1956. Vol. 12, N 1.

Marsh G. H., Swadesh M. Eskimo-aleut correspondences // *Intern. J. Amer. Ling.* 1951. Vol. 17, N 4.

May A. G. Personal account of Alaska's community in far east // *Natural History.* 1942. Vol. 50, N 3.

May A. G. Mummies from Alaska // *Natural History.* 1951. Vol. 60, N 1.

McCartney A. P. Prehistoric aleut influence at Port Möller, Alaska // *APUA.* 1969. Vol. 14, N 1.

McCartney A. P. A proposed Western Aleutian phase in the Near islands, Alaska // *ArA.* 1971. Vol. 8, N 2.

McCartney A. P. Maritime adaptations on the North Pacific rim // *ArA.* 1974a. Vol. 11 (Suppl.).

McCartney A. P. Prehistoric cultural integration along the Alaska peninsula // *APUA.* 1974b. Vol. 16, N 1.

McCartney A. P. Maritime adaptations in cold archipelagoes: An analysis of environment and culture in the Aleutian and other island chains // *Prehistoric maritime adaptations of the circumpolar zones* / Ed. by W. Fitzhugh. Paris, 1975.

McCartney A. P. Prehistoric human occupation of the Rat islands // *Environment of Amchitka island, Alaska.* Washington, 1977.

McCartney A. P. Prehistory of the Aleutian region // *HNAI.* 1984. Vol. 5: Arctic.

McCartney A. P., Turner C. G. Stratigraphy of the Anangula unifacial Core and Blade site // *ArA.* 1966. Vol. 3, N 2.

McCracken H. God's frozen children. New York, 1930.

Milan L. Ch. Ethnohistory of disease and medical care among the Aleut // *APUA.* 1974. Vol. 16, N 2.

Muir J. The cruise of Corwin. Boston; New York, 1918.

Müller-Beck H. On migrations of hunter across the Bering Land Bridge in Upper Pleistocene // *The Bering Land Bridge.* Stanford (Calif.), 1967.

Ohyi H. The Okhotsk culture, a maritime culture in the South Okhotsk sea region // *Prehistoric maritime adaptations of circumpolar zones* / Ed. W. Fitzhugh. Paris, 1975.

Oswalt W. H. Alaskan Eskimos. San Francisco, 1967.

Pinart A. L. Catalogue des collections rapportées de l'Amerique Russe, par A. Pinart, exposees dans le Musee d'Histoire Naturelle de Paris. Paris, 1872.

Pinart A. L. La caverne d'Aknañh île d'Ounga. Paris, 1875.

Quimby G. J. Aleutian islanders. Chicago, 1944.

Quimby G. J. Periods of prehistoric art in the Aleutian islands // *AmAn.* 1945. Vol. 11, N 2.

- Quimby G. J.* Prehistoric art of the Aleutian islands // *Fieldiana Anthropol.* 1948. Vol. 36, N 4.
- Rainey F. G.* Eskimo prehistory : The Okvik site on Punuk islands // *Anthropol. Papers Amer. Museum Natural History.* 1941. Vol. 37, N 4.
- Ransom E. J.* Aleut natural-food economy // *AmA.* 1946a. Vol. 48.
- Ransom E. J.* Children's games among the Aleut // *J. Amer. Folklore.* 1946b. N 232.
- Ray D. J.* Aleut and eskimo art : Tradition and innovation in South Alaska. Seattle, 1981.
- Robert-Lamblin J.* An historical and contemporary demography of Akutan, an Aleutian village // *Études Inuit studies.* 1982. Vol. 6, N 1.
- Shenitz H. A.* Alaskas «Good Father» // Alaska and its history. Seattle, 1967.
- Smith B. S.* Russian orthodoxy in Alaska. Anchorage, 1980.
- Spaulding A. C.* The current status of Aleutian archaeology // *Memoirs Soc. Amer. Archaeol.* 1953. Vol. 9.
- Spaulding A. C.* Archaeological investigations on Agattu, Aleutian islands // *Anthropol. papers Univ. Michigan.* Ann Arbor, 1962.
- Steineger L.* Contributions to the history of the Commander islands // *Proc. U. S. National Museum.* 1883. Vol. 6.
- Steineger L.* The Asiatic fur-seal islands and fur-seal industry. Washington, 1898.
- Stories out of slumber : Aleutian folktales / Retold by R. Hudson.* Unalaska, 1979.
- Swadesh M.* Some new glottochronological dates for amerindian linguistic groups // *Proc. 32d Intern. Congr. Amer.* (1956). Copenhagen, 1958.
- Swadesh M.* Linguistic relations across Bering strait // *AmA.* 1962. Vol. 64, N 6.
- Szathmary E., Ossenberg N.* A the biological differences between North American indians and eskimos truly profound? // *Current Anthropol.* 1978. Vol. 19.
- Taylor W. E., Swinton G.* Prehistoric Dorset art // *The Beaver.* 1967. N 298 (Autumn).
- Torres F.* Le cas Aléoute : Une histoire singulière dans le Pacifique Nord // *Inter-Nord.* 1982. N 16.
- Torres F.* Des politiques indigènes : L'exemple des Aléoutiennes (1740—1980) // *Inter-Nord.* 1982. N 16.
- Turner C. G.* Archaeological reconnaissance of Amchitka island, Alaska // *ArA.* 1970. Vol. 7, N 2.
- Turner C. G.* Preliminary report of archaeological survey and test exavations in the Eastern Aleutian islands, Alaska // *ArA.* 1972. Vol. 9, N 2.
- Turner C. G.* The Aleuts of Akun island : A study of the peoples of one of the islands of the Eastern Aleutians // *The Alaska J.* 1976. Vol. 6, N 1.
- Turner C. G.* The first americans : The dental evidence // *National Geographic Research.* 1986. Vol. 2, N 1.
- Turner C. G., Aigner J., Richards L.* Chaluka stratigraphy, Umnak island, Alaska // *ArA.* 1974. Vol. 11(Suppl.).
- Turner C. G., Turner J. A.* Progress report on evolutionary anthropological study of Akun strait district, Eastern Aleutians, Alaska, 1970—1971 // *APUA.* 1974. Vol. 16, N 1.
- Turner L. M.* Contributions to the natural history of Alaska. . . Washington, 1886.
- Unalaska today.* Unalaska, 1980.
- VanStone J.* Commercial whaling in the Arctic ocean // *Pacific Northwest Quarterly.* 1958. Vol. 49, N 1.
- VanStone J.* Introduction // *Lieutenant Zagoskins travels in Russian America, 1842—1844.* Toronto, 1967.
- Veltre D. W.* Korovinski : The ethnohistorical archaeology of an aleut and russian settlement on Atka island, Alaska : Ph. D. Diss. in anthropol., Univ. of Connecticut. Storrs, 1979.
- Weyer E. M.* An Aleutian burial // *Anthropol. Papers Amer. Museum Natural History.* 1931. Vol. 31, N 3.
- Woodbury A. C.* Eskimo and aleut languages // *HNAI.* 1984. Vol. 5: Arctic.

Workman W. B. Prehistory at Port Möller, Alaska peninsula, in light of fieldwork in 1960 // *ArA.* 1966. Vol. 3, N 2.

Wrangell F. P. Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen and der Nordwestküste von America. St. Petersburg., 1939.

Yesner D. R. Maritime hunter-gatherers : Ecology and prehistory // *Current Anthropol.* 1980. Vol. 21, N 6

Yesner D. R. Archeological applications of optimal foraging theory : Harvest strategies of aleut hunter-gatherers // *Hunter-gatherer foraging strategies.* Chicago, 1981.

Yesner D. R., Aigner J. S. Comparative biomass estimates and prehistoric cultural ecology of the Southwest Umnak region, Aleutian islands // *ArA.* 1976. Vol. 13, N 2.

- Агаяк — алеут, переводчик (60-е гг. XVIII в.) 69
- Агранат Г. А. 51, 52, 139, 141, 157, 176, 179, 198
- Александр Ф. А. (*Alexander*) 151
- Алексеев А. И. 44, 48, 177
- Алексеев В. П. 15, 32, 42, 179, 184
- Алексеева Т. И. 32, 42
- Алексей — алеут, аманат с о-ва Уналашка (1763 г.) 67
- Алин Лука — камчатский купец, снарядил судно «Петр и Павел» (1781—1787) 78
- Аккерман Р. Е. (*Ackerman*) 17
- Андерсон Д. Д. (*Anderson*) 21, 31, 42
- Андерсон Фрэд — алеутский художник (соврем.) 172, 173
- Андреев А. И. 60
- Анна Иоанновна (1693—1740) — российская императрица (1730—1740) 52
- Антропова В. В. 178, 198
- Арсеньев А. А. 49, 129
- Арсеньев В. К. 178, 187, 198
- Арутюнов С. А. 11, 15, 29, 30, 32, 36, 38
- Асиновский А. С. 179
- Афанасьев Д. М. — контр-адмирал, в 1859—1862 и 1871—1875 гг. — начальник штаба портов Восточного океана 53
- Бакутан — алеут, тоен о-ва Атту (1760-е гг.) 64
- Банди Г. Г. (*Bandi*) 11, 31
- Барабаш-Никифоров И. И. 178
- Баранов Александр Андреевич (1746—1819) — каргопольский купец, правитель русских поселений в Америке компании Шелихова—Голикова (1790—1799), Российско-Американской компании (1799—1803), Главный правитель российских колоний в Америке (1803—1818) 47, 96, 113, 116
- Барсуков И. П. 129, 131, 133
- Барцц Ф. (*Bartz*) 50
- Басов Емельян Софронович (умер около 1765 г.) — из тобольских крестьян, сержант казачьей команды Охотского порта, организатор и мореход первых промысловых и исследовательских плаваний на Командорские и Алеутские о-ва 61, 62
- Батеньков Г. С. (1793—1863) — инженер, публицист и поэт, декабрист, член Северного общества 104
- Башмаков Петр — архангелогородский купец, исследователь Алеутских о-вов, мореход судов «Иеремия» (1753—1755), «Петр и Павел» (1756—1758) 60—62
- Белокопытов — прапорщик Охотского порта, сборщик ясака судна «Александр Невский» (1781—1791) 79
- Беляев А. — посадский, передовщик судна «Петр» (1750—1752) 61, 62
- Бенк Т. П. (*Bank*) 12, 19, 26, 27, 36, 37, 40, 94, 97, 145, 150—152
- Бенсинг — коллежский ассессор, служащий канцелярии Охотского порта 76
- Берг Л. С. 44, 52, 60, 61, 64, 65, 179
- Бергсланд К. (*Bergsland*) 9, 10, 111, 125, 168
- Беринг Витус Йонссен (1681—1741) — капитан-командор, начальник I и II Камчатских экспедиций 18, 45, 177, 179
- Берреман Дж. (*Berremann*) 97, 136, 143, 152—154
- Берх В. Н. (1781—1834) — полковник корпуса флотских штурманов, участник Первой русской кругосветной экспедиции, историк русского флота 48, 60, 68, 71, 85, 179

¹ Фамилии ученых, авторов второй половины XIX—XX в. даны курсивом.

- Бечевин Иван — иркутский купец, организатор и участник плавания судна «Гавриил» (1760—1762), исследователь Алеутских о-вов 63
- Бёфу Г. (Befu)* 18
- Биллингс И. И. (1761—1806) — капитан-командор, начальник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785—1795) 46, 57, 81, 83, 85
- Биркеланд К. (Birkeland)* 137
- Блэк Л. Т. (Black)* 34—43, 50, 52, 60, 85, 87, 119, 124, 130—134, 136, 170
- Блэк Р. Ф. (Black)* 12, 24, 25, 29
- Болховитинов Н. Н.* 44, 51, 105
- Бондарева Н. А.* 179, 198
- Борден К. Е. (Borden)* 17
- Бочаров Дмитрий Иванович — штурман, мореход судов «Проконий» (1774—1778, 1780), «Михаил» (1783—1789), «Изосим и Савватий» (1792—1802), исследователь Аляски 80
- Буйлов Алексей — сержант команды Охотского порта (60-е гг. XVIII в.) 83, 84
- Буренин Федор — вологодский купец, снарядил судно «Евил» (1773—1779) 75
- Ванкувер Дж. (1757—1798) — английский мореплаватель 51, 58
- Ван-Стоун Дж. (VanStone)* 50, 140, 152, 172
- Васильев И. Ф. (1776—1812) — штурманский 14-го класса помощник, мореплаватель на службе Российско-Американской компании (1807—1812) 109, 113, 179
- Васильев М. Н. (1770—1847) — вице-адмирал, исследователь Берингова моря и Арктики, посетил Русскую Америку во время плавания на шлюпе «Открытие» (1819—1822) 95
- Васильевский Р. С.* 11, 15, 32, 33, 38, 41, 42, 129
- Васютинский Петр — казак, сборщик ясака судна «Андрей и Наталия» (1760—1764), исследователь Алеутских о-вов 65
- Вахтин Н. Б.* 179
- Вдовин И. С.* 32, 38, 92
- Веббер Дж. — художник экспедиции Дж. Кука 47
- Вейер Е. М. (Weyer)* 24, 40
- Вельтре Д. У. (Veltre)* 24—26
- Вениамин — архиепископ Иркутский (1873—1892) 129
- Вениаминов Иоанн (Понов Иван Евсе-вич), Иннокентий (1797—1879) — миссионер, ученый, священник ула-лашкинской церкви (1824—1834), протоиерей в Ситхе (1834—1838), епископ Камчатский, Курильский и Алеутский (1840—1850), архиепископ (1850—1867), митрополит Московский и Коломенский (1868—1879) 9, 11, 23, 49, 69—71, 84—88, 90, 92—95, 98, 101, 102, 105, 108, 114—119, 122, 127—133, 135, 170, 185, 187, 188
- Вознесенский И. Г. (1816—1871) — зоолог-препаратор, собиратель коллекций по Русской Америке для музеев Академии наук 50, 91, 107, 109, 111, 114, 115
- Вологжанинов — посадский, передовщик судна «Павел» (1765—1770) 73
- Воложинов Н.* 178, 182, 183, 190—192, 195—197
- Воркман У. Б. (Workman)* 17, 22, 40, 42
- Воробьев Алексей — казак команды Охотского порта, мореход судов «Симеон и Анна» (1750—1752), «Проконий и Иоанн» (1760—1763) 64
- Воронин Лука — художник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785—1795) 47
- Врангель Ф. П. (Wrangell) (1796—1870) — адмирал, полярный исследователь, мореплаватель, Главный правитель российских колоний в Америке (1829—1835), первенствующий директор Российско-Американской компании (с 1838 г.), морской министр (1855—1857), один из учредителей Русского географического общества, чл.-кор. и почетный член Петербургской Академии наук 49, 96, 99, 104, 111, 136
- Всевидов Петр П. — купец, передовщик судов «Петр и Павел» (1756—1758), «Варфоломей и Варнава» (1777—1781) 62, 63, 75
- Вторушин Лука — соликамский посадский, мореход судна «Андрей и Наталия» (1767—1772) 73, 74
- Вульф С. И. (Wolf)* 14
- Гедеон — иеромонах, участник Первой русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Нева» под командованием Ю. Ф. Лисянского, миссионер на Кадьяке (1804—1807) 88, 95
- Гильзен К. К.* 50
- Гирш Д. (Hirsch)* 10
- Глазунов Андрей Кондратьевич — крепостной, «помощник мореходства», исследователь Аляски, на службе Рос-

- сийско-Американской компании с 1815 г. 127
- Глотов Иван (Мушкаль) — алеут, сын тоена о-ва Умнак, крестник С. Глотова (см.), главный тоен Алеутских о-вов в конце XVIII в. 66, 81, 84, 94
- Глотов Степан Гаврилович — иренский купец, исследователь Алеутских о-вов, мореход судов «Нулиан» (1758—1762), «Андреян и Наталия» (1762—1766), участник правительственной экспедиции 1764—1769 гг. на Алеутские о-ва, умер на о-ве Унимак во время зимовки экспедиции в 1768—1769 гг. 65—69, 71, 72, 85, 94
- Глушанков П. В. 46
- Говорливый З. С. — врач в российских колониях в Америке (1851—1859) 120
- Голиков Иван Илларионович (1729—1805) — курский купец 76, 80, 81
- Голиковы И. И. (см.) и Михаил С. — курские купцы, дядя и племянник 46, 53, 76
- Головак Е. В. 179
- Голодов — алеут, тоен о-ва Атту (20-е гг. XIX в.) 76, 86
- Головин П. Н. — капитан 2-го ранга, член комиссии, ревизовавшей деятельность Российско-Американской компании (1860—1861) 85, 99, 102, 117, 118, 125, 127, 128
- Головин В. М. (1776—1831) — вице-адмирал, мореплаватель, ревизовал деятельность Российско-Американской компании при посещении Русской Америки во время кругосветного плавания на шлюпе «Диана» (1817—1819) 88, 104
- Гольдер Ф. (Golder) 87
- Горелин — суздальский посадский, промышленник судна «Гавриил» (1760—1762) 64
- Гребницкий Н. А. 177, 179, 182, 183, 185, 191, 192, 197
- Григорьев Сергей Сергеевич — алеут о-ва Беринга (соврем.) 185
- Григорьева (Ионова) Нина Сергеевна — алеутка о-ва Беринга (соврем.) 201
- Грдличка А. (Hrdlička) 11, 12, 18, 19, 24—27, 37, 40, 84, 87, 144
- Громов Измаил — алеут о-ва Уналашка, священник (соврем.) 169, 170
- Громова Илатонида — алеутка о-ва Уналашка (соврем.) 170
- Гурвич И. С. 125, 179, 186, 198, 199, 202
- Гурьев — алеут (70-е гг. XVIII в.) 74
- Давыдов Г. И. (1784—1809) — лейтенант корпуса флотских штурманов, состоял на службе Российско-Американской компании (1802—1803, 1805—1807) 48, 71, 72, 86, 88, 104
- Дайсон Г. (Dyson) 174
- Дебец Г. Ф. 15
- Дедюкин Василий — тоен о-ва Амля (конец XVIII в.) 130
- Дедюкин Николай Васильевич — алеут, тоен о-вов Амля, Адак и Атха (20—30-е гг. XIX в.) 110
- Де Лагуна Ф. (De Laguna) 39, 42
- Деларов Евстрат Иванович (умер в 1806 г.) — мореход судов «Алексей» (1781—1786), «Михаил» (1790—1792), правитель российских поселений в Америке компании Шелихова — Голикова (1787—1792), один из директоров Российско-Американской компании (1792—1806) 77
- Деннистон Г. Б. (Denniston) 13, 24, 25, 40
- Деревянко А. П. 15
- Джексон Шелдон — пресвитерианский миссионер, уполномоченный по образованию на Аляске (1885—1908) 138, 142
- Джонс Д. М. (Jones) 133, 136, 156, 158—163, 167, 171
- Джонсон С. Г. (Johnson) 165
- Дивин В. А. 44, 53
- Диков Н. Н. 11, 15, 29, 31, 38, 41
- Диркс Майкл — алеут о-ва Атка, участник разработки учебной программы на западном диалекте алеутского языка (соврем.) 168
- Диркс Майкл — алеут о-ва Атка, художник (соврем.) 172
- Дисейтелс Р. (Desautels) 26, 42
- Должантов — штурман, мореход судна «Изосим и Савватий» (1771—1781) 75
- Долл У. Г. (Dall) 11, 18, 19, 23, 25—27, 40
- Дракер Ф. (Drucher) 17, 31
- Дружинин Петр (умер в 1763 г.) — квартирмейстер Охотского порта, мореход судна «Захарий и Елизавета» (1762—1763) 67, 68
- Дружинин И. — курский купец, передовщик судна «Владимир» (1758—1763) 63
- Дурнев Родион — казак, исследователь Алеутских о-вов, сборщик ясака, мореход и иеродовщик судов «Николай» (1754—1757), «Иоанн Предтеча» (1758—1763) 62, 63
- Дыбовский Б. И. (Dybowski) 178, 182, 192
- Дэвис С. Д. (Davis) 17
- Дюмонд Д. Е. (Dumond) 10, 17—22

Екатерина II (1729—1796) — российская императрица (1762—1796) 52, 78, 81

Есаков В. А. 48

Ефимов А. В. 44, 48, 51

Жуков Ф. — ярославский купец, переводчик судна «Иоанн» (1753—1755) 62

Зайков Павел Иннокентьевич — алеут о-ва Беринга (соврем.) 199

Зайков Потап Кузьмич (умер в 1791 г.) — штурман, исследователь Алеутских о-вов, мореход судов «Владимир» (1772—1779), «Александр Невский» (1781—1791), умер на Уналашке 75, 77, 79, 83

Засыркин Иван — тульский купец, компаньон в снаряжении судна «Николай» (1768—1773) 74

Захаров Яков (умер в 1763 г.) — лальский купец, промышленник судна «Иоанн» (1761—1763) 66

Зибарев В. А. 58

Зубов Н. Н. 48

Зубов П. А. (1767—1822) — новороссийский генерал-губернатор, начальник Черноморского флота 78

Иванов С. В. 123, 124

Ивашинцов Н. А. 48

Измайлов Герасим Григорьевич (умер в 1795 г.) — штурман, мореход судов «Павел» (1776—1781), «Три Святителя» (1783—1793), «Александр» (1795 г.), исследователь Аляски 90

Измайлов — алеут, тоен о-ва Танага (1825—1827) 112

Илья см. Халюнасан

Ингенстрем, Ингестрем А. И. — штурман на службе Российско-Американской компании (1821—1830) 112

Иноуэ Ясуси 78

Иохельсон В. И. (Jochelson) 9, 11, 19, 24—27, 40, 60, 87, 125, 142

Кабо В. Р. 34

Канн А. 23

Карлсон Р. Л. (Karlsen) 18

Касний Канглас — алеут, тоен о-ва Амля (1791 г.) 79

Кашеваров Александр Филиппович (1809—1866) — креол, генерал-майор, известный исследователь Аляски, ученый-гидрограф, сын Филиппа Артамоновича Кашеварова — «старово-

яжного» промышленника и учителя на Кадьяке — и местной алеутки 127, 134

Кашмак — алеут, переводчик при экипажах судов «Иулиан» (1758—1762), «Св. Троица» (1762—1763) и др. 66, 67, 69

Кацурагава Хосю 78

Квимби Г. И. (Quimby) 23, 24, 35, 40

Киселевы Михаил Федорович и Степан Федорович — иркутские купцы, снаряжали судно «Изосим и Савватий» (1777—1781, 1782—1791, 1792—1802) 75, 79, 80—82

Кларк Д. У. (Clark) 17, 23

Кларк Г. Х. (Clark) 20

Климовский Афанасий Ильич — креол, исследователь Аляски, командир судна Российско-Американской компании «Новая Финляндия» (1821—1822) 127

Кличка Ф. Н. (умер в 1786 г.) — генерал-майор, губернатор Иркутска (1778—1783) 76

Кодаю Дайкокуя — капитан японского судна «Синсё-мару», потерпевшего крушение в 1783 г. у о-ва Амчитка 78

Козицын — камчатский купец, снаряжал с компаньонами судно «Николай» (1783—1795) 80

Козлов-Угренин Г. — полковник, коммендант Охотска и Охотской области (1783 г.) 79, 83

Коллинз Г. Б. (Collins) 34, 36, 39, 84, 87, 140

Колмаков Петр Федорович — креол, исследователь Аляски (1840-е гг.), сын Ф. Л. Колмакова — тобольского ямщика, слодовжника А. А. Баранова в Русской Америке 127

Конопацкий А. К. 15, 94

Корелин Степан — камчатский мещанин, мореход судна «Варфоломей и Варнава» (1771—1781, 1782—1792) 75, 80

Коренев Григорий — енисейский посадский, передовщик судна «Петр и Павел» (1768—1770) 74

Коровин Иван — важный крестьянин (помор), исследователь Алеутских о-вов, передовщик и мореход судов «Св. Троица» (1762—1763), «Петр и Павел» (1767—1770, 1772—1776) 66—72, 74, 75

Корсаковский Петр Григорьевич — калужский мещанин, исследователь Аляски (1818—1819, 1822), конторщик на о-ве Атка (1829 г.) 110

Кортез, Кортес Эрнан (1485—1547) —

- испанский конкистадор, завоеватель Мексики 55
- Кочутин Иван — вологодский мещанин, передовщик судна «Михаил» (1790—1792) 81
- Кох И. Г. (умер в 1808 г.) — коллежский асессор, комендант Охотского порта 79
- Красильников Семен — тульский купец, снаряжал судно «Владимир» (1758—1763, 1765—1769) 63, 74
- Krauss M. E. (Krauss)* 139, 170, 175
- Креницын Н. К. (1728—1770) — капитан 1-го ранга, начальник правительственной экспедиции на Алеутские о-ва (1764—1769) 45, 84
- Крузенштерн И. Ф. (1770—1846) — адмирал, руководитель Первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806), чл.-кор. Петербургской Академии наук 48
- Крюков Василий — алеут, художник, иконописец, ученик И. Вениаминова (см.) 171
- Крюков Иван — промышленник на купеческих судах, затем байдарщик Российско-Американской компании на о-ве Унга и управляющий Уналашкинским отделом (1813—1815) 117, 130
- Крюков Семен Иванович — креол, сын И. Крюкова (см.), байдарщик на о-ве Умнак (30—40-е гг. XIX в.) 130
- Кузаков К. Г.* 179, 198
- Кук Дж. (1728—1779) — английский мореплаватель, совершивший три кругосветных плавания (1768—1771, 1772—1775, 1776—1780) 51, 58, 90, 92
- Кулагин К. В.* 178, 198
- Кулагина Л. И.* 178, 198
- Кульков Федор Афанасьевич — вологодский купец, вместе с братом Василием снаряжал судно «Захарий и Елизавета» (1759—1762, 1762—1763) 64, 68
- Купреянов И. А. (умер в 1857 г.) — вице-адмирал, мореплаватель, участник Первой русской антарктической экспедиции, Главный правитель российских колоний в Америке (1835—1840) 104, 136
- Ладыгин Иван — мореход (передовщик?) судна компании Голикова — Шелихова «Доброе намерение» св. Александра» (1795—1798) 113
- Ладыгина Юлия Сергеевна — алеутка о-ва Веринга (соврем.) 200
- Лазарев Максим — казак, сборщик яса
- ка судов «Петр и Павел» (1756—1758), «Андреян и Наталия» (1760—1764), «Евпл» (1780—1786), исследователь Алеутских о-вов 60, 62, 63, 65
- Лантис М. (Lantis)* 84, 87, 156, 167
- Ланин Иван С. — соликамский купец, компаньон в снаряжении судов «Андреян и Наталия» (1762—1766, 1767—1772), «Павел» (1765—1770, 1770—1775), «Владимир» (1776—1791, 1772—1779) 73, 75
- Ларионов Емельян Григорьевич (умер в 1806 г.) — иркутский купец, промышленник судна «Петр и Павел» (1881—1887), правитель Уналашкинского отдела владений Российско-Американской компании (1798—1806) 82, 96, 105
- Ларичев В. Е.* 15
- Лафлин В. С. (Laughlin)* 11—17, 19, 20, 22, 24—27, 32, 35, 36, 39, 40, 41 58, 84, 87, 94, 129, 130, 150, 154, 167, 172
- Лебедев Д. А.* 48
- Лебедев-Ласточкин Павел Сергеевич (умер в 1800 г.) — якутский купец, организатор промысловых плаваний судов «Георгий» (1781—1789), «Павел» (1783—1790), «Иоанн» (1791—1800) 78
- Левашов М. Д. (1738—1775) — капитан 1-го ранга, помощник начальника правительственной экспедиции на Алеутские о-ва (1764—1769), а после смерти Н. К. Креницына (см.) — ее глава 45, 91
- Левин М. Г.* 15, 56
- Леканов Ф. — президент Алеутской лиги (соврем.) 167
- Ленин В. И.* 50
- Леонтий см. Макужан 64, 95
- Лестенков Михаил — алеут, староста селения на о-ве Св. Павла о-вов Прибылова, священник (соврем.) 170
- Липпольд Л. К. (Lippold)* 24
- Лисенко, Лисенков Прокопий — нежинской мещанин, передовщик судна «Иоанн Предтеча» (1779—1785), плавал в составе правительственной экспедиции на Алеутские о-ва (1768—1769) 77
- Лисянский Ю. Ф. (1773—1837) — капитан 2-го ранга, командир шлюпа «Нева» Первой русской кругосветной экспедиции 48, 104
- Лопуленко Н. А.* 139
- Лот-Фальк Е. (Lot-Falck)* 23
- Луканин И. — соликамский купец, передовщик судна «Изосим и Савватий» (1782—1791) 81, 82

- Луканин Николай — алеут Лисьих о-вов, переводчик (конец XVIII в.) 81, 82
- Лукин Константин — ученик Я. Невцетова (см.) 136
- Лыгачев Афанасий — курский купец, промышленник судна «Николай» (1768—1773) 74
- Ляпунова Р. Г. 9, 11, 33, 46, 50, 64, 84, 123—126, 139, 179, 185, 188
- Маир Дж. (Muir) 140
- Макарий (умер в 1799 г.) — миссионер, член Первой русской православной миссии на Кадьяке (1794—1799) 80—82, 94, 95, 133
- Макарова Р. В. 44, 45, 52, 54, 179
- Мак-Гарвей Лилли — алеутский лидер (соврем.) 167, 168
- Мак-Глашан Х. — шотландец, поселившийся в 1879 г. на о-ве Акутан, родоначальник большой алеутско-шотландской семьи 148
- Мак-Картни А. П. (McCartney) 15, 18, 19, 20, 22—24, 26—29, 42
- Мак-Крекен Г. (McCracken) 24
- Макужан — мальчик алеут о-ва Атту, был увезен в Охотск на судне «Захарий и Елизавета» (1759—1762) и назван Леонтием 64
- Малахов Петр Васильевич — креол, исследователь Аляски, на службе Российско-Американской компании с 1815 г., сын сподвижника А. А. Баранова (см.) в Русской Америке 127
- Маннинг К. (Manning) 50
- Маркс К. 50
- Марш Г. Х. (Marsh) 12, 19, 35, 36
- Медведев Денис (умер в 1763 г.) — штурманский ученик, мореход и передовщик судна «Иоанн» (1761—1763) 66—68
- Мелсон М. — директор корпорации Иллюлюкской службы семьи и здоровья (соврем.) 164
- Меновицков Г. А. 11, 175, 179, 184, 185
- Менсофф О. 169
- Мерк К. Г. — натуралист Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785—1795) 57, 123
- Меркулев Василий Петрович — передовщик судна «Симеон и Анна» (1797 г.), байдарщик Российско-Американской компании на Лисьих о-вах 80, 116
- Меркулев Ларри — алеут, управляющий корпорацией о-ва Св. Павел о-вов Прибылова (соврем.) 165
- Меркулев Павел — алеут о-ва Умнак, священник, преподаватель алеутского языка (соврем.) 169, 170
- Мершенин (умер в 1825 г.) — правитель Аткинского отдела (1823—1825) 179, 180
- Милан Л. Ч. (Milan) 50, 84, 87, 143, 154, 156, 167, 179, 180
- Миллер Г. Ф. (1705—1783) — историк, географ, этнограф и картограф, академик Петербургской Академии наук, собрал большую коллекцию архивных документов по истории русских географических открытий на Дальнем Востоке и Алеутских о-вах 88
- Миропольский В. П. 179, 198
- Митька — мальчик алеут, живший при команде судна «Андреян и Наталия» (1756—1759) 62
- Михаил (умер в 1830 г.) — архиепископ Иркутский 132—134
- Михайлов П. А. (1786—1840) — художник русских кругосветных экспедиций (1819—1821, 1826—1829) 121
- Муравьев М. И. (1784—1836) — генерал-майор корпуса флотских штурманов, Главный правитель российских колоний в Америке (1820—1825) 104, 105
- Мухачев — промышленник судна «Николай» (1758—1763) 63
- Мухачев Б. И. 179, 198
- Мухин Илья — тобольский купец, компаньон в снаряжении судна «Николай» (1768—1773) 74
- Мухомлев Петр Филиппович — алеут, тоен Андреяновских о-вов (конец XVIII в.) 80, 81
- Мухомлев Филипп — штурманский ученик, мореход судов «Михаил» (1780—1786), «Изосим и Савватий» (1792—1797) 77
- Мушкаль см. Глотов Иван
- Мыльников Николай Прокофьевич — иркутский купец (конец XVIII—начало XIX в.) 46
- Мыньков, Маньков Яков — промышленник на о-вах Медный (1805—1808) и Беринга (с 1808 г.) 113
- Мэй А. (May) 12, 25, 144, 145
- Мюллер-Бек Х. (Müller-Beck) 21
- Мясных Александр — устюжский посадский, передовщик судна «Захарий и Елизавета» (1762—1763) 68
- Нагаев Леонтий — камчатский купец, передовщик судов «Михаил» (1780—1786), «Георгий» (1790—1797) 77, 83
- Наквасин Дмитрий — казак, мореход

- судна «Петр» (1747—1748, 1749—1750, 1750—1752) 61
- Наседкин Лука — казак, сборщик ясака, мореход судна «Николай» (1758—1763) 63, 68
- Невзоров — байдарщик на Лисьих о-вах (1809 г.) 116
- Невидимов Я. — камчатский купец, неродовщик судна «Петр и Павел» (1781—1787) 78
- Неводчиков Михаил Васильевич (1706—после 1767 г.) — тобольский посадский, подштурман, геодезист II Камчатской экспедиции, картограф Охотского порта, исследователь Алеутских о-вов, мореход судна «Евдоким» (1745—1747), участник правительственной экспедиции на Алеутские о-ва (1764—1769) 54, 55, 59—61
- Нецветов Антон Егорович (1814—?) — сын Е. В. Нецветова (см.), креол, вольный штурман, мореход на судах Российско-Американской компании 134
- Нецветов Василий Осипович (1836—1856) — племянник и ученик Я. Нецветова (см.) 136
- Нецветов Георгий (Егор) Васильевич (1770—1837) — тобольский ямщик, промышленник, байдарщик Российско-Американской компании, отец Я. Нецветова (см.) 134
- Нецветов Осип Егорович (1806—1863) — сын Е. В. Нецветова (см.), креол, окончил Кронштадтское штурманское училище, судостроитель на верфи Ново-Архангельска 134
- Нецветов Яков Егорович (1804—1863) — сын Е. В. Нецветова (см.), креол, окончил Иркутскую семинарию, священник на о-ве Атха (1829—1844), миссионер, священник в с. Икогмют (с 1844 г.), протоиерей 49, 95, 110, 118, 134—136
- Нецветова Анна Семеновна — жена Я. Нецветова (см.) 134
- Нецветова Елена Егоровна (1811—1845) — дочь Е. В. Нецветова (см.), жена Г. К. Терентьева (см.) 134
- Носова Г. А. 93
- Носова Евгения Михайловна — креолка, жена О. Е. Нецветова (см.) 134
- Овечкин — алеут, тоен о-ва Атха (умер около 1891 г.) 79
- О'Кейн, Окейн Джозеф (умер в 1809 г.) — капитан американского судна «Эклинс» 88, 116
- Окладников А. П. 15, 17, 33, 34, 49, 92, 128, 129, 133, 187
- Окунь С. Б. 44, 50, 97, 118, 177
- Орехов Афанасий — тульский купец, компаньон в снаряжении судов «Павел» (1765—1770, 1770—1775, 1776—1781), «Владимир» (1772—1779), «Александр Невский» (1781—1791) 73, 75, 77, 79
- Орлик О. В. 105
- Орлова Е. П. 178
- Освальт В. Х. (Oswalt) 11, 152, 172
- Охайи Х. (Ohyi) 18
- Очередин Афанасий — штурманский ученик, исследователь Алеутских о-вов, мореход судов «Павел» (1765—1770), «Климент» (1778—1785) 73, 76
- Павел см. Темнак 59
- Павел I (1754—1801) — российский император (1796—1801) 46, 81, 82
- Пановы Григорий и Петр — тотемские купцы, организаторы плаваний судов «Петр и Павел» (1764—1766, 1767—1770, 1772—1776), «Александр Невский» (1777—1781), «Климент» (1778—1785), «Николай» (1778—1785), «Евпл» (1780—1786), «Алексей» (1781—1786), «Варфоломей и Варнава» (1777—1781, 1782—1791), «Георгий» (1785—1793) 75—77, 80
- Паньков Гаврила Дмитриевич — алеут, тоен о-ва Тигалда, отец И. Панькова (см.) 131
- Паньков Дмитрий — сольвычегодский посадский, исследователь Алеутских о-вов и первооткрыватель о-ва Кадьяк, мореход и неродовщик судов «Владимир» (1758—1763), «Александр Невский» (1770—1774), «Евпл» (1780—1786) 63, 74, 76, 77
- Паньков Иван Гаврилович (1778—1850?) — алеут, тоен о-ва Тигалда, соратник И. Вениаминова (см.) по созданию алеутской письменности 130—133
- Паньков Сергей Дмитриевич — алеут, тоен Андреяновских о-вов (конец XVIII в.) 79, 80, 82, 83
- Партнов П. 170
- Пасенюк Л. М. 179
- Патканов С. 182, 192
- Пиль И. А. — генерал-губернатор Иркутской и Колыванской губерний (1790—1796) 79
- Пинар А. (Pinart) 23, 40
- Полевой Семен — иркутский купец, неродовщик судна «Владимир» (1758—1763) 63

- Полозков Матвей илимский посадский, промышленник судна «Павел» (1765—1770), передовщик судна «Изосим и Савватий» (1777—1781) 73, 75, 76
- Полонский А. С. — член совета Главного управления Восточной Сибири, автор рукописей о плаваниях промышленников на Алеутские о-ва 53, 60, 61, 63, 69, 70, 76, 78, 82, 85, 88
- Полутов Дмитрий — штурманский ученик, мореход и передовщик судов «Михаил» (1772—1778), «Николай» (1778—1785) 75—77
- Полутов Изосим — алеут, сын тоена Андреяновских о-вов (70-е гг. XVIII в.) 83
- Пономарев Савин — казак, сборщик ясака судна «Иулиан» (1758—1762) 65, 66, 85
- Попов — тотмянин, промышленник судна «Гавриил» (1760—1762) 64
- Попов Василий Семенович — лальский купец, компаньон в снаряжении судна «Проконий и Иоанн» (1760—1763) 64
- Попов Ефим — балаганский крестьянин, передовщик судна «Георгий» компании Лебедева-Ласточкина (1781—1789) 78
- Попов Иван Семенович — устюжский купец, компаньон в снаряжении судов «Проконий и Иоанн» (1764—1768), «Андрей и Наталия» (1767—1771) 72, 73
- Понов И. Е. см. Вениаминов И. 49
- Потанов Я. Е. — штурман бригаов Российско-Американской компании «Константин» (1805—1806), «Мария» (1807 г.) 113, 179
- Прасковья Андреевна — креолка, жена А. Е. Нецветова (см.) 134
- Прибылов Гаврила Логгинович (умер в 1796 г.) — подштурман, мореход судна «Георгий» (1781—1789), открыл о-в Св. Георгия о-вов Прибылова, был включен в состав экспедиции Биллингса—Сарычева (1785—1795) 78, 83
- Прибылов — камчадал, промышленник судна «Иоанн» (1753—1755) 62
- Прозоров А. А. 195, 196
- Прокофьева Васса — алеутка о-ва Атту (1937 г.) 144
- Прокофьев И. В. (умер в 1845 г.) — московский купец, правитель московской конторы Российско-Американской компании, один из ее директоров, член Главного правления (с 1844 г.) 104
- Протасов Яков — тюменский купец, компаньон в снаряжении судна «Иоанн» (1761—1763) 66
- Пушкарев Гаврила — казак, участник II Камчатской экспедиции на судне «Петр», квартирмейстер, исследователь Алеутских о-вов и п-ова Аляска, мореход судов «Гавриил» (1760—1762), «Андрей Первозванный» (1777—1781) 63
- Редько Б. А. 178, 186, 198
- Резанов Николай Петрович (1764—1807) — действительный статский советник, камергер двора, один из учредителей Российско-Американской компании, зять Г. И. Шелихова 46, 105, 116, 126, 127
- Рей Д. (Ray) 123
- Рейни Ф. Г. (Rainey) 36
- Рив Р. — организатор (в 1948 г.) и глава авиакомпании, обслуживающей Алеутские о-ва 166
- Роберт-Ламблин Ж. (Robert-Lamblin) 148
- Романов В. П. — контр-адмирал, в 1820—1822 гг. лейтенантом на корабле «Кутузов» совершил кругосветный переход в Русскую Америку, декабрист 104, 105
- Рыбинский Иван — московский купец, компаньон в снаряжении судов «Симеон и Анна» (1747—1749, 1750—1752), «Иеремия» (1753—1755), «Петр и Павел» (1756—1758, 1759—1761, 1762—1763) 61—63
- Рылеев К. Ф. (1784—1826) — поэт, публицист, историк, правитель дел канцелярии Главного правления Российско-Американской компании в Петербурге (1824—1825), декабрист, член Северного общества 104
- Рычков Ю. Г. 179, 184
- Рэнсом Е. Д. (Ransom) 143, 145, 146
- Савельев Петр — иркутский купец, мореход судна «Изосим и Савватий» (1782—1791) 79
- Савич К. И. 178
- Саламатов — промышленник, байдарщик на Ближних о-вах (1811—1829 ?) 109, 112
- Саламатов Лаврентий — креол, чтец, а с 1844 г. священник на о-ве Атха 135
- Сапожников М. — крестьянин князя Долгорукого, передовщик судна «Евпл» (1772—1779) 75
- Сапожников Тихон — казак Охотского

- порта, мореход судна «Павел» (1781—1787) 78
- Саножинов Яков — суздальский крестьянин, мореход судна «Евпл» (1772—1779) 90
- Сарычев Г. А. (1763—1831) — адмирал, ученый-гидрограф, помощник начальника Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785—1795), почетный член Петербургской Академии наук 46, 57, 81, 83—85, 89, 92, 95, 129
- Свадеш М. (*Swadesh*) 10
- Сверни Гертруда — вице-президент Уналашкинской сельской корпорации, член правления Института искусств аборигенов Аляски (соврем.) 174
- Свинтон Г. (*Swinton*) 35
- Свиньин Иван — охотский мещанин, передовщик судна «Изосим и Савватий» (1792—1802) 80, 82
- Свиньин Никифор — алеут, тоен Лисьих о-вов (конец XVIII в.) 80—82
- Седан — алеут, тоен о-ва Уналашка (1764 г.) 70
- Сергеев Д. А. 11, 15, 29, 30, 33, 36, 38
- Сергеев М. А. 178, 198, 199
- Серебренников Андрей — московский купец, приказчик купца Ивана Рыбинского (см.), передовщик судна «Иеремия» (1752—1755) 61, 62
- Серебренников Василий — московский купец, снарядил судно «Александр Невский» (1770—1774) 74
- Серебренников Семен — коряк, промышленник судна «Петр» (1750—1752), «Иоанн» (1754—1755), «Андреян и Наталия» (1756—1759), переводчик 62
- Сизых, Сизой Иван Иванович — иркутский посадский, управляющий о-вами Прибылова (до 1825 г.), Ахтинским отделом и конторой (1825—1833) 110, 112
- Сильницкий А. П. 195
- Сколков — промышленник судна «Владимир» (1758—1763) 63
- Слюнин Н. В. 178, 183, 192
- Смиренников Иван — алеут, тоен о-ва Акун, шаман 133
- Смит Б. (*Smith*) 137
- Смолин Я. — устюжский крестьянин, передовщик судна «Андреян и Наталия» (1767—1772) 73
- Снегирев Ф. Л. (1890—1965) — алеут о-ва Атка, информант К. Бергсланда (см.) 111
- Соколов А. П. 46, 60
- Соловьев Иван Максимович — тоболь-
- ский посадский, исследователь Алеутских о-вов, промышленник судов «Симеон и Анна» (1750—1752), «Иеремия» (1752—1755), передовщик судна «Иулиан» (1758—1762), мореход и передовщик судов «Петр и Павел» (1764—1766), «Павел» (1770—1775), участник правительственной экспедиции на Алеутские о-ва (1764—1769) 65, 68—72, 75, 82, 87
- Сомов О. М. (1793—1833) — журналист, поэт и переводчик, столоничник в Главном правлении Российско-Американской компании в Петербурге, декабрист 104
- Софрон (Стефан) — мальчик алеут с Ближних о-вов, жил при экипаже судна «Андреян и Наталия» (1760—1764) 59
- Софьин В. — яренский крестьянин, передовщик судна «Прокопий и Иоанн» (1764—1768) 72
- Сполдинг А. (*Spaulding*) 12, 27
- Стейнегер Л. (*Steineger*) 178
- Степанов — креол, ученик мореходства, командир бота «Сивуч» (1826 г.) 106
- Степанова М. В. 49, 50, 129
- Стефан см. Софрон 65
- Суворов Е. К. 178, 192, 195, 196
- Суворов Сергей — алеут о-ва Умнак (соврем.) 169
- Сулковский П. 178, 191
- Счасмори Е. (*Szathmary*) 42
- Тайягул Айягитку (умер в 1785 г.) — алеут, тоен Андреяновских о-вов 79
- Таксами Ч. М. 58
- Тебеньков М. Д. (умер в 1872 г.) — вице-адмирал, ученый-гидрограф и картограф, командир судов Российско-Американской компании (1825—1839). Главный правитель российских колоний в Америке (1845—1850) 104
- Тейлор У. Е. (*Taylor*) 35
- Темнак — мальчик алеут, был увезен М. Неводиновым в 1747 г. на Камчатку и назван Павлом 59
- Терентьев Григорий Климович — креол, приказчик и конторщик главной конторы Российско-Американской компании в Ситхе (1805—1827), управляющий Ахтинским отделом (с 1833 г.?) 134
- Тернер Ж. А. (*Turner*) 23
- Тернер К. Г. (*Turner*) 15, 19—21, 23, 24, 26, 87
- Тернер Л. М. (*Turner*) 26

- Тимонькин Сергей Венедиктович — алеут, родился и вырос на о-ве Медном, капитан (соврем.) 201
- Тихменев Н. А. 83, 99, 101, 115, 118, 127, 177
- Толстых — тарский разночинец, промышленник судна «Владимир» (1758—1763) 63
- Толстых Андреян (умер в 1766 г.) — селенгинский купец, организатор промысловых плаваний, исследователь Алеутских о-вов, передовщик судна «Иоани» (1749—1752), мореход и передовщик судов «Андрей и Наталия» (1756—1759, 1760—1764), «Петр» (1765—1766) 54, 55, 60, 62, 64, 65, 90
- Трапезников Никифор Матвеевич — иркутский купец, организатор многих промысловых плаваний с 1745 по 1757 г., передовщик судна «Борис и Глеб» (1749—1750), исследователь Алеутских о-вов (в конце деятельности отца на то же поприще вступает его сын Николай) 61—63, 67, 68, 71
- Трубникова О. Б. 33
- Туголуков В. А. 58
- Тукулан Аюгнан — алеут Лисьих о-вов (1780-е гг.) 83
- Тутяков Филимон — алеут с. Уналашка, глава Службы семьи и здоровья, резчик по дереву (соврем.) 164, 174
- Тютрин А. — алеут, тоен о-ва Атту (1780-е гг.) 76
- Уваровский Игнатий — камчадал, промышленник судна «Иулиан» (1758—1762) 65
- Уваровский Стефан — промышленник судна «Иулиан» (1758—1762) 65
- Уледников Яков Ф. — иркутский купец, компаньон в снаряжении судна «Петр и Павел» (1764—1766) 69
- Усов — байдарщик с Лисьих о-вов (1811 г.) 116
- Устюгов Андрей — алеут Лисьих о-вов, «ученик мореходства», участник экспедиции к устью р. Кукоквим (1819 г.), составитель первой карты северо-западного берега Америки от Бристольской губы до Порты Добрых Вестей 128
- Ушенин — тобольский купец, промышленник судна «Николай» (1768—1773) 74
- Файнберг Л. А. 10, 11, 15, 93, 97, 119, 126, 130, 139, 140
- Федорова С. Г. 44, 51, 82, 118, 127
- Флэдмарк К. Р. (Fladmark) 18
- Фома — мальчик алеут с о-ва Атха, живший при промышленниках судна «Андреян и Наталия» (1760—1764) 59, 65
- Хадсон Р. (Hudson) 169, 170
- Халюнасан — мальчик алеут с о-ва Атха, был увезен в 1750 г. на Камчатку и назван Ильей 59, 61
- Харламович К. В. 129
- Харп Е. (Harp) 18
- Харт В. Р. (Hurt) 27
- Хвостов Н. А. (1776—1809) — лейтенант корпуса флотских штурманов, состоял на службе Российско-Американской компании (1802—1803, 1805—1807) 48, 104
- Хейцер Р. (Heizer) 140
- Хлебников К. Т. (1784—1838) — служавший Российско-Американской компании (с 1800 г.), правитель Ново-Архангельской конторы (1818—1832), один из директоров компании (1835—1838), историк Русской Америки, чл.-кор. Петербургской Академии наук 47—49, 51, 54, 55, 72, 76, 79, 82, 83, 86—88, 96, 98, 100, 103, 105, 109—112, 116, 117, 177, 179, 180
- Ходиков Михаил Георгиевич (умер в 1943 г.?) — алеут, староста селения на о-ве Атту 144, 150
- Холодилов Алексей — тотемский купец, компаньон в снаряжении судна «Михаил» (1772—1778) 75, 77, 79
- Холодилов Ф. — тотемский купец, компаньон в снаряжении судов «Иоани» (1753—1755), «Андрей и Наталия» (1760—1764) и др. 62, 64
- Хувер Джон — алеутский художник (соврем.) 172, 173
- Чард Ч. С. (Chard) 11, 18, 21
- Чебаевский Афанасий Ф. — лальский купец, компаньон в снаряжении судна «Евдоким» (1745—1747) 60
- Чебаевский Терентий — лальский купец, компаньон в снаряжении судов «Иоани Предтеча» (1758—1763), «Иоани Устюжский» «Прокопий и Иоанн» (1760—1763, 1764—1768) 60, 63, 64, 72
- Черепанов Василий — алеут с. Уналашка, один из составителей учебника «Алеутский язык для начинающих» (соврем.) 169
- Черепанов Иван — алеут, был взят мальчиком на судно «Петр и Павел»

- (1756—1758), увезен на Камчатку, стал переводчиком при русских промысловых судах, а позже поступил в казаки 59, 63
- Черепанов Степан — тотемский посадский, исследователь Алеутских о-вов, мореход судов «Захарий и Елизавета» (1759—1762), «Николай» (1768—1773) 54, 95
- Черненко М. Б. 51, 64, 74, 80, 90
- Чириков А. И. (1703—1743) — капитан-командор, помощник начальника I и II Камчатских экспедиций 45
- Чистяков П. Е. (1790—1862) — адмирал, Главный правитель российских колоний в Америке 104
- Чиченов З. П. — креол, учился с 1822 г. в Кронштадтском штурманском училище, исследователь Аляски 134
- Чупров Яков — устюжанин, передовщик судна «Евдоким» (1745—1747) 60, 61
- Шашников Иннокентий — алеут, ученик Я. Невцетова (см.), после И. Вениаминова стал священником Уналашкинского отдела 135, 136
- Шашников Касьян — алеут, управляющий промыслами на о-вах Прибылова с 20-х до 60-х гг. XIX в. 119
- Шарыпов — промышленник судна «Владимир» (1758—1763) 63
- Шашков С. С. 88
- Шевиньи Г. (Chevigny) 47, 50
- Шевырин Сила — казак, сборщик ясака судов «Евдоким» (1745—1747), «Борис и Глеб» (1749—1750), «Николай» (1754—1757) 60, 62
- Шелихов Алексей Григорьевич — алеут, тоен Андреяновских о-вов (конец XVIII в.) 80, 81
- Шелихов Григорий Иванович (1747—1795) — рыльский купец, организатор промысловых компаний, послуживших основой создания Российско-Американской компании, основатель постоянных русских поселений в Америке, исследователь Аляски 46, 47, 53, 59, 75, 77, 80—82, 86, 88, 113, 126, 134
- Шенитц Е. (Shenitz) 129, 171, 172
- Шереметьева В. А. 178, 184
- Шилов Василий И. — устюжский купец, участник снаряжения судов «Павел» (1765—1770, 1770—1775, 1776—1781), «Владимир» (1772—1779) 73, 75
- Широкий В. Ф. 50
- Широкий, Широких Данила — штурман, мореход судов «Иоанн Предтеча» (1790 г.), «Симеон и Анна» (1797 г.) 81
- Шипицын — промышленник на о-ве Медный (1805—1813) 113, 179
- Шишев В. — устюжский крестьянин, передовщик судна «Александр Невский» (1781—1791) 79
- Шмалев Тимофей Иванович — исследователь Чукотки и Охотско-Камчатского края, главный командир в Большерецке на Камчатке (1771 г.) 56, 88
- Шошин В. — устюжский посадский, мореход судна «Прокопий и Иоанн» (1760—1763, 1764—1768), передовщик судна «Владимир» (1772—1779) 64, 72, 73, 75
- Шудров Иван (умер в 1820 г.) — алеут о-ва Уналашка 72
- Шульгин В. С. 93
- Шушак — алеут, тоен о-ва Умнак (около 1760 г.) 66
- Эйгнер Д. С. (Aigner) 13, 15, 19, 24, 25, 40
- Энгельс Ф. 50
- Этолин А. К. (1790—1876) — контр-адмирал, с 1818 г. на службе Российско-Американской компании (командир судов, Ново-Архангельского порта), Главный правитель российских колоний в Америке в 1840—1845 гг., член Главного правления компании с 1847 по 1859 г. 104, 115, 136
- Якобий И. В. (1726—1803) — генерал-губернатор Иркутской и Колыванской губерний (1783—1789) 80, 83

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГО	— Архив Географического общества СССР. Л.
ВА	— Вопросы антропологии. М.
ВЯ	— Вопросы языкознания. М.
ГАПО	— Государственный архив Пермской области. Пермь.
ЗГДММ	— Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества. Л.
ЛОААН	— Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР. Л.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР. Л.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
РГО	— Русское географическое общество.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР. Л.
СОАН	— Сибирское отделение Академии наук СССР.
СЭ	— Советская этнография. М.
ТИЭ	— Труды Института этнографии Академии наук СССР. Новая серия. М.
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР. Л.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов. М.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР. Л.
AmA	— American Anthropologist. Menasha.
AmAn	— American Antiquity. Menasha — Salt Lake City.
APUA	— Anthropological Papers of the University of Alaska. Fairbanks.
ArA	— Arctic Anthropology. Madison.
HNAI	— Handbook of North American Indians. Washington.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Г л а в а I. Проблема происхождения алеутов и их ранняя история в современных исследованиях	6
Г л а в а II. Алеуты Русской Америки (40-е гг. XVIII в. — 1867 г.) . . .	44
Эпоха плаваний промысловых купеческих компаний (1745—1798)	52
Времена Российско-Американской компании (1799—1867)	96
Г л а в а III. Алеуты США (70-е гг. XIX в.—современность)	138
Г л а в а IV. Этническая история командорских алеутов (первая четверть XIX в.—современность)	177
Литература	203
Указатель имен	216
Список сокращений	227

На форзаце — рисунок американского ученого XIX в. Г. В. Эллиота.

Роза Гавриловна Ляпунова

АЛЕУТЫ

Очерки этнической истории

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. П. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *О. И. Буркова* и *Э. Г. Рабинович*

ИБ № 33109

Сдано в набор 7.04.87. Подписано к печати 3.11.87.
М-33159. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная. Фото-
набор. Усл. печ. л. 14.50. Усл. кр.-отт. 15.12. Уч.-изд. л.
16.85. Тираж 1350. Тип. зак. № 1453. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.